

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

**Запад, Восток и Россия:
Историк и Текст,
или как изучать историю**

*Вопросы всеобщей истории
Выпуск 13*

Екатеринбург
2011

УДК 930.1
ББК Т
З-30

Редакционная коллегия:

Главный редактор: д.и.н., проф. *В.Н. Земцов*
к.и.н., проф. *Б.А. Сутырин*, к.и.н. *М.В. Шистеров*,
Н.Ф. Шестакова (отв. секретарь)

3-30 Запад, Восток и Россия: Историк и Текст, или как изучать историю: Вопросы всеобщей истории. – Вып. 12/14 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 218 с.

ISBN 978-5-7186-0391-0

Очередной выпуск сборника «Вопросы всеобщей истории» посвящен актуальным вопросам зарубежной и отечественной истории, в центре внимания которых находится фундаментальная методологическая проблема Текста как метанарратива и методов работы с ним.

Публикация открывается материалами “круглого стола” «Школа “Анналов”»: “историографическая революция современности”», в работе которого приняли участие преподаватели и студенты исторического факультета УрГПУ и исторического факультета УрФУ. Обсуждение вопросов, вынесенных на «круглый стол», выявило многочисленные трудности, возникающие в процессе осмысления современной исторической наукой места и значения «Школы “Анналов”» в формировании новой парадигмы историописания и методов работы историка.

Выпуск 12/14 приурочен к 80-летию профессора Бориса Алексеевича Сутырина, Почетного профессора УрГПУ и ректора Уральского педуниверситета 1984–1995 гг.

Сборник предназначен для преподавателей учебных заведений, студентов, всех интересующихся проблемами всеобщей и отечественной истории.

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2011

*Сборник посвящен юбилею
Бориса Алексеевича Сутырина –
кандидату исторических наук, профессору,
главному редактору сборника
«Вопросы всеобщей истории»*

Содержание

От редакции	7
Б.А. Сутырин О кафедре, коллегах и ... (Размышление о кафедре истории КПСС – кафедре Отечественной истории)	12
I. Материалы региональной научной конференции, проведенной в формате «круглого стола» «Школа “Анналов”: “историографическая революция современности”»	16
II. Статьи и сообщения	
М.В. Шистеров Античный полис как феномен научного воображения («город-государство», «безгосударственное общество», «государство без бюрократии»: грани концептуализации)	31
<i>Е.С. Соколова</i> Семантика образа гражданина-землевладельца и проблема «упадка нравов» в латинской нарративной традиции эпохи раннего принципата: опыт политико-правовой реконструкции	45
<i>А.А. Постникова</i> Армия Наполеона на Березене глазами британцев	61
<i>Э.А. Замов</i> Национализм Энрико Коррадини	68
<i>С.И. Ворошилин</i> Топонимические войны в мире – насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации (Часть 1)	77
<i>М.Г. Агапов</i> В поисках утраченной Родины: концепция еврейского национального очага в трудах основоположников сионизма	95
<i>С.М. Абрамов</i> «Челночная» дипломатия советского премьер-министра А.Н. Косыгина	102
<i>И.В. Грибан,</i> <i>Д. Юнгханнс</i> «Контроверза Голдхагена» в процессе «преодоления прошлого»: к истории дебатов о вине немцев...	118
<i>Е.Ю. Чемякин</i> Архаичная самобытность в современном мире (британские писатели африканского происхождения в рамках постколониального дискурса)	127
<i>Д.Н. Федорова</i> Британская империя и идентичность (на материалах британской историографии)	135
<i>А.А. Орлова</i> Электронный документ как исторический источник по новейшей истории Уэльса	146
<i>А.А. Сердюков,</i> <i>М.Б. Ковалевская</i> «Музей – реальная структура, которая работает на учебно-воспитательный процесс...»	154
<i>Г.А. Кругликова</i> Личность как субъект культурной политики в современной России (к постановке проблемы)	158
III. Публикации документов	
<i>С.В. Смирнов</i> «Едят ли люди людей и собак...» (Письма с Донбаса в Харбин 1933–1934 гг.)	165

IV. Историко-литературные опыты

<i>А.В. Гладышев</i>	Письма на Родину	170
<i>Л.С. Слободяник</i>	Пражская осень 1787 года в жизни В.А. Моцарта	180

V. Дебют

<i>Н.Ф. Шестакова</i>	Интеграция Уэльса в Английское королевство в XIII-XVI вв. на примере эволюции валлийской правовой системы	197
-----------------------	---	-----

VI. Рецензии

<i>О.С. Поршнева, М.А. Фельдман</i>	Невзятая высота. Заметки о монографии (Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920 гг. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2005.– 219 с.)	206
<i>Об авторах</i>		216

ОТ РЕДАКЦИИ

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор Б.А. Сутырин родился 26 сентября 1931 г. в г. Астрахани, в семье рабочих судоремонтного завода. В возрасте 4-х лет он переехал с семьей во Владивосток, где 1 сентября 1939 г. (!) впервые пошел в школу. Затем было возвращение в Астрахань, начало Великой Отечественной войны, немецкие бомбежки и эвакуация на Урал в г. Златоуст (с 1942 по 1944 гг.). Непростое детство на фоне самой страшной в истории человечества войны пробудило в нем тягу к познанию прошлого. Первым его наставником на этом нелегком поприще стал учитель истории средней мужской школы № 3 в г. Ужгороде А. И. Медведев. Талантливый учитель-фронтовик, умевший увлечь вчерашних детей войны своими уроками, он поощрял их творческий труд, приобщая к написанию первых докладов и рефератов для участия в конкурсах и олимпиадах.

В 1950 г., получив аттестат зрелости (успехи Б.А. Сутырина в учебе были отмечены серебряной медалью), будущий ученый и педагог выбрал стезю историка, поступив на исторический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Студентом истфака ЛГУ Б.А. Сутырину посчастливилось слушать лекции многих ведущих советских историков: известного востоковеда и крупнейшего советского египтолога того времени академика В.В. Струве, специалистов в области истории Античности профессоров К.М. Колобовой и С.И. Ковалева, известного специалиста по истории СССР профессора В.В. Мавродина, талантливого историка-исследователя и яркого лектора профессора С.Б. Окуня, известного историка-новиста профессора В.Г. Ревуненкова и др. В составе лекторской группы Областного комитета ВЛКСМ Б.А. Сутырин мог впервые апробировать полученные теоретические знания, а в период летних каникул – пройти «производственную практику» в студенческих строительных отрядах на Карельском перешейке.

В марте 1953 г. Б.А. Сутырин в составе студенческой группы историков-партийцев почти тайком выехал из Ленинграда в Москву на похороны И.В. Сталина, что стало ярким и незабываемым впечатлением для молодого историка.

Во время архивной практики в фондах Центрального государственного исторического архива (ЦГИАЛ) определилось направление научных интересов молодого исследователя. Именно там ему была предложена тема «История крепостного изобретателя машины М.Н. Сутырина», которая его действительно увлекла и впоследствии была оформлена в дипломную работу, защищенную на «отлично». После завершения учебы в ЛГУ Б.А. Сутырин по распоряжению «комиссии по распре-

делению» оказался на Урале, где с 1955 г. начинается его трудовая деятельность: сначала учителем истории Нейво-Шайтанской средней школы № 20 Алапаевского района Свердловской области, затем, спустя всего год работы – завучем и, наконец, еще через год – директором этой школы. Уже в период работы учителем Нейво-Шайтанской школы Б.А. Сутырина пришлось осваивать новые для молодого историка области знания: преподавать географию, логику, психологию и даже рисование. В дальнейшем эта уникальная способность Бориса Алексеевича быть первопроходцем, смело браться за «новое и непознанное», закладывая базу (учебно-методическую и кадровую) для будущих достижений, проявится еще неоднократно.

Став практикующим учителем, Б.А. Сутырин не оставлял мысли о продолжении учебы. В сентябре 1959 г. он успешно сдал вступительные экзамены в аспирантуру Уральского государственного университета по специальности «История СССР», но от очного обучения по семейным обстоятельствам вынужден был отказаться. (В феврале 1956 г. Б.А. Сутырин женился на выпускнице истфака ЛГУ Галине Степановне Козловой, а в 1957 г. в их семье родилась дочь Наталья.) Тем не менее, за два года заочной аспирантуры он сдал пять кандидатских экзаменов (все – на «отлично») и в октябре 1961 г. по предложению зав. кафедрой истории СССР профессора О.А. Васьковского был переведен в очную аспирантуру. Научным руководителем Б.А. Сутырина был назначен доцент В.Я. Кривоногов, в это время завершавший работу над докторской диссертацией. Темой кандидатской диссертации Б. А. Сутырина (и сферой его научного интереса) стала проблематика, связанная с транспортировкой (прежде всего водными путями) продукции горных заводов Урала. В работе над этой темой ему очень помогли директор Государственного архива Свердловской области (ГАСО) В.А. Сивков и научный сотрудник А.Г. Козлов, работавший в это время по совместительству на кафедре истории СССР. Диссертация была написана фактически за один год и впоследствии успешно защищена в диссертационном совете Пермского государственного университета.

С 1 октября 1963 г. Б.А. Сутырин был зачислен в штат кафедры истории СССР, где ему было поручено ведение практических занятий по истории Советского Союза (лекционный курс читала доцент Г.А. Кулагина). А уже в феврале 1964 г. Б.А. Сутырин был назначен на должность заместителя декана исторического факультета. (Деканом в это время был доцент кафедры всеобщей истории Ю.А. Попов.) В должности заместителя декана Б.А. Сутырин проработал до мая 1968 г. и за это время добился замечательных успехов, надолго оставив о себе добрую память. В учебном плане ему было поручено чтение лекционного курса по истории СССР на вечернем и заочном отделениях историче-

ского факультета, на отделении искусствоведения и на первом курсе отделения философии. Б.А. Сутыриным были разработаны и прочитаны спецкурсы по проблеме формирования российского пролетариата и истории движения декабристов.

В 1968 г. Б.А. Сутырин был назначен проректором по учебной работе Уральского государственного университета (на этой должности он проработал 16 лет). Под руководством ректоров университета профессора В.А. Кузнецова и профессора П.Е. Суетина, Б.А. Сутырин в новой должности активно содействовал развитию вуза. В этот период были открыты новые специальности гуманитарного профиля – «Экономика», «Социология», «Архивоведение», «Культурология» и др. Им была проделана большая работа по развитию и совершенствованию учебной, воспитательной и научно-исследовательской работы. Впервые в практику вошло использование учебно-методических комплексов по всем дисциплинам. Под его руководством были составлены и внедрены комплексные программы гуманитарной и эстетической подготовки студентов естественных факультетов и естественнонаучной подготовки студентов, обучающихся по гуманитарным специальностям. Б.А. Сутырин был одним из инициаторов разработки программы Минвуза РСФСР «Духовная культура трудящихся Урала». По его инициативе как проректора и заведующего кафедрой истории СССР, которую Борис Алексеевич возглавлял в течении 10 лет (с 1974 по 1984 г.), на историческом факультете УрГУ была начата подготовка специалистов по полевой археологии (руководителем этого направления в дальнейшем стал доктор исторических наук, профессор Р.Г. Пихоя), были проведены первые экспедиции по розыску и сбору редких книг на Урале, а затем открыта лаборатория археологических исследований и первый вузовской музей редкой книги. С 1971 г. Б.А. Сутырин в течении 13 лет (до 1984 г.) возглавлял Уральское отделение Археографической комиссии АН СССР. По его инициативе были проведены первые Уральские археографические чтения и опубликованы два выпуска «Уральского археографического ежегодника», где Б.А. Сутырин выступил в качестве главного редактора. В то же время он бессменный председатель Свердловского областного комитета по проведению Всесоюзного конкурса студенческих научных работ по общественным наукам, один из организаторов шестого движения «вузы – школам». (Впоследствии за эту работу он был награжден Почетными грамотами ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ). В 1971 и 1975 гг. за руководство студенческими отрядами по уборке урожая Б.А. Сутырин отмечен знаком «Победитель социалистического соревнования». В 1976 г. за достигнутые успехи в должности проректора награжден орденом «Знак Почета». В 1984 г. – знаком Минвуза СССР «За отличные успехи в работе».

В августе 1984 г. Б.А. Сутырин был назначен ректором Свердловского государственного педагогического института. Сложное материально-техническое положение пединститута (необходимость завершения работ по введению в строй нового учебного комплекса в Орджоникидзевском районе), слабая обеспеченность учебного процесса кадрами и техникой требовали от нового ректора большой энергии. За 10 лет пребывания на посту ректора Б.А. Сутыриным была проделана огромная плодотворная работа по развитию материально-технической базы и организационно-кадровой структуры вуза: были введены в строй новые корпуса (А, В, Г, Е) учебного комплекса по пр. Космонавтов, 26 (ныне – ГУК); организовано оснащение кабинетов, компьютерных классов, лабораторий и поточных аудиторий современной мебелью и техникой; открыты новые специальности и факультеты: исторический, экономический, социально-педагогический, психологический; приступили к работе филиалы вуза в городах Свердловской области (Каменск-Уральском, Первоуральске и Новоуральске). В ноябре 1984 г. организована проблемная лаборатория по использованию электронно-вычислительной техники в средних общеобразовательных школах и педвузах. В 1987 г. был открыт Музей истории УрГПУ (в настоящее время его возглавляет выпускница кафедры всеобщей истории И. В. Грибан), а также мемориал, посвященный погибшим студентам и преподавателям СГПИ в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). В 1991 г. Б.А. Сутырин поддержал инициативу начальника военной кафедры полковника, воина-интернационалиста В.А. Середы по открытию в УрГПУ первого в стране муниципального Музея памяти воинов-интернационалистов «Шурави». В 1993 г. начал работу первый в истории вуза совет по защите кандидатских диссертаций по педагогическим наукам (председатель – доктор педагогических наук, профессор А.С. Белкин), а в следующем году были открыты еще два совета по филологическим наукам. В декабре 1993 г. Уральский пединститут одним из первых в России за достигнутые успехи в работе получил статус педагогического университета.

Б.А. Сутырин плодотворно активизировал деятельность УрГПУ по развитию международного сотрудничества с вузами США, Германии, Франции, Бельгии и Японии. На базе УрГПУ были открыты международные центры: Региональный центр языка и культуры Франции, Методический центр языка и культуры Земли Баден-Вюртемберг (Германия), Информационный центр (США).

В 1991 г. за моральную и материальную поддержку коллектива хоровой духовной музыки «Доместик» (руководитель – заслуженный деятель культуры РФ, профессор В.А. Копанев) Б.А. Сутырин получил звание «Заслуженный деятель российского музыкального общества».

Выполняя обязанности ректора, Б.А. Сутырин активно продолжал научную и учебную работу. В 1989 – 1991 гг. он возглавлял кафедру истории КПСС, в дальнейшем переименованную в кафедру Отечественной истории (впоследствии она была передана успешно защитившему докторскую диссертацию доценту М. В. Попову), а с 1992 г., оставаясь ректором, Б.А. Сутырин стал руководителем первой кафедры возрожденного исторического факультета – кафедры всеобщей истории, на которой и продолжает плодотворно трудиться вплоть до настоящего времени уже в качестве профессора. Очень многое было сделано Борисом Алексеевичем для кадрового и научного развития исторического факультета УрГПУ и кафедры всеобщей истории в частности. По его инициативе были приглашены для работы на историческом факультете ведущие специалисты из Уральского госуниверситета, а также Института Истории и Археологии УрО РАН; организована совместно с ИИиА УрО РАН региональная научно-практическая конференция «Уральские историко-педагогические чтения» (в настоящее время работой конференции руководит Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории России УрГПУ, профессор Г.Е. Корнилов); подготовлены кадры для факультета из числа собственных воспитанников. В 1998 г. по инициативе профессора Б.А. Сутырина кафедрой всеобщей истории был учрежден ежегодный сборник научных и учебно-методических трудов «Вопросы всеобщей истории» (в настоящее время готовится к выходу очередная выпуск под номером 12/14).

За годы работы в высшей школе Борисом Алексеевичем были разработаны лекционные курсы по отечественной истории, истории социальной работы за рубежом и в России, истории государственных учреждений дореволюционной России, историографии и др. Б.А. Сутыриным опубликовано более 100 научных и учебно-методических работ. Под его руководством подготовлено и защищено 7 кандидатских диссертаций, выполнены сотни дипломных работ.

Заслуги Б.А. Сутырина перед высшей школой России отмечены правительственными наградами, Почетными грамотами, званиями «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», «Почетный профессор УрГПУ»; награжден медалью УрГПУ «За заслуги перед университетом» 1-й степени. О его вкладе в развитие исторической науки и высшей школы можно прочитать в юбилейных справочных изданиях*, а также на именном сайте в системе интернет.

* Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 1995; Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000; Память сердца. Екатеринбург, 2000; Очерки истории Уральского государственного педагогического универси-

В настоящее время профессор Б.А. Сутырин полон энергии и творческих планов. В 2002 – 2005 гг. у него вышли тремя изданиями в свет учебное пособие с грифом УМО МО РФ «История социальной работы в России и за рубежом» в соавторстве с К.В. Кузьминым. В 2005 г. третье издание получило на конкурсе в честь 75-летия УрГПУ первое место в номинации учебников и учебных пособий. В 2006 г. вышел сборник статей и глав из коллективных монографий и учебных пособий Бориса Алексеевича «50 лет на ниве просвещения», в котором был отражен широкий спектр вопросов и проблем, интересовавших автора в разные годы (от первых аспирантских публикаций 1960-х гг. по истории горнозаводских караванов до проблем историографии промышленной революции и истории социальной работы в России). В 2011 г., накануне юбилея, опубликован оригинальный сборник «Историографические этюды», отразивший поразительное многообразие научных, общественных и личных интересов Б.А. Сутырина.

Предлагаемый вниманию читателей сборник работ ряда ведущих историков, созданный в честь 80-летия профессора Б.А. Сутырина, так же до определенной степени отразил разносторонность тематики, которая увлекала и увлекает юбиляра – от археологии до Отечественной войны 1812 года, и от библиотеки Н.В. Татищева до музейного дела. Авторы, принявшие участие в сборнике, выражают своими публикациями высочайшую степень уважения Б.А. Сутырину, внесшему неоценимый вклад в развитие исторической науки и образования Уральского края, России и СССР.

Б.А. Сутырин

**О КАФЕДРЕ, КОЛЛЕГАХ И ...
(Размышление о кафедре истории КПСС – кафедре Отечественной истории)**

В дни юбилея нашего университета мне захотелось перелистать книгу памяти и отметить некоторые события, которые имели место и оставили след в личной биографии...

Было лето 1984 г. и ничто еще не предвещало августовских событий 1991 г. В июне меня пригласили в отдел науки и учебных заведений Свердловского обкома КПСС и «сделали предложение» – занять долж-

ность ректора СГПИ. Проректор Е.Л. Шувалова по состоянию здоровья должен был покинуть этот пост. Одним из первых вопросов, которые я задавал себе, был вопрос, где я смогу продолжить свою педагогическую деятельность в качестве историка. В это время исторического факультета в пединституте не было. И был сделан легкий намек на кафедру истории КПСС. Да, это тоже история, но далекая от отечественной истории России XIX века.

В это время кафедре истории КПСС возглавлял доцент, кандидат исторических наук П.В. Гришанов. С Гришановым мы впервые познакомились в середине 60-х гг. на историческом факультете УрГУ, где я в то время был заместителем декана. П.В. Гришанов читал лекции первому курсу. Мы как-то быстро установили контакт, возникло взаимопонимание. Нас сблизила не только общая профессия, но и наше педагогическое прошлое – годы работы в средних школах. П.В. Гришанов от учителя истории и директора школы продвинулся до заведующего Орджоникидзевским РОНО, а потом был приглашен в аспирантуру по общеуниверситетской кафедре истории КПСС УрГУ, которую в то время возглавлял профессор Ф.П. Быстрых, а позже возглавил профессор В.Г. Чуфаров.

И вот впервые дни работы в СГПИ я посетил кафедру истории КПСС, которая размещалась на первом этаже здания физического факультета по ул. К. Либкнехта, 9а. Состоялось знакомство с коллективом, и я получил приглашение от П.В. Гришанова поработать на кафедре. Первым факультетом, где мне пришлось читать лекции по истории КПСС, стал музыкально-педагогический факультет.

Коллектив кафедры довольно тепло принял меня. Большинство молодых членов кафедры я знал еще студентами, когда они учились на историческом факультете УрГУ. Это – М.В. Попов, В.А. Козлов, Л.Н. Шишкина, Н.Н. Баженова, Т.Г. Мосунова, О.П. Вьюкова, Л.С. Карамышева и др. Впервые я встретился с доцентами В.С. Барулиной, Н.А. Волосниковым и Н.Г. Потаповым. А с З.И. Гузненко мы познакомились еще раньше, когда она училась в аспирантуре в УрГУ.

Кафедра уже в то время была дружным и сплоченным коллективом, который ответственно и с большой отдачей не только осуществлял учебную деятельность в институте, но и выполнял большой объем политико-воспитательной работы по заданию партийных и советских органов. Преподаватели кафедры плодотворно руководили учебно-исследовательской работой студентов по общественным наукам, являясь участниками Всесоюзного конкурса по обществоведческим дисциплинам. Многие руководители и авторы рефератов были отмечены дипломами и грамотами ЦК ВЛКСМ и областного оргкомитета. Мой приход на кафедру истории КПСС предопределил мои новые научные ин-

тересы. Пришлось заняться вопросами партийного руководства народным образованием и культурой на Урале. Задача была из нелегких при моей загруженности руководством института. И первым, кто пришел на выручку, был П.В. Гришанов, который предложил написать совместную работу по истории партийного руководства народным образованием: «Партийное руководство подготовкой и воспитанием педагогических кадров: опыт и современность» (Депонирована в ИНИОН АН СССР. 02. 01. 91. № 43566).

В период работы П.В. Гришанова над докторской диссертацией основную работу на кафедре вел его заместитель доцент М.В. Попов. Именно в эти годы он сформировался как будущий руководитель этой кафедры. Уверенность, спокойствие, компетентность и доброжелательность четко прослеживались уже тогда в его делах и решениях.

1989 год был тяжелым в жизни кафедры: скоропостижно, от сердечной недостаточности, скончался П.В. Гришанов. Возник вопрос о руководстве кафедрой. По «законам» того времени руководителей кафедр общественных наук, особенно кафедр истории КПСС, назначали по решению партийных органов. В резерве у обкома были готовые кандидатуры. Но приход нового руководителя со стороны, со «своим уставом» мог вызвать целый ряд проблем, в том числе и кадровых.

Посоветовавшись в ректорате и парткоме, мы пришли к оптимальному решению: взять руководство этой кафедрой ректору института. И это решение было поддержано «наверху». Так мы сохранили кафедру, научную проблематику и дали возможность М.В. Попову сосредоточиться на завершении его докторской диссертации. Мое руководство кафедрой было больше символическим, а рабочим руководителем кафедры по-прежнему оставался М.В. Попов.

Осенью 1990 г. отмечалось 60-летие СГПИ. На торжественном заседании по этому поводу во Дворце молодежи среди выступающих с приветствием были ветераны исторического факультета, который в 1956 г. был закрыт, а видные ученые-педагоги перешли в УрГУ. Среди них были профессор М.Я. Сюзюмов, доценты Г.А. Кулагина, Е.Г. Суворов, В.Я. Кривоногов и др. Ветераны труда дали наказ: возродить исторический факультет в СГПИ. Я, как ректор, заверил бывших истфаковцев, что исторический факультет будет возрожден.

События августа 1991 г. круто изменили нашу жизнь. Кафедры общественных наук потеряли свой прежний приоритетный статус. Вместо преподавания истории КПСС была введена сначала новая дисциплина «История политических партий», а вскоре было принято решение «сверху» читать курс «Отечественной истории». За этим последовало и изменение названия кафедры. Она стала называться кафедрой Отечественной истории.

На кафедре началась работа по подготовке нового лекционного курса. В этой работе приняли участие ведущие преподаватели кафедры. И надо сказать, что эта работа была выполнена довольно успешно. Этот первый опыт создания лекционных курсов позволил позже спокойно перейти к разработке нового курса «История цивилизаций».

Помня наказ ветеранов-историков, в ректорате по моей инициативе было принято решение о начале подготовительной работы по открытию исторического факультета. Это задание было поручено доцентам кафедры отечественной истории З.И. Гузненко и Т.Г. Мосуновой. Будущую модель факультета сотрудники Министерства просвещения посоветовали взять в Ярославском педагогическом институте. Нас привлек этот план еще и наличием в Ярославском пединституте и второй специальности – «практическая психология». Это давало возможность открыть в будущем самостоятельный факультет психологии, что и случилось несколько позже.

При подготовке к открытию исторического факультета решено было скомплектовать ядро будущего коллектива педагогов исторического факультета. В штат факультета и первой кафедры всеобщей истории с января 1993 г. были включены по приказу ректора, доцент З.И. Гузненко (декан факультета), доцент Т.Г. Мосунова (зам. декана факультета), профессор Б.А. Сутырин (зав. кафедрой всеобщей истории), доцент Н.Н. Баженова, ст. препод. Г.И. Кругликова.

После окончания аспирантуры в состав кафедры вошли К.В. Кузьмин и В.Н. Ильченко. Для чтения курсов по всеобщей истории были приглашены ведущие специалисты. Среди них профессор, доктор исторических наук А.В. Черноухов (вспомогательные исторические дисциплины), доцент Н.Ф. Шилюк (история древнего мира), доцент, кандидат исторических наук О.И. Нуждин (история средних веков). А через год были приглашены профессор, доктор исторических наук В.А. Кузьмин (новая и новейшая история), доцент, кандидат исторических наук В.А. Бабинцев (история стран Востока).

Так состоялось рождение или возрождение исторического факультета СГПИ – УрГПУ, который ведет свою историю с 1992 г. А родовым гнездом нашего факультета стала кафедра отечественной истории, чем мы и гордимся.

I. Материалы региональной научной конференции, проведенной в формате «круглого стола» «Школа “Анналов”»: “историографическая революция современности”»

«ШКОЛА "АННАЛОВ"»: «ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОСТИ»

**Программа
региональной научной конференции в формате «круглого стола»
г. Екатеринбург, 19 мая 2011 г.**

Оргкомитет

Клименко Иван Михайлович, кандидат педагогических наук, профессор, декан исторического факультета УрГПУ

Бабинцев Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета УрГУ

Баранов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории УрГУ

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории УрГПУ

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики обучения истории УрГПУ

Шистеров Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории УрГПУ

Шумкина Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ

Куренбина Оксана Андреевна, заместитель декана исторического факультета УрГПУ по воспитательной работе

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории УрГПУ

Пруцакова Валентина Сергеевна, студент 3-го курса исторического факультета УрГПУ

Вопросы, выносимые на обсуждение «круглого стола»:

1. «Анналы»: историческая школа или движение?
2. Методологические парадигмы школы «Анналов» (удалось ли создать тотальную историю?)
3. Историческая антропология (может ли человек быть мерой всех вещей?)
4. Проблема исторического источника в школе «Анналов»: что есть источник?

5. «Анналы» в эпоху постмодерна: «смерть историка»?

Ведущие дискуссии:

Высокова Вероника Витальевна, к.и.н., доцент каф. новой и новейшей истории УрГУ

Земцов Владимир Николаевич, д.и.н., зав. каф. всеобщей истории УрГПУ

Участники дискуссии:

Бабинцев Владимир Алексеевич, канд. ист. наук, декан исторического ф-та УрФУ;

Краева Татьяна Васильевна, канд. ист. наук, доцент каф. новой и новейшей истории УрФУ;

Клименко Иван Михайлович, канд. пед. наук, декан исторического ф-та УрГПУ;

Баранов Николай Николаевич, канд. ист. наук, зав. каф. новой и новейшей истории УрФУ;

Горбачев Олег Витальевич, д-р ист. наук, профессор каф. теории и методики обучения истории УрГПУ;

Смирнов Сергей Викторович, канд. ист. наук, доцент каф. новой и новейшей истории УрФУ;

Сутырин Борис Алексеевич, канд. ист. наук, профессор каф. всеобщей истории УрГПУ;

Тимофеева Марина Валерьевна, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры теории и методики обучения истории УрГПУ

Ячменева Наталья Валентиновна, зав. историческим кабинетом исторического ф-та УрГПУ;

Грибан Ирина Владимировна, директор Музея УрГПУ, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Постникова Алена Александровна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Куренбина Оксана Андреевна, зам. декана по воспитательной работе исторического ф-та УрГПУ;

Бубунщикова Анна, студент 3 курса исторического ф-та УрГПУ;

Павлова Яна, студент 3 курса исторического ф-та УрГПУ;

Пруцакова Валентина, студент 3 курса исторического ф-та УрГПУ, руководитель студенческого исторического клуба “Темпога”;

Путилова Евгения, студент 3 курса исторического ф-та УрФУ;

Халилова Дильбар, студент 3 курса исторического ф-та УрГПУ;

Масакова Надежда, студент 3 курса исторического ф-та УрГПУ;

Шестакова Надежда, студент 3 курса исторического ф-та УрГПУ.

Сокращенная стенограмма «круглого стола» конференции «Школа “Анналов”»: “историографическая революция современности”»

В.Н. Земцов: Начать сегодняшний разговор я предоставляю возможность Владимиру Алексеевичу Бабинцеву.

В.А. Бабинцев: Разговор о «школе "Анналов"» начинать очень непросто, потому что загадка этой «школы» так никем и не разгадана. Что это за «школа» такая, которая большую часть своей истории (с 1929 года до настоящего времени) отрицала применительно к себе само понятие «школа»? Есть множество определений – порядка двух десятков – того, как сами анналисты называют то, что мы называем «школой Анналов». Однако в последних номерах журнала «Анналы: История и социальные науки» неоднократно встречается признание того, что «они» все-таки «школа». Возможно, здесь есть и определенная заслуга мирового профессионального сообщества, потому что именно нефранцузские авторы, в большинстве случаев, применяют к этому явлению понятие «школа» (я также в одной статье пытался убедительно доказать, что это именно «школа», несмотря на то, что сами анналисты это отрицают). Второй момент, который я бы хотел подчеркнуть и который должен наводить на определенные размышления: эту «школу» отличает принципиальная установка на методологическую рефлексию. Анналисты принципиально и много размышляют над теоретико-методологическими проблемами, но при этом всегда – на всех этапах истории этой «школы» – отрицали и отрицают свою приверженность какой-либо одной методологии. [...] В этом смысле прав мексиканский историк К.А. Агирре Рохас, который, несмотря на свое критическое отношение к «школе Анналов» (его монография так и называется – «Критический подход к истории французских "Анналов"»), утверждает, что в наше время уже нельзя называться историком без систематического изучения наследия «школы Анналов». Сегодня нет единого представления о том, что такое «школа Анналов» – движение, дух, стиль или школа...

А.А. Постникова: Если рассуждать над проблемой – что есть «школа Анналов» (движение или все-таки школа?), то в первую очередь, наверное, надо обратиться к тому, как сами анналисты осмысливали свое движение. Мне кажется, наиболее полно этот вопрос был рассмотрен Ж. Ле Гоффом в «Истории памяти», где он проанализировал развитие «школы Анналов» и достаточно убедительно обосновал, что это именно школа, у которой имеются свои традиции. Там же он определил и круг историков третьего поколения, показав, что они являются, по сути, последователями анналистов первого поколения. В последней

работе Р. Шартье, который относит себя уже к четвертому поколению «школы Анналов», также вполне определенно называет содружество анналистов «школой». Кроме того, хотелось бы отметить еще один момент. Такой известный французский историк как Франсуа Досс, некоторое время назад предложил заменить термин «школа Анналов» понятием «новая историческая наука», причем это понятие он применял уже к первому поколению. Хотя проблема соотношения этих понятий остается довольно дискуссионной. Для того чтобы попытаться ответить на вопрос о том, чем является «школа Анналов», нужно, на мой взгляд, рассмотреть то, какие принципы и традиции объединяют историков этой «школы» на протяжении всех этапов ее развития и существуют ли эти традиции сейчас. [...] Как мне представляется, определенные традиции в рамках этой «школы» всегда существовали (это касается и «тотальной истории», и «истории ментальности» и др.). Эти традиции, конечно, время от времени обновлялись, но это обновление соответствовало духу времени... Обновление в каждом поколении. [...]

В.Н. Земцов: По большому счету, нам сначала следовало бы определить, что такое «школа» и что такое «движение». Хотя, наверное, эта проблема звучит сейчас несколько схоластически. Возможно, к ней следует вернуться потом, после того, как мы «набросаем» свои ощущения...

В.А. Бабинцев: И все-таки. Что значит «школа»? Ж. Ле Гофф в своих воспоминаниях совершенно точно уловил один очень важный момент для характеристики «школы Анналов», когда передает слова своего учителя Ф. Броделя, который сказал, что у него много учеников, но практически нет последователей. Что же это за «школа» такая, где много учеников, но нет последователей?

О.В. Горбачев: Но Ф. Бродель – фигура не очень показательная, он все-таки стоит несколько особняком...

В.А. Бабинцев: Что значит «особняком»? Нет, он прекрасно вписывается во всю линию «школы Анналов». Алена Александровна чуть ранее абсолютно правильно отметила, что «школа Анналов» демонстрирует постоянное обновление. Представители этой «школы» не повторяют друг друга. [...] Это постоянно развивающаяся «школа», которая строится не на базе одной методологии или строго определенного набора принципов. Здесь действует принцип постоянного обновления, инновация возведенная в принцип. Но в то же время есть нечто постоянное в этой системе, то, что присутствует у всех представителей «школы Анналов».

Е. Путилова: На мой взгляд, «школа Анналов» – это скорее движение, как однонаправленность неоднородных мнений. Действительно, у них есть свои традиции, они развивают идеи в каком-то одном ключе,

но, знакомясь с трудами анналистов, быстро приходишь к выводу, что отсутствует в их подходах что-то четкое и структурное, что позволяло бы их определить как представителей одной школы. Иначе говоря, они развивают идеи, исходящие из одного источника, но делают это совершенно по-разному. Источником здесь, по-видимому, является человек, который ставится в центр истории как мерило всех вещей.

В.В. Высокова: Не будучи специалистом, предметно занимающимся «школой Анналов», я попробую выразить мнение историка, смотрящего на это явление «из вне». С моей точки зрения, само понятие «школа Анналов» сформулировано во многом «из вне». Историки-анналисты (действительно, очень различающиеся между собой) как бы сливаются в нечто единое, когда мы смотрим на них из Англии, Германии, США... Что же их всех единит и резко отличает от других национальных историографий? Прежде всего, это то, что все они принадлежат к французской исторической традиции, которая сформировалась в XVIII в. в эпоху Просвещения благодаря Ш. Л. Монтескье и Ж. Ж. Руссо (можно проследить ее корни и глубже, вплоть до эпохи Возрождения). Уже тогда во главу угла французской историографии был поставлен человек и социальная история, а не государство. Здесь, с моей точки зрения, очевиден контраст с британской, и в целом, англосаксонской историографией, где, несмотря на все перемены, режимы, времена и погоды, государственно-политическая история всегда стояла и стоит на первом месте. [...]

В.А. Бабинцев: Продолжая сказанное Вероникой Витальевной, хотелось бы отметить, что для «школы Анналов» с ее установкой на новое знание был очень характерен заметный уже у французских просветителей прием «остранения» (термин, сформулированный в 1917 г. в статье «Искусство как прием» Виктором Шкловским). Это значит писать о чем-то так, чтобы это выглядело странно, ибо только таким образом можно увидеть и сформулировать проблему, а значит – познать что-либо. Стремление подать объект исследования в непривычном свете, непривычном ракурсе – вот та определяющая черта, откуда вытекает принципиальный теоретико-методологический плюрализм (методологическая открытость), столь характерный для «школы Анналов» на всех этапах ее существования. Не столько открытие новых источников дает путь к новому знанию, сколько умение поставить новые вопросы при работе с уже известными источниками. Это, на мой взгляд, главная черта «школы Анналов». [...] У представителей «школы Анналов» практическая работа с источниками, т. е. конкретно-историческое профессиональное исследование на всех этапах опережает теоретико-методологическое обоснование, методологическую рефлексию. Другими словами, они сначала делают практическое исследование, а уже по-

том начинают рефлексировать, что же такое получилось... Скажем, что такое «микроистория» или «историческая антропология»? Существует пятьсот мнений на этот счет среди самих анналистов, а окончательного вывода нет... Не удивительно, что А.Я. Гуревич незадолго до своей смерти пришел к выводу о невозможности корректно определить феномен «школы Анналов». [...] В настоящее время «школа Анналов» становится не просто доминирующим, но, по сути, универсальным направлением для французской национальной историографии. Вся французская историография превращается в «школу Анналов». [...] Я бы еще отметил (цитируя английского специалиста по «школе Анналов» Питера Бёрка), что анналисты на всех этапах развития своей «школы» никогда не боролись «за что-то», но всегда – «против чего-то». Они всегда что-то отрицали! [...] Посмотрите, декларация №1 в первом номере журнала «Анналы» от 15 января 1929 г. четко прописывала, с чем они намерены бороться. В частности, в одном из пунктов декларации указывалось, что одной из целей «Анналов» является борьба против отделения истории от современности (на чем твердо стояли позитивисты – методическая школа во французской историографии). [...] Анналисты выступали также против позитивистского чрезмерного «онаучивания» истории, настаивая на том, что история это не только наука, но еще и искусство...

В.Н. Земцов: А затем они начали бороться против самих себя... [...]

Н.Н. Баранов: По моему мнению, «школа Анналов» – это всегoнавсего (хотя, может быть, это прозвучит провокационно) исторически обусловленная национальная научная традиция с очень хорошей литературной подкладкой (они практически все – мастера слова!), дополненная национальной традицией восприятия этой традиции историописания. Какими бы разными не были методологические подходы М. Блока и Ф. Броделя, читать-то их – удовольствие! И второй момент – это все-таки явление исторически обусловленное: каждое поколение анналистов против чего-то восставало (от традиции антропологизации к имманентному марксизму, затем – «тотальная история» и т.д.). Мне представляется, что малопродуктивно спорить о том, что есть «школа Анналов»: «школа» или «движение». Это гораздо более широкая форма цехового объединения...

В.А. Бабинцев: ...форма организации профессионального сообщества.

Б.А. Сутырин: Вы затронули вопрос о социальной истории. В нашей стране в этой области работает Б.Н. Миронов. Как он использует наследие «Анналов», работая над своей проблематикой?

В.А. Бабинцев: Социальная история школы «Анналов» – это одно, социальная история Б.Н. Миронова – другое. Кто его только бедного не критикует.

Б.А. Сутырин: Последний номер журнала «Российской истории» посвящен анализу последней монографии Б.Н. Миронова.

В.А. Бабинцев: Аналогичное было не в одном журнале. Он под боем критики.

В.Н. Земцов: Значит, Миронова мы вычеркиваем из списка, а все записываемся в последователи школы «Анналов» (школа, ни школа, не важно). Олег Витальевич, Вы что-то еще хотели? Пожалуйста!

О.В. Горбачев: Мы уже поняли, зачем это было нужно им, теперь надо понять, зачем это надо нам.

В.А. Бабинцев: На эту тему хорошо сказал А.Я. Гуревич в своем последнем интервью в журнале «Новое литературное обозрение» за 2006 г. Он откровенно сказал, что в связи с тем, что у нас доминировало марксистско-ленинское представление, сейчас наша наука находится в «маразматическом состоянии». Надо не отталкивать мировой опыт, везде есть прекрасные историки. Необходимо изучать их опыт, не кичиться какой-то своей самостью. По мнению Гуревича, наша самость сводится к набору «глубоких» вещей. Надо развиваться в методологическом плане, заимствовать, раз мы интегрируемся в мировое сообщество, налаживаем контакты [организуем], все больше заграничных поездок. Надо изучать, будь это школа, движение или просто форма научной организации.

В.Н. Земцов: В этой связи у нас одно время чувствовалось возникновение новой ловушки. Появилось много историков, которые бросились заниматься методологией, и забыли о посещении архивов, о той исторической науке, которая стала ассоциироваться с чем-то отжившим. У меня такое ощущение, что в последние годы мы стали эту однобокость преодолевать. Стали появляться неплохие исследования на современном методологическом уровне с прекрасной фактологией, источниками. Я бы предложил перейти к четвертому вопросу, проблеме исторического источника, как они его воспринимали, трактовали. Может быть, есть другие предложения?

В.А. Бабинцев: Источник – это святое для любого историка. Можно и об этом поговорить. Только одна девушка [в аудитории] призналась, что она читала «Монтанью». Я загадку для затравки поставлю.

В.Н. Земцов: У меня такое впечатление, что ни она одна читала «Монтанью», Владимир Алексеевич, и знает, кто переводил.

В.А. Бабинцев: Поскольку одна девушка из студентов прочитала «Монтайю», то вряд ли она обратила внимание на ту сопроводительную статейку, которую я дал. Там содержится прекрасная вещь о том, как

работали три историка с источниками и что они оттуда выжимали. А именно, три историка школы «Анналов»: М. Вовель, П. Шоню, Ф. Лебрен проанализировали каждый по отдельным провинциям и в целом по Франции серийный, прекрасно сохранившийся в каждом приходском архиве материал – завещания по XVII и XVIII веку. Сравнили и нашли возможность поставить новые вопросы и выйти на новое знание. Я студентам задаю вопрос. Все мы знаем, что человек может написать в завещании. Как Вы думаете, какие вопросы можно поставить, если у вас стопа завещаний за XVII век и рядом за XVIII? Какое знание можно выжать из этого источника?

В.Н. Земцов: Преподаватели молчат.

В.А. Бабинцев: Вот, девочка

В. Пруцакова: Можно, какие-то ценностные ориентации человека.

В.А. Бабинцев: Какие ценностные ориентации? Завещаю свату, брату...

В. Пруцакова: Вот именно, завещаю свату, брату, другу, а может быть, приюту...

В.А. Бабинцев: Какие ценностные ориентации могут проявиться?

В. Пруцакова: Например, авторитет семьи для человека.

В.А. Бабинцев: Выявить отношение человека к семье.

В. Пруцакова: Да, отношение к друзьям.

В.А. Бабинцев: А вот эти три автора обнаружили в XVIII веке по сравнению с XVII четкое сокращение так называемых «порочных излишеств» в оформлении погребальных церемоний. Если в XVII веке лошадей вдвое больше должно было быть запряжено в катафалк, плакальщиков должно было быть вдвое больше, то в XVIII в. все скромнее, гораздо меньше. В чем дело? Это хороший момент, показывающий, как именно умели работать с источником, и работы этих трех авторов определили как «новая история смерти».

О.В. Горбачев: У меня возникло ощущение какого-то самоограничения в случае с «Монтайю». Не видел что ли Э. Ле Руа Ладюри, что уязвимо использование этого пласта источников? Он же доверяет этим источникам. Не оспаривается, что свидетельства вызванных на суд, могут люди обманывать. Если нам нужна человеческая микроистория, значит, мы используем эти источники.

В.А. Бабинцев: Нет, я бы здесь не согласился, поскольку работал с этой книгой. Понимаете, это уникальный случай, когда инквизиция допросила каждого жителя деревни. Потом он [историк] сопоставляет одни и те же события, которые передавались. Элементарно, какая-нибудь крестьянка принесла соседке две свиных боковины, чтобы в ее печи закоптить. [Проведем] сопоставление показаний каждого, незави-

симо друг от друга. Автор не абсолютизирует эти показания. Когда человек на словах предан официальной церкви, как П. Клерк, священник этой деревни. Он на словах говорит одно, а делает все возможное, чтобы защитить жителей своей деревни от инквизиции.

О.В. Горбачев: Вы считаете, что никакой дополнительной верификации источников здесь не требуется?

В.А. Бабинцев: По возможности он привлекает и дополнительные материалы, но их по отдельной маленькой деревне не так и много. Тем более, описываемые события продолжаются всего в течение года. Он пытается посмотреть через каплю воды, что происходит в целом океане. Это микроистория!

О.В. Горбачев: Речь идет не о системном подходе, просто он поставил перед собой задачу, а уж получится или нет... Другие этим не занимались, а я вот смогу.

В.А. Бабинцев: Один из наших историков решил, что смог бы сделать что-то подобное о нашем Верхотурье. У него и источников хватает.

В.Н. Земцов: И что?

В.А. Бабинцев: Он пошел немножко другим путем. Не до того стало.

В.Н. Земцов: По поводу источника здесь возникает вопрос. Историки школы «Анналов» обращают внимание на Средневековье. Да, есть те, кто вырывается за эти пределы. Раннее Новое время, например.

В.А. Бабинцев: XX в., М. Ферро.

В.Н. Земцов: Может быть, но это все-таки единичные случаи. Начинали он все как медиевисты: Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и др. Это каким-то образом с источником связано, с особенностью средневекового источника или это объясняется другими обстоятельствами?

В.А. Бабинцев: Я думаю, что здесь все в комплексе. Во-первых, доступность источника, открытость архивов. Во-вторых, определенный круг людей. Лучше всех об этом сказал П.Ю. Уваров в статье, посвященной Гуревичу. Он также задается вопросом, почему у нас идеи «Анналов» стали первыми воспринимать медиевисты? Кстати, это интересный вопрос, почему определенная группа историков оказалась склонной к работе именно в этом ключе. Почему дух «Анналов» зародился именно там, а не где-то среди китаевистов.

Н.Н. Баранов: Потому что в рамках европейской науки именно медиевисты имели такую источниковедческую подготовку.

В.Н. Земцов: Не меньшая подготовка была и у античников. Однако они такого прорыва не осуществили. До сих пор они не могут его осуществить.

В.В. Высокова: Не скажите, просто это уже... Я с Владимиром Николаевичем бы не согласилась. Просто мы, наверное, меньше знаем эту традицию. Здесь сидят новисты и те, кто занимается современной историей. Это классика жанра. До сих пор во всех европейских университетах учат латынь и греческий. К сожалению, у нас этот элемент подготовки профессиональных историков утерян. Античность дальше от нас, и историографически раньше она была освоена.

В.Н. Земцов: Может быть, есть несколько вариантов ответа на этот вопрос. Один из них в том, что европейцы свои корни видят именно в Средневековье. Все институты Нового времени связаны с этим периодом, а не с античностью. Пусть меня коллеги простят. Я сейчас вспоминаю свои студенческие и аспирантские годы и разные кафедры, которые существовали на историческом факультете УрГУ. Знаете, мне кажется, что кафедра медиевистики была в меньшей степени политизирована. Новистам волей-неволей приходилось «руки-то пачкать». Медиевисты это дело обходили.

В.А. Бабинцев: Слава Аллаху (я намеренно меняю название высшего существа, чтоб плюрализм был), к нашему счастью, что нашелся период, где зародился дул «Анналов». Сегодняшние «Анналы» отходят от этого. Последние выпуски журнала «Анналы» посвящены определенной теме в разные эпохи. К примеру, история тела, история труда. Таким образом, заикливание на одной какой-то эпохе уже нет. Более того, в каждом выпуске содержится реферирование литературы по определенной проблеме.

В.Н. Земцов: Каким же богатым должно быть общество, которое может себе позволить выпускать такие квалифицированные сборники!

В.А. Бабинцев: А может стоит объединить усилия? Чем публиковать дурацкие «братские могилы», может один на всех такого рода журнал?

В.Н. Земцов: Интересное сравнение...

В.А. Бабинцев: Наши сборники часто становятся «братскими могилами». Никто их не будет читать, если ты какой-нибудь девушке с третьего курса не посоветуешь посмотреть... А если ты берешь журнал, и там сплошь история семьи в разные эпохи... К таким вещам всегда будут обращаться.

В.Н. Земцов: Это ж, Владимир Алексеевич, написать надо!

В.А. Бабинцев: Это надо собрать!

В.Н. Земцов: Пожалуйста, по поводу источника кто бы еще хотел высказаться?

В. Пруцакова: Я по поводу источников... Странно, что именно Средневековье стало объектом интереса. По Новому времени с источни-

ками гораздо легче работать. С изучением средневековых источников есть проблемы.

В.Н. Земцов: Валентина, а Вы задавались вопросом, почему Вас заинтересовал Мон-Сен-Мишель? Понимаете... не передаваемое обаяние прошлого. Почему я занялся вначале XX в., колумбийскими партизанами? Владимир Алексеевич хорошо помнит. Потом – 20-30-ми гг. XX в., потом Наполеоновской эпохой. В конечном итоге дошел до XIII в., до валлийского монаха. Это обаяние, которое никак не объяснишь.

В. Пруцакова: Дело в том, что они все были романтиками?

В.Н. Земцов: Историк не может не быть романтиком.

И.М. Клименко: Вот что можно добавить. Это романтическое отношение к источнику. Психологизм, дух эпохи делает историю интересной.

А.А. Постникова: Хотелось бы обратиться вот к какому моменту: насколько источники отвечали тем целям, которые преследовала школа «Анналов»? По крайней мере, основная часть «Анналистов» использовала французские источники, а ставила глобальные цели в отношении периодизации всей европейской истории. К примеру, средние века в Европе заканчиваются Французской революцией, либо, в целом, делают выводы о коллективном сознании европейского общества на основе французских источников. Ж. Дюби в 1998 г. попытался отойти от принципа доминирования французских источников. Рассматривая деревенское хозяйство в Европе, он не избежал обращения к итальянским источникам. Другой момент: встречаются труды в школе «Анналов», где авторы ссылаются на историков XIX в. К примеру, приводится отрывок из источника и дается ссылка на опубликованный ранее исторический труд. Как мы можем говорить о разумном, трепетном отношении к источнику?

В.Н. Земцов: Несомненно, легковесность чувствуется. Я вспоминаю студенческие годы, когда вышел первый том Ф. Броделя. Я зачитывался, конечно: такая детализация. Но те главы, которые посвящены России, вызывали просто смех. Если бы у нас историческая школа заняла доминирующее положение в мировой науке, тогда бы мы, действительно, стали центром, который смог бы навязывать хронологические рамки, какие-то принципы. Я думаю, что это скорее китайцы превратятся в такой центр, чем мы.

В.А. Бабинцев: Во! Владимир Николаевич абсолютно прав относительно того, что «Анналы» смогли сделать свою продукцию брендом. Они на весь мир продают свою Великую французскую революцию. Татьяна Васильевна работает в архиве с документами Коминтерна. Там

нет русских, кроме нее, одни китайцы. Она испугалась китайцев. Тем не менее, поработала.

О.В. Горбачев: Действительно, французы ограничивают весь мир своей территорией. Конечно, романтика романтикой, но здесь какие-то другие вещи. Привлекая внимание к изучению человека, здесь возникает проблема бессобытийности. За что критикуют и оправдывают? Наш интерес к этому подогревается неизжитым еще до конца интеллигентским комплексом неприятия официального марксизма, что мы смотрим на это с придыханием. Я не в коем случае не хочу умалить значение школы «Анналов».

В.Н. Земцов: Действительно, это характерная черта нашей науки. Причем, этот интерес быстро проходит. Вообще, удивительно, что мы еще продолжаем говорить о школе «Анналов». Владимир Алексеевич, даже Вы перестали читать спецкурс по школе «Анналов».

В.А. Бабинцев: На кафедре закрыли его, вот и все.

А.А. Постникова: Проблема источника напрямую связана с проблемой восприятия истины в истории. Как ее воспринимала школа «Анналов»? По этому поводу никаких высказываний не было вплоть до третьего поколения. В дальнейшем Ле Гофф призывает историков к тому, что прошлое лишь иллюзия, и мы можем изучать лишь трансформацию его образов. В рамках третьего поколения меняется подход к источнику. Дюби в «Бувинском воскресеньи» попытался выйти на стадию исторической памяти. У меня возник вопрос: существует ли четкое восприятие, определение исторической истины в школе «Анналов»?

В.А. Бабинцев: Существует целый спектр высказываний. Если их сопоставить, то мы получим такой разлет мнений... Лучше сейчас не обращаться к теме истины в истории.

В.Н. Земцов: Насколько достоверно историк-анналист воспроизводит историческую реальность?

В.А. Бабинцев: «Анналисты» ставят перед собой задачу не воссоздания какой-то реальности прошлого, это невозможно. В свое время Л. Фон Ранке сформулировал идею изучения прошлого, против которой выступила школа «Анналов», по мнению которой историк изучает не прошлое, а источники. Воспроизведение прошлого весьма относительно. Самое главное не это. «Анналисты» рассматривают любую современность как переплетение опытов прошлого и планов на будущее.

О.В. Горбачев: Владимир Алексеевич, насколько актуальна проблема исторического синтеза?

В.А. Бабинцев: Особый пик увлечения большими историческими синтезами уже прошел.

В.Н. Земцов: Судя по тому, как ВАК сейчас реагирует на диссертации, защищенные в междисциплинарном поле, у нас тоже сейчас плохо к этому относятся.

В.А. Бабинцев: Одно время Бродель озадачил Шоню созданием большого исторического синтеза. Когда он защитил по этой теме диссертацию, то сказал, что занимался полной ерундой: зачем я это делал? На что учитель ему сказал: кто-то же должен был это сделать!

В.Н. Земцов: Если «анналисты» люди умные, то они к своей работе относятся с долей самоиронии.

В.А. Бабинцев: Именно так. Т. Лесовский когда-то сказал: «Наука слишком серьезное дело, чтобы ей заниматься со звериной серьезностью».

В.Н. Земцов: Те историки-анналисты, с которыми доводилось встречаться, делают серьезное лицо, вдаются в детали. Где-то внутри начинаешь ощущать, что они над тобой смеются. Таковы правила игры – делать вид, что ты занимаешься серьезным делом, иначе никто это не будет оплачивать. Алена, пожалуйста.

А.А. Постникова: Буквально в прошлом году П. Нора проанализировал в книге «Переосмысливая Францию», что произошло с французской наукой под влияние его концепции «исторической памяти», школы «Анналов». Он пришел к выводу, что источник из французской науки исчез. В итоге он призвал историков вернуться к работе в архивах. Это наводит на определенную мысль. Несмотря на разные методологические подходы, все-таки мы не должны забывать о том, что делает историка историком – это в первую очередь источник и критичное отношение к нему.

В.А. Бабинцев: Вы П. Нора сильно-то не доверяйте. Он преувеличил опасность, чтобы ударить по ней.

А.А. Постникова: Значит, проблема существует.

В.Н. Земцов: Несомненно, она есть, в нашей стране она более актуальна, чем у французов.

В.В. Высокова: Я думаю, что мы с вами переходим уже к завершающей части. Я бы хотела адресовать вопрос организатору круглого стола, т.е. Владимиру Николаевичу. Как известно понятие «историографической революции» озвучил Б.Г. Могильницкий, который написал три книжки по исторической науке.

О.В. Горбачев: Вот совершенно случайно (показывает книгу Могильницкого).

В.Н. Земцов: Олег Витальевич просто все книги по историографии носит с собой.

В.В. Высокова: У меня вопрос к Владимиру Николаевичу: согласны ли Вы, что сегодня мы переживаем эту «историографическую революцию» и в чем ее смысл?

В.Н. Земцов: Именно сейчас и именно здесь или вообще?

В.В. Высокова: Вообще и в данный момент.

В.Н. Земцов: Я думаю, что мы с вами находимся несколько в другой ситуации, к сожалению, чем та, которую мы надеялись. Дело в том, что труд историка все менее и менее востребован. В сущности, наступила эпоха менеджеров. Она наступает не только у нас, она и в Европе чувствуется. Если центр исторического развития будет перемещаться на Восток, то там историческая наука будет еще более своеобразна, чем наша в советское время. В этой связи перед историком стоит простая задача, если какие вещи не вписываются в общую схему, они не имеют право на существование. Я бы хотел обозначить проблему творчества историка: читатель, автор. Историк умирает, исчезает или он все-таки остается в творчестве. Чтобы не говорил источник, но историк в первую очередь пишет о себе. Он выражает свое мнение, свою интерпретацию. В этом плане мне кажется, что мы находимся перед наступлением очень тяжелых времен, когда речь пойдет не о какой-то «историографической революции», а о исчезновении историка как представителя определенного ремесла, как представителя того сообщества, которое склонно фантазировать. Я полагаю, что никакой «историографической революции» в ближайшее время не произойдет.

В.В. Высокова: Вы считаете, что меняется место историка в мире. Историки никому не нужны, происходит «смерть автора». Может, именно в этом смысл «историографической революции».

В.А. Бабинцев: Причем здесь это и «историографическая революция». «Историографическая революция» – это появление нового качества историописания. Здесь никакой революции, просто реакция, застой. Американский политолог Крейк Хамхул, известный многим, часто приезжает в Россию. В одном из интервью он уловил четкую особенность России. Вы, говорит, странные люди русские. Вы сильны в науке на крайних полюсах, если говорить о точных науках, и в низу, где театр, балет, вот это пархание. А в середине – с историками власть не советуется, принимая решение. «Историографическая революция» прошла где-то там. Наша задача воспользоваться плодами этих революций.

Н.Н. Баранов: Если мы не хотим революции, то надо соответствовать требованиям нового менеджмента. Нам недостаточно уже микроистории, нам нужна наноистория.

В.Н. Земцов: Я начал размышлять, что же такое наноистория. Это, вероятно, клопы, которые кусали Наполеона в ночь с 14-15 сентяб-

ря, когда он остановился в русском трактире. Это было бы очень интересное исследование!

В.А. Бабинцев: На эту тему есть прекрасные работы Ле Руа Ладюри, вышедшие еще в 70-е – 80-е гг. Микробиологическая унификация мира. Наиболее драматичным был период 1600 г., когда к нам приходили их болезни, наши к ним, и, считалось, что к XIX в. микробиологическая унификация мира закончилась.

В.Н. Земцов: Сейчас, когда я сталкиваюсь с проблемой приближающегося юбилея войны 1812 г., я наиболее отчетливо вижу, как историческая наука находится под давлением политических задач. В этой комиссии по празднованию юбилея сидят одни чиновники. Такое впечатление, что эта жажда подлинной истории, о которой Алена говорила, вряд ли осуществима. Осуществимо другое то, что нам остается более спокойно с самоиронией воспринимать то, чем мы занимаемся, с улыбкой встречать указания ректората по поводу разработки новых программ. В сущности, мы уже много чего пережили в этой жизни. Я вот недавно листал вторую часть истории исторического факультета УрГУ, которую написал Черноухов. Пережили не такие революции и историографические в том числе. Стоит уповать на некую жизненную закалку. Как я прочитал о И.Н. Чампалове, о своем учителе, что с ним тогда происходило... Пожалуйста, кто бы еще хотел в заключении сказать.

В.А. Бабинцев: Пусть выскажется самая красивая из девушек.

В.Н. Земцов: Сначала надо провести конкурс.

В.А. Бабинцев: Когда говорится так, вопрос закрыт, никому выступить не дадут.

В.Н. Земцов: Дамы и господа, коллеги! Мне кажется, что мы плодотворно поработали, по крайней мере, в удовольствие, Честно говоря, я еще бы сидел и сидел, но можно посидеть не в этой аудитории, продолжить наш разговор о самых разных проблемах исторической науки. Надеюсь, что наша встреча сегодня не последняя. Владимир Алексеевич, вы сегодня были в центре внимания, вы провели мастер-класс, о котором у нас шел разговор. Я благодарю всех за участие в круглом столе. Иван Михайлович!

И.М. Клименко: Хочу сказать, спасибо Владимиру Алексеевичу и Владимиру Николаевичу, великое, большое дело совершается.

Текст стенограммы отредактирован
д.и.н. В.Н. Земцовым,
к.и.н. М.В. Шистеровым,
А.А. Постниковой.

II. Статьи и сообщения

М.В. Шистеров

Шистеров Максим Валерьевич, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

АНТИЧНЫЙ ПОЛИС КАК ФЕНОМЕН НАУЧНОГО ВООБРАЖЕНИЯ («город-государство», «безгосударственное общество», «государство без бюрократии»: грани концептуализации)

Автор рассматривает проблему античного полиса как научной категории. В статье рассматривается несколько концептуальных подходов к проблеме полиса («город-государство», «безгосударственное общество», «государство без бюрократии»); обращается внимание на дискуссионные моменты в понимании полиса современными исследователями.

Ключевые слова: полис, историография, город-государство, безгосударственное общество, государство без бюрократии.

Полис – ключевое теоретико-концептуальное понятие, отражающее конкретно-исторические реалии античного мира, без корректного, адекватного понимания которого «в истории этой эпохи вообще мало что можно в полной мере постигнуть» (1). С этим в настоящее время никто спорить не будет. Однако что же такое «античный полис» во многом по-прежнему остается загадкой, несмотря на обилие посвященной этой теме научной литературы (2).

Использование дефиниции «полис» в отечественном антиковедении (особенно активно, начиная с 50-х гг. XX в.) (3), как иногда считают, стимулировалось факторами не столько сугубо академического (научного) характера, сколько специфическими явлениями общественно-политической жизни, условиями, в которых вынуждена была существовать советская историческая наука (в том числе, изучавшая проблемы античности) (4). Одним из первых отечественных исследователей начал активно употреблять термин «полис» в своих работах, представив его развернутую характеристику, С.Л. Утченко (5). Занимаясь историей Поздней Римской республики, С.Л. Утченко рассматривал эпоху гражд-

данских войн в Риме и процесс перехода от Республики к Империи как «социальную революцию», важнейшей атрибуцией и итогом которой он считал выход Рима «за рамки полиса», замену города-государства «новым типом социальной и политической организации, новым типом государства» (6). Отождествляя римскую гражданскую общину (*civitas*) с ее греческим аналогом (*polis*) (7), С.Л. Утченко в тоже время избегал давать какие-либо исчерпывающие, точные дефиниции, полагая, что только через описание «наиболее характерных черт» античного полиса, можно приблизиться к пониманию его истинной природы (8). Достаточно быстро – в течение 1960–1980-х гг. – использование соответствующего термина («полис») стало общепотребительным для обозначения «древнегреческих государств» (и республиканского Рима) (9) в советском антиковедении (10). При этом ключевой, определяющей характеристикой полиса долгое время считалась (и зачастую считается до сих пор) так называемая «античная форма собственности» (11), характерную особенность которой видели, как правило, в том, что «она всегда выступает в противоречивой, двуединой форме, как собственность государственная и как собственность частная», и таким образом, «право частной земельной собственности определяется принадлежностью к гражданской общине» (12). В зависимости от наличия или отсутствия аналитически диагностируемой «античной формы собственности» нередко делался вывод о наличии, либо отсутствии собственно полиса (в классической форме) (13). Важно также подчеркнуть, что существование «античной формы собственности» неизменно связывалось (вслед за К. Марксом) с рабовладельческим характером античного полиса. Так, известный ленинградский/петербургский антиковед Э.Д. Фролов в монографии, специально посвященной феномену древнегреческого полиса, предлагает следующее комплексное определение: «Полис – это элементарное единство города и сельской округи, достаточное для более или менее самодовлеющего существования. Это, далее, простейшая сословно-классовая организация общества, где свободные собственники-граждане, будучи сплочены в искусственно сохраняемую, но выросшую на естественной племенной основе общину, противопоставят массе бесправных и несвободных, жестоко эксплуатируемых людей, чье человеческое достоинство принесено в жертву необходимому общественному разделению труда, исторически обусловленному, но воспринимаемому в гражданской среде как естественное с тем большей легкостью, что рабское состояние – удел чужеземцев. Это, наконец, простейшая, но вместе с тем весьма эффективная форма политической организации – республика, с более или менее развитыми принципами народоправства и материальными гарантиями их реализации, с соответственно ярко выраженной самодеятельностью обладающей необходимыми средствами и

досугом гражданской массы, с обусловленной всем этим высокой развитостью политической идеологии и культуры». Хотя Э.Д. Фролов эксплицитно не упоминает в своем определении полиса «античную форму собственности», но очевидно, что в понимании сущности исследуемого феномена автор исходит из рассуждений К. Маркса, который в «Немецкой идеологии» указывал на неразрывную и обязательную связь «античной общинной и государственной собственности» с рабовладельческим характером полиса (14).

Концепция полиса, представленная в работе признанного корифея петербургской школы антиковедения, в настоящее время продолжает оставаться достаточно авторитетной, имея своих многочисленных сторонников (15), однако в недавней работе известный московский историк, специалист по позднеархаическим и раннеклассическим Афинам И.Е. Суриков, вновь проанализировав содержание категории «античная форма собственности», усомнился в ее действительном значении для понимания феномена полиса. Справедливо указав на то, что «неполная частная собственность» как и ограниченный доступ к земле (главным образом, принадлежностью к общине и/или гражданскому коллективу), когда статус собственника сочетается со статусом полноправного члена общины, в сущности, не являются специфически античными чертами, И.Е. Суриков отказался видеть в так называемой «античной форме собственности» интегральную и главную черту полисного типа общества (16). А как же быть с «античной рабовладельческой демократией»? Отрицание или даже существенная корректировка понятия «античная форма собственности» неизбежно ставит под сомнение тезис о полисе как рабовладельческом государстве. «По нашему глубокому убеждению, – пишет И.Е. Суриков, – такая категория, как “рабовладельческое общество”, – фикция», а «взгляд на древнегреческое общество как на рабовладельческое по существу, то есть основанное на рабском труде и без него невозможное, являет собой упрощение» (17). Сразу оговоримся, мы вполне разделяем процитированные выше принципиальные положения, а также считаем достаточно убедительной приводимую в их подтверждение аргументацию (18). При этом заметим, что доводы, используемые И.Е. Суриковым против концепции «рабовладельческого полиса», отчасти уже высказывались ранее в отечественной исторической науке в ходе знаменитой дискуссии о «рабовладельческом обществе» на Древнем Востоке сторонниками концепции «азиатского способа производства» (19). Сегодня среди отечественных специалистов-востоковедов, пожалуй, почти не осталось убежденных сторонников «рабовладельческого способа производства», якобы повсеместно доминировавшего, как еще недавно считалось, в странах Древнего Востока. В антиковедении ситуация пока иная, потому появление работы

И.Е. Сурикова, акцентирующего внимание на тех сторонах феномена античного полиса, которые прежде оставались в тени, следует признать отрядным явлением. Тем более представляет интерес определение «классического древнегреческого полиса» (20), которое предлагает этот автор в своих работах: «полис есть городская гражданская община, конституирующая себя как государство» (21). Данное определение выгодно отличается своей компактностью от предлагавшихся ранее вариантов «описательного определения» (например, в работе Э.Д. Фролова), а, кроме того, представляется эвристически более значимым, чем попытки определить сущность полиса через схему «система – окружающий мир» (22). Разберем предложенное определение.

Соотношение понятий «полис» и «город» неоднократно дебатировалось как в отечественном, так и в зарубежном антиковедении (23). На том, что городской характер полиса является неотъемлемой чертой самого феномена, настаивал, в частности, Э.Д. Фролов, писавший, что «древнегреческий полис был именно единством города, гражданской общины и государства» (24). В то же время другой выдающийся отечественный антиковед, внесший значительный вклад в разработку полисной проблематики, Г.А. Кошеленко полагал, что эти понятия следует жестко разводить, вплоть до выделения дихотомии «полис – город» (25). При этом «полис» Г.А. Кошеленко понимал как гражданскую землевладельческую общину, а «город» – как зарождающийся центр ремесла и торговли, который своим развитием (ростом частного богатства и рабовладения), разрушая традиционные нормы жизни, основанные на принципах относительного равенства и простого воспроизводства, ставил под сомнение полисные (в основе своей консервативные крестьянские) ценности и нарушал тем самым гражданское единство полиса (26). И.Е. Суриков в вышеуказанной работе, апеллируя к принципу историзма, полагает возможным считать «город» характеризующим элементом полиса, но делает важное уточнение: «пользуясь категорией “город”, следует учитывать, что в античности она не только в количественном, но и в качественном аспекте имела во многом иное смысловое наполнение, нежели в наши дни» (27). Речь идет прежде всего о том, что «античный город» был «интегрально, теснейшим образом связан со своей хорошей (сельской округой – *М. Ш.*)» (28). Иначе говоря, в древнегреческой практике не наблюдалось выраженного противопоставления «города» и «деревни», так как основу населения «города» составляли не ремесленники и торговцы (как это было, например, в средневековом городе), а мелкие, средние и крупные граждане-землевладельцы. В этом смысле «античный город» на протяжении большей части своей истории (вплоть до эллинистической и римской эпох) был по преимуществу «аграрным городом» (29). Подобный взгляд на античный «город» развивал

ранее в ряде своих работ, посвященных проблемам урбанизации в древнем мире, известный отечественный ученый-антиковед Ю.В. Андреев. Он совершенно справедливо отмечал, что главной характеризующей чертой «города» в античности был его особый политический статус как «места обитания самоуправляющейся гражданской общины», а поскольку «основным структурным ядром греческого города был полис, т. е. гражданская и, одновременно, поземельная община, главным градообразующим элементом здесь могли быть лишь полноправные земельные собственники, т. е. более или менее зажиточные крестьяне» (30). Это в свою очередь объясняет тот факт, что большинство древнегреческих полисов классического периода (о которых сохранилось достаточно данных) не знало «сколько-нибудь резких социальных контрастов между городом и деревней» (31). В то же время, осозная невозможность корректного применения к античным реалиям критериев, принятых в современной социологии (в том числе понятия «город» в его современном социологическом смысле), Ю.В. Андреев пытался предложить собственную классификацию «ранних форм урбанизма», что позволило бы, по его мнению, сохранить их историческую специфику. В результате, им было выделено два типа «урбаноморфных поселений», предшествующих собственно городу: «квазигород» и «протогород». Последний определяется также как «ранний город» и, в целом, соответствует «античному городу» классического периода (за редким исключением, вроде позднеклассических Афин, где обладание гражданскими правами и статус землевладельца уже не были жестко скоррелированы, что позволяло людям, не связанным непосредственно с сельским хозяйством (ремесленникам и торговцам), ассоциировать себя с гражданской общиной, потому процессы градообразования зашли здесь наиболее далеко) (32). На наш взгляд, Ю.В. Андреев глубоко прав, когда (вслед за Л. Мамфордом) подчеркивает прежде всего военно-политические функции и назначение античного «города», который следует понимать именно как политический (в меньшей степени, религиозно-культурный) центр полиса, военную цитадель и лишь в последнюю очередь как «промышленный» (ремесленный) и торговый центр (33). Таким образом, понятие «город», если и можно приложить к античному полису (в виде составляющей или структурного элемента), то только с многочисленными и весьма существенными оговорками.

Еще сложнее обстоит дело с понятием «государство», которое по традиции широко применяется к полисному миру античных «городов». Уже Н.Д. Фюстель де Куланж в своей глубоко оригинальной, но недооцененной современниками и потомками работе «Древняя гражданская община» (1864 г.) всячески подчеркивал специфику политического устройства античных обществ, полагая, что определяющим фактором этой

специфики была религиозно-культовая практика («религиозные верования») древних греков и римлян (34). В дальнейшем, однако, под влиянием прежде всего авторитета немецкой науки (И.Г. Дройзен, Т. Моммзен, Эд. Мейер и др.) в историографии возобладали радикально иная точка зрения – модернизаторская, подчеркивающая не отличие древних обществ от современных, но, напротив, их типологическое сходство (35). Тем не менее, сомнения в адекватности традиционного подхода к пониманию политического развития гражданских обществ античности время от времени звучали на страницах антиковедческих (а в последнее время уже не только антиковедческих) журналов, провоцируя неизбежные дискуссии (36). Так, в 1989 г. на страницах самого авторитетного отечественного журнала по древней истории развернулась дискуссия, инициированная полемической статьей известного советского специалиста в области римской истории Е.М. Штаерман (37). В своей работе она, опираясь главным образом на марксистское понимание истории и государства (38), утверждала, что в республиканском Риме (по крайней мере, для IV – III вв. до н. э.) «мы не находим характерных для государства признаков, специального аппарата принуждения, стоящего над обществом и защищающего интересы одного класса» (39). Аргументируя свое мнение, Е.М. Штаерман указывала, в частности, на то, что в Риме периода Республики «аппарат исполнительной власти был ничтожно мал», «не было ничего сходного с прокуратурой», «не было полиции», «граждане не платили налогов, не было аппарата для их сборов», наконец, «в Риме того времени по существу не было органов, способных принудить исполнять законы, да и сами законы не имели санкции» (40). Характер римской ополченческой армии, комплектовавшейся из граждан, также не свидетельствует о ее связи с государством, ибо мощь армии была направлена «не на подавление сограждан, а на завоевания и удержание в повиновении покоренных» (41). Полагая, что Рим эпохи расцвета классической *civitas* вряд ли можно считать «сложившимся государством», исследовательница связала процесс формирования государства в Риме с разложением гражданской общины (Е.М. Штаерман крайне неохотно использовала в своих работах понятие «полис»!), вызванным развитием товарного хозяйства, имущественного неравенства, ростом удельного веса частной («индивидуальной») собственности, увеличением количества рабов и их роли в экономике, завоевательной политикой римлян и складыванием провинциальной системы управления, основанной на административных принципах (42). Концепция Е.М. Штаерман (в своих основных моментах – неортодоксально марксистская) не была поддержана большинством участников дискуссии, хотя многие из отмеченных ею специфических черт «римской государственности» не могут быть отброшены ссылками на то, что «государства в мировой истории могут

принимать самые разнообразные формы» (43). Неудивительно, что некоторое время назад дискуссия о полисном типе государственности (теперь уже применительно к греческому, а не римскому материалу) снова возобновилась.

В 1994 г. с тезисом о безгосударственном характере античного греческого полиса выступил израильский антиковед М. Берент, защитивший по этой теме докторскую диссертацию в Кэмбридже (44). В своей «программной» статье «Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество» он вновь ставит под сомнение традиционный взгляд на полис как «правильное государство» (45). По мнению израильского ученого полис был «не государством, а, скорее, тем, что антропологи называют “безгосударственным обществом”. Под последним понимается относительно эгалитарное нестратифицированное общество, характеризующееся отсутствием аппарата принуждения, а это означает, что право на использование насилия не монополизировано правительством или правящим классом, и возможность использовать силу более или менее равномерно распределена среди вооруженного или потенциально вооруженного населения» (46). В то же время М. Берент не склонен примитивизировать античный полис, полагая, что его безгосударственная природа не является препятствием для признания цивилизованного характера древнегреческого общества (47). Несложно заметить, что методологическую основу отстаиваемого М. Берентом взгляда на классический полис составляет концепция «раннего государства», сформулированная американскими антропологами Х.Й.М. Класеном и П. Скальником (48), а также ее более поздние модификации (особенно, концепция «аграрного государства» Э. Геллнера). Рассматривая государство с этой точки зрения, М. Берент закономерно приходит к выводу, что античный греческий полис не может быть корректно описан при помощи данной модели: отсутствие публичного аппарата принуждения (полиции и постоянной армии), бюрократических механизмов контроля и постоянного аппарата управления (полисные политические учреждения были «общественными, не отделенными от демоса») (49), преобладание внеинституциональных методов регуляции отношений внутри социума делают невозможным применение к полису категории «государства». Попытки некоторых критиков М. Берента оппортировать эти тезисы ссылками на существование в *отдельных* полисах начатков «полицейской системы» (стражники-лучники из числа рабов-скифов в Афинах, «тайная полиция» и сообщество криптов в Спарте и т.п.) не представляются убедительными уже в силу того, что ни Афины, ни Спарту (на материале которых аргументируются данные положения) ни в коей мере нельзя рассматривать в качестве примера *типичного* полиса (50). Частный характер античного рабства (как и отсутствие

«государственной эксплуатации» граждан) также, по мнению М. Берента, свидетельствует против концепции полиса как «правильного государства», контролирующего те или иные социальные группы, либо общество в целом. Таким образом, «полис, скорее, был не государством, а, как говорит Аристотель, представлял собой ассоциацию или партнерство (κοινωνία)» (51).

Концепция «безгосударственного полиса» М. Берента была подвергнута безжалостной (и во многом справедливой) критике (52), однако сторонникам этатистского взгляда на сущность античных сообществ становится все труднее доказывать, что многочисленные «особенности» полисно-республиканских структур классической древности могут быть корректно описаны посредством таких абстрактно-универсальных категорий Нового времени как «государство». Данная концептуальная коллизия заставляет многих историков-антиковедов прибегать при характеристике полиса к различным оговоркам и уточнениям, однако подобного рода паллиативные решения скорее запутывают, чем проясняют проблему. В качестве концептуального решения наиболее «прогрессивные» специалисты предлагают концепцию полиса как «постгосударства» (53), с чем, на наш взгляд, сложно согласиться. Античный полис не был, как представляется, ни «протогосударством», ни «постгосударством». Этот уникальный исторический феномен вообще вряд ли можно корректно описать в рамках традиционной парадигмы политогенеза как однолинейного двухходового моноэволюционного процесса: развития по ступеням от состояния «до» (догосударственные общества) к состоянию «после» (общества, преодолевшие рубеж государственности). По нашему глубокому убеждению, социальная эволюция человечества (как впрочем, и эволюция биологическая) есть процесс внешне недетерминированного, мультивариативного развития, где античные общества Средиземноморья представляют один из наиболее уникальных, а потому ни на что не похожих вариантов социальной самоорганизации. Подлинное значение античности нам видится в том, что созданные ею «претенциозные формы» (54) социальных систем были и во многом остаются (пока цивилизация Запада будет доминировать на нашей планете) главными достижениями социально-политической эволюции.

В качестве своеобразного эпилога приведем здесь собственное определение античного полиса (скорее в учебно-методических, нежели научных целях), которое, как нам представляется, достаточно емко и целостно (и в то же время лексически компактно) отражает характер актуальных представлений об этом историческом феномене, то есть

вполне соответствует парадигме современного научного воображения. Итак, *классический полис* – это автономная гражданская община с городским или протогородским центром (реже – без такового), самоорганизованная в сложную социально-политическую систему, выполняющую функции государства. Или более развернуто: полис – это политически независимая (автономная/суверенная), экономически самостоятельная (автаркичная), как правило, урбанизированная (с городским/протогородским центром), территориально и демографически замкнутая, локальная гражданская община собственников-землевладельцев, представляющая собой сложное социально-экономическое, территориально-политическое и культово-религиозное единство (общественно-политическую форму), основанное прежде всего на гражданской солидарности и внеинституциональных механизмах социального контроля (55), со специфической, не отделенной от гражданского коллектива потестарно-политической и судебной организацией, функционально заменяющей государственный (административно-бюрократический) аппарат.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В.В. Деметьева, И.Е. Суриков. М., 2010. С. 8. Многие соображения, высказанные И. Е. Суриковым в данной работе, при всей их относительной новизне, нам представляются весьма важными (особенно в контексте отечественной историографии проблемы полиса), поэтому ниже мы еще неоднократно будем обращаться к этой статье-лекции, внося по возможности необходимые, на наш взгляд, коррективы.
2. Для первичного ознакомления с проблемой полиса см.: Коптев А.В. Античное гражданское общество // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Сб. ст. Вологда, 1997. С. 11–30 ; Кругликова Г.И. Античный полис как гражданская община // Запад, Восток и Россия: источник в микро- и макроисторической перспективе: Вопросы всеобщей истории. Сб. ст. Екатеринбург, 2006. Вып. 8. С. 125–142.
3. Русские дореволюционные историки (как и большинство их коллег за рубежом) использовали вместо термина «полис» составное понятие «город-государство»/«государство-город».
4. См., напр.: Карпюк С.Г. Греческий полис: история научного термина // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 5. Екатеринбург, 2008. Вып. 3. С. 226–234. Впрочем, подобным образом сложно объяснить достаточно широкое использование интересующего нас термина в современной зарубежной историографии, где по выражению Могенса Г. Хансена – одного из крупнейших исследователей данной проблемы, возглавляющего основанный в 1993 г. Копенгагенский центр по изучению полиса (The Copenhagen Polis Centre) – это древнегреческое слово служит для обозначения «города» (*City* как формы социально-политической организации населения и *Town* как ее материального воплощения – урбанистического центра), «государства» (*State*, под которым М.Г. Хансен понимает «конкретную территорию, с наличным населением, а также институционально оформленное центральное правительство, наделенное исключительным правом устанавливать и предписывать юридический порядок на данной территории, обязательный для ее населения») и их комбинации – «города-государства» (англ. *City-State*, нем. *Stadtstaat*, дат. *Bystat*, франц. *Cité-État*, итал. *Città-Stato* и др.) См. об этом: Hansen M.

- H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford; New York, 2006. P. 1, 147–148 (notes 1–3). Понятие «полис» широко представлено в таких авторитетных коллективных трудах как «Кембриджская история древнего мира» и «История человечества».
5. Наиболее развернуто см.: Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики: Из истории политических идей I в. до н.э. М., 1952. С. 7–26.
6. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 5.
7. При этом греческое слово «полис» С.Л. Утченко использовал в качестве «видового» понятия, для общего обозначения соответствующих структур (Там же. С. 6).
8. Там же. С. 14. Среди характерных черт полиса С.Л. Утченко отмечал прежде всего так называемые «гарантии» права собственности.
9. Необходимо отметить, что римская civitas заслуживает, безусловно, отдельного рассмотрения; см., напр.: Ando C. Was Rome a Polis? // Classical Antiquity. 1999. Vol. 18. P. 5–34.
10. Термин «полис» и его производные встречаются в работах таких выдающихся отечественных историков-антиковедов того времени как О. В. Кудрявцев, К.М. Колобова, Л.М. Глускина, А.И. Доватур и др.
11. Понятие, о котором идет речь, было использовано К. Марксом в работе «Немецкая идеология». Фрагмент из этой работы под заголовком «Формы, предшествующие капиталистическому производству» был опубликован в 1940 г. в «Вестнике древней истории» (№ 1).
12. Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 271. См. также: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб., 2004. С. 15–16 (1-е изд. – Л., 1988).
13. См., напр.: Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция: Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 31–36.
14. Соответствующий фрагмент из «Немецкой идеологии» К. Маркса, приводится Э.Д. Фроловым (сокр.): «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это – совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации» (Цит. по: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. С. 15). Необходимо отметить, что указанная точка зрения и в настоящее время имеет своих убежденных сторонников; см., напр.: Медведев А. П. Был ли греческий полис государством? // Античный мир и археология. Сб. ст. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 30.
15. В новейшей коллективной монографии, выпущенной кафедрой истории древней Греции и Рима и посвященной проблемам античной демократии представлен все тот же «фроловский» взгляд на полис, см.: Проблемы античной демократии: Колл. монография / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2010.
16. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 30–34.
17. Там же. С. 38, 39.
18. Там же. С. 34–40. Позицию И.Е. Сурикова по этому вопросу поддержала В. В. Дементьева, один из крупнейших современных отечественных специалистов по раннереспубликанскому Риму; см.: Дементьева В.В. Римская civitas республиканской эпохи // Античный полис. Курс лекций. С. 141, 143–144. Ср.: Медведев А. П. Указ. соч. С. 28–29.
19. Об «азиатском способе производства» см.: Дискуссия об азиатском способе производства. М.-Л., 1931; Васильев Л.С. Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3. С. 65–75; Его же. История Востока: В 2-х тт. М., 2001. Т. 1. С. 28 слл. Ср.: Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957. P. 12, 17–20.
20. И.Е. Суриков призывает теоретически разграничивать «архаический» и «классический» полис. В это разграничение автор вкладывает не только хронологический, но и стадияльно-типологический смысл, см.: Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 13–18.

21. Там же. С. 21. См. также: Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 38 ; Его же. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009. С. 23 ; и др.
22. Примеры подобных определений: «Полис – организация господствующего класса (коллектива граждан) перед лицом угнетенных» (Кругликова Г. И. Античный полис как гражданская община. С. 139) ; «Полис – это инструмент противостояния враждебному внешнему миру, основанный на внутренней интеграции коллектива» (Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция: Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 161).
23. Проблематичность использования понятия «город» применительно к античному миру осознавалась уже У. Виламовицем-Мёллендорфом (Wilamowitz-Möllendorff U. von, Niese V. Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Berlin–Leipzig, 1910. S. 42), а в дальнейшем неоднократно дебатировалась ведущими зарубежными антиковедами, см., напр.: Kirsten E. Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956 ; Hammond M. The City in the Ancient World. Cambridge, 1972 ; Starr Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece 800 – 500 B.C. N. Y., 1977 ; Hansen M. H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford; New York, 2006 ; etc.
24. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 51.
25. Нельзя не отметить влияние на взгляды Г.А. Кошеленко концепций Э. Кирстена и Ф. Фиттингофа.
26. Подробнее см.: Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы // Вестник древней истории (далее – ВДИ). 1980. № 1. С. 3–27.
27. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 20. Здесь же автор пишет: «Такой тип населенного пункта, который по современным меркам никак не может считаться городом и который мы ни в коем случае не признали бы таковым, в античном греческом мире вполне мог восприниматься как город» (Там же). Проблема, однако, заключается в том, что у греков, судя по всему, не было специального обозначения для «города», отличного от полисемантического понятия «полис» («город» выступает лишь территориальным воплощением «полиса», его общественно-политическим и религиозно-культурным центром). Можно ли в таком случае говорить, что древний грек мог воспринимать что бы то ни было как «город» в том социологическом смысле, который мы вкладываем в это понятие в настоящее время (даже если речь идет о городе доиндустриальном)? Были ли древние греки вообще знакомы с понятием «город»? Тем более, как отмечает сам И.Е. Суриков, в классическую эпоху у греков еще не сложилось характерного противопоставления «города» и «деревни». Глубокий исследователь проблемы раннегреческого полиса Ю.В. Андреев в связи с поставленной проблемой отмечал: «В государствах такого типа (полисах – *М. III.*) настоящая противоположность между городом и деревней не могла сложиться хотя бы потому, что в них нередко отсутствовал второй элемент этой дихотомии, т. е. сама деревня как особый противостоящий городу тип поселения, а сами горожане вели, в сущности, полугородской-полудеревенский образ жизни, поскольку многие из них сами обрабатывали свои наделы, другие делали это с помощью рабов и поденщиков, но так же, как и первые, были непосредственно связаны с землей и сельским хозяйством» (Андреев Ю.В. Историческая специфика греческой урбанизации // Он же. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 328–329).
28. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 21.
29. Там же.
30. Андреев Ю.В. Историческая специфика греческой урбанизации. С. 327. Следует отметить, что в основе отстаиваемого Ю.В. Андреевым взгляда на характер античного (древнегреческого) города лежат тезисы, высказанные в ряде работ К. Маркса и Ф. Энгельса, см.: Там же. С. 322–324.
31. Там же. С. 328.
32. «Важнейшая специфическая особенность протогорода, отличающая его от собственно города, заключается в том, что, несмотря на отмеченную выше гетерогенность его населения, его основную массу составляли, как правило, крестьяне-земледельцы, сохранявшие

при переселении в город свои права членов поземельной общины и, что особенно важно, свою землю и основной род занятий – земледелие и скотоводство... Даже в государствах античного мира поселения протогородского типа, т. е. с преимущественно крестьянским населением, в течение достаточно долгого времени занимали доминирующее положение» (Андреев Ю.В. Ранние формы урбанизации // Он же. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. С. 304, 306).

33. Ср.: Кругликова Г.И. Генезис древних цивилизаций Месопотамии и Египта: общее и особенное // Запад, Восток и Россия: национально-культурная идентичность в историческом контексте: Вопросы всеобщей истории. Сб. ст. Екатеринбург, 2008. Вып. 10. С. 135–136.

34. Fustel de Coulanges N. D. La Cité Antique. Étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome. P., 1864. Рус. перевод: Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община: Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима / Пер. с фр. Н.Н. Спиридонова; 3-е изд. М., 2011. Кроме того, издательством «Центрполиграф» в 2010 г. был опубликован новый (незначительно сокращенный) перевод труда Н.Д. Фюстеля де Куланжа, выполненный с английского изд., см.: Фюстель де Куланж. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2010.

35. В отечественной историографии этот подход наиболее явно воплотился в творчестве Р.Ю. Виппера, см.: Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи. Избр. соч. в 2-х тт. Т. 1–2. Ростов н/Д., 1995.

36. В настоящее время можно говорить о существовании двух направлений в понимании данной проблемы: этатистского (те, кто признает государственный характер античных обществ) и неэтактистского (те, кто настаивает на неадекватности такого отождествления). Первый подход характерен для немецкой, англо-американской и советской/российской науки об античности, второй – более свойственен итальянской и испанской историографии; см. об этом: Дементьева В.В. Указ. соч. С. 149 слл.

37. Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 76–94.

38. Так, в частности, понятие «государство» Е.М. Штаерман трактовала следующим образом: «государство, т. е. оторванный от народа аппарат принуждения, действующий в интересах класса эксплуататоров», который «появляется с выделением частной собственности из коллективной и разделением общества на классы, когда власть, сложившаяся в рамках родовой, общинной организации, уже оказывается неспособной обеспечить функционирование жизнедеятельности общественного организма в новых условиях» (Там же. С. 77).

39. Там же. С. 87. Е.М. Штаерман указывает на специфический характер «античной формы собственности», которая «не была частной в той форме, как буржуазная частная собственность», а также на несформированность классовой структуры (Там же. С. 79 слл.).

40. Там же. С. 88. Еще более впечатляющая (и убедительно аргументированная) картина, подчеркивающая специфику судебной системы античных обществ (на примере Афин), представлена в недавней работе Т. В. Кудрявцевой, см.: Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. Автор справедливо отмечает, что «законы в афинском судебном процессе, в отличие от современного, отнюдь не были самодостаточны: т. е., чтобы изблечить преступника и добиться его осуждения, недостаточно было указать на соответствующий закон, под который подпадает данное правонарушение, даже если таковой имелся в наличии»; судьи в афинских судах судили, главным образом, не «по закону», а «по справедливости», тем самым демонстрируя, что при демократии высшей властью является не высший авторитет в виде закона, а воля народа (Там же. С. 394 слл.).

41. Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме. С. 88 слл.

42. Там же. С. 89–92.

43. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 41.

44. Научным руководителем М. Берента был известный специалист по истории классической Греции П. Карлтледж.

45. Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // *Альтернативные пути к цивилизации* / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М., 2000. С. 235–258. Взгляд на античное общество как «безгосударственное» М. Берент развивал и в более ранних работах, см.: Berent M. *Hobbes and the Greek Tongues // History of Political Thought*. Vol. XVII. 1996. № 1. P. 36–59 ; Idem. *Stasis, or the Greek Invention of Politics // Ibid*. Vol. XIX. 1998. № 3. P. 331–362.
46. Берент М. Безгосударственный полис... С. 235. Последний тезис М. Берента о «потенциально вооруженном населении» (если иметь в виду гражданское население полиса) вряд ли возможно убедительно оспорить (Ср.: Медведев А. П. Указ. соч. С. 22). Любопытно, что один из «отцов-основателей» США Б. Франклин в свое время метко подметил, что «демократия – это пространство договоренности свободных вооруженных мужчин». Не потому ли и в настоящее время среди политологов и историков высказываются сомнения: являются ли Соединенные Штаты Америки государством «в правильном понимании»? Ср.: Hansen M. *Was the Polis a State or a Stateless Society? // Even More Studies in the Ancient Greek Polis: Papers from the Copenhagen Polis Centre 6* / Ed. T. H. Nielsen. Stuttgart, 2002. P. 18 ; Ван дер Влит Э. Ч. Л. Полис: проблема государственности // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Сб. ст. Волгоград, 2006. С. 387–388.
47. Берент М. Безгосударственный полис... С. 236.
48. См., напр.: Classen H. J. M., Skalnik P. (Eds.). *The Early State*. The Hague; Paris; New York, 1978.
49. Это в значительной степени справедливо даже для Афин, где процесс «государственного строительства» зашел, по-видимому, наиболее далеко; см., напр.: Finley M. *The Ancient Greeks*. Harmondsworth, 1977. P. 75.
50. Характерно (и парадоксально!) в этом смысле утверждение А. П. Медведева: «В классическом полисе постоянный аппарат принуждения по сравнению с современным действительно был мал. Но хорошо известно, что его размеры зависят не столько от зрелости государства (иначе самыми совершенными государствами придется признать деспотии, империи и разного рода диктатуры), сколько от реальной потребности держать общество в жесткой узде. В греческом полисе и римской республике слабость и немногочисленность государственного аппарата компенсировалась другими социальными регуляторами, среди которых исключительно важную роль играли “отеческие установления” и “заветы предков” вроде римского *mos maiorum*, полисные идеалы и полисная мораль, влиятельное общественное мнение и т. п. *И в этом смысле античная государственность, кажется, забежала далеко вперед, намного опередив свою эпоху* (курсив наш – М. Ш.)» (Медведев А. П. Указ. соч. С. 24.). То, что всякого рода «отеческие установления» и «заветы предков» играли исключительно важную роль в античных обществах, сегодня, пожалуй, уже ни у кого не вызывает сомнений, как и то, что все эти элементы с избытком (и в самых разных вариациях) встречаются едва ли не в любом догосударственном обществе. Равным образом остается непонятным как «влиятельное общественное мнение» соотносится с уровнем развития государственности? Хорошо известно, что по мере развития государственных принципов управления внеинституциональные механизмы контроля (к которым следует отнести и «влиятельное общественное мнение») заменяются институционализированными. Спорным представляется также тезис А. П. Медведева об отсутствии связи между степенью «зрелости государства» и размерами «постоянного аппарата принуждения» (к которому, безусловно, должен быть отнесен административно-чиновничий аппарат управления). Известный специалист по раннеимператорскому Риму А. В. Махлаюк в одной из своих работ приводит следующие небезынтересные данные: «К числу очевидных парадоксов Ранней Римской империи можно отнести то, что как мировая держава она имела довольно-таки рудиментарную систему управления без разветвленного бюрократического аппарата. Эта система как “сверху”, на уровне императорской администрации, так и “снизу”, на уровне городских общин, в значительной мере строилась на полисных основах. Действительно, даже в IV в. имперское правительство располагало немногим больше

30 тысяч чиновников. Для периода же расцвета Империи в I–II вв. это число оценивается примерно в 10–12 тысяч, т. е. приблизительно один на 5 тысяч подданных. Число же высших “управленцев” сенаторского и всаднического ранга, включая наместников провинций, составляло примерно 160 человек. Для сравнения в Китае XII в., который по численности населения примерно соответствует Ранней Римской империи, в провинциальном управлении было занято в 25 раз больше государственных служащих (К. Гопкинс). Федеральное же правительство США использует более 3 миллионов гражданских служащих (один на 80 жителей страны), не считая более 4,5 млн чиновников в отдельных штатах. В Российской Федерации общая численность госслужащих в федеральных и региональных органах законодательной, исполнительной и судебной власти превышает 1,1 млн. Конечно, в Римской империи немалую долю текущих административно-управленческих задач, прежде всего на “низовом” провинциальном уровне, выполняли военные. Но все вооруженные силы в эпоху Принципата насчитывали около 350 тысяч человек (менее 1 % от общей численности населения Империи, имевшей весьма протяженные границы и предпринимавшей время от времени довольно масштабные завоевательные акции). Гражданской полиции как таковой вовсе не существовало. Количество же императорских тайных агентов (так называемых фрументариев) колеблется, по разным оценкам, от 200 до 800 человек» (Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис. Курс лекций. С. 190–191). Что же касается сентенции автора о том, что античная государственность «забежала далеко вперед» (эта мысль повторяется в тексте А. П. Медведева неоднократно!), то этот тезис вообще представляется недоказуемым, каким бы образом эту самую «античную государственность» не понимать.

51. Аргумент об отсутствии в греческой и латинской лексике слова/слов, которые можно было бы с уверенностью отождествить с современным понятием «государство» часто используют сторонники неэтикетского подхода для доказательства порочности (анахроничности) самого этикетского взгляда на античные общества.

52. См. об этом: Ван дер Влит Э. Ч. Л. Полис: проблема государственности // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. С. 387–412 ; Гринин Л. Е. Раннее государство и демократия // Там же. С. 337–386 ; Медведев А. П. Указ. соч. С. 17–32 ; Berent M. The Stateless Polis: A Reply to Critics // Social Evolution and History. 2006. Vol. 5. № 1. P. 141–163 ; Faraguna M. Individuo, stato e comunità. Studi recenti sulla polis // Dike. 2000. № 3. P. 217–229 ; Hansen M. Was the Polis a State or a Stateless Society? P. 17–47 ; Miyazaki M. Public Coercive Power of the Greek Polis (On a Recent Debate) // Bulletin of the institute for Mediterranean Studies. 2007. № 5. P. 87–100 ; Paiaro D. La ciudad democrática y el poder coercitivo de la pólis // III – II Jornadas Nacionales de Historia Antigua. 2011. P. 312–322 ; etc.

53. Так, И. Е. Суриков, признавая, что полис как форма социально-политической организации «не просто не похож, а кардинально не похож на большинство иных государств – древних или современных», пишет, что «его специфика, возможно, и заслуживала бы какого-то специального места в категориальном аппарате». Выдвигая гипотезу о полисе как «постгосударстве», он, по нашему мнению, заметно идеализирует исторические реалии: «Полис – некая великолепная целостность, социальный и духовный “космос”. По нашему глубокому убеждению, это вообще самый совершенный тип общности людей, какой только существовал когда-либо в мировой истории. Он в наибольшей степени способствовал развитию как личности, так и коллектива, давал реальное, а не фиктивное равенство граждан, реальное, а не фиктивное широкое политическое участие. Все остальные формы государственности по сравнению с полисом выглядят уже некоторой деградацией, пусть даже и неизбежной. Ни в каких других типах государств не было такого раскрепощения творческого, созидательного духа, такого взлета и процветания культуры и т. д.» (Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 41–43). Подобная апологетическая точка зрения историка-античника, безусловно, не может не вызывать искренних симпатий у всех, кому небезразличен греческий полис, но вряд ли может быть убедительно обоснована.

54. См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. СПб., 2007. С. 45 слл.

55. Даже исследователи, придерживающиеся этатистского взгляда на характер римского республиканского общества, которое, насколько можно судить, было максимально институционализированным из всех античных сообществ, вынуждены признавать, что «римская конституция включала такие элементы, как государственная (?! – *М. III*) этика, авторитет и опыт», а неписанные обычаи подлежали столь же неукоснительному исполнению, как и законы (Дементьева В. В. Указ. соч. С. 156).

Maxim V. Shisterov

ANCIENT POLIS AS A PHENOMENON SCIENTIFIC IMAGINATION ("City-state", "Stateless Society", "State without Bureaucracy": Aspects of Conceptualization)

Abstract: The author considers the problem of the ancient polis as a scientific category. The article discusses several conceptual approaches to policy ("city-state", "stateless society", "state without bureaucracy"). The author considers the discussion points in the understanding of the policy by modern researchers.

Keywords: polis, historiography, the city-state, a stateless society, without government bureaucracy.

Е.С. Соколова

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ГРАЖДАНИНА-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦА И ПРОБЛЕМА «УПАДКА НРАВОВ» В ЛАТИНСКОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ ЭПОХИ РАННЕГО ПРИНЦИПАТА: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема разрушения в эпоху ранней Римской империи традиционной модели гражданина-землевладельца, что сопровождалось усложнением семантического языка природного ландшафта и загородной виллы. Нивелировка этических ценностей республиканского периода связывается автором с процессом

территориального расширения Рима и постепенного укрепления властно-административных структур имперского типа.

Ключевые слова: античный Рим, гражданин-землевладелец, сельская вилла, принципат, Октавиан Август, Варрон, Колумелла, Витрувий.

Около 37 г. до н.э. влиятельный римский всадник Марк Теренций Варрон завершил работу над трактатом «De re rustica» по теории и практике сельского хозяйства, в котором наиболее почетное место было отведено самой «необходимой и великой науке земледелия». Предмет ее изучения он видел в том, «... что на каком поле следует сеять и делать, чтобы земля приносила самые большие урожаи» (1).

Формально рассуждения Варрона об особенностях земледелия были адресованы его жене Фундании, мало искушенной в тонкостях сельской жизни, однако вряд ли образованная читательская аудитория того времени приняла этот литературный прием за чистую монету. Автор нового сочинения на сельскохозяйственную тему был хорошо известен в ученых кругах как видный политик и убежденный сторонник восстановления древних республиканских традиций в духе патриархальных нравов. Вместе с Цицероном он обучался филологии у Люция Элия Преконина Стилона, благодаря влиянию которого на всю жизнь сохранил интерес к изучению древних лингвистических конструкций, литературы и истории (2). Не выглядит случайностью и обращение Варрона к вопросам сельского хозяйства. Он безоговорочно придает земледельческим знаниям статус науки, изначально отказываясь от изложения домоводческих аспектов усадебного быта в пользу изыскания способов для повышения урожайности в полеводстве и садоводческом деле.

Текст Варрона насыщен реминисценциями и прямыми отсылками к многочисленным руководствам по земледелию и домашнему хозяйству. В I в. до н.э. на фоне роста крупного землевладения это были весьма востребованные образцы жанра агрономической литературы в среде зажиточных римлян. Нежизнеспособность мелких и отчасти средних хозяйств в значительной степени объяснялась слабостью их экономических позиций, возникшей под влиянием быстрого развития виноградарства и садоводства. Дальнейшие перспективы традиционной зерноводческой отрасли зависели от интенсивности введения новых агротехнических приемов, способных повысить общую доходность рядового сельского имения. Вопросы развития агрокультуры и введения рациональной организации хозяйственного быта в деревенской усадьбе пользовались большим вниманием образованных и состоятельных римских граждан. Им были хорошо известны не только переводные труды Маго-

на, Феофраста и Ксенофонта, но и все отечественные новинки по агрономической тематике.

Являясь по стилю мышления скорее кабинетным ученым, а не знатоком-практиком, Варрон ставил перед собой энциклопедическую задачу систематизации всех накопленных в античном мире знаний о способах преобразования природного ландшафта с целью получения устойчивых урожаев в каждом климатическом регионе Римской державы. Трактат Варрона содержит мало практических примеров и рекомендаций. Вместо них автор конструирует хорошо продуманную компиляцию из предшествующей агрономической литературы и философского наследия аристотелизма, отдавая предпочтение греческим источникам в тех случаях, когда речь идет о введении в итальяйском хозяйстве научно обоснованной практики севооборота и сидерационной системы земледелия (3).

Историческое значение диалога «De re rustica» не ограничивается вышеприведенными соображениями. Его смысловая насыщенность отличается концептуальным многообразием и выходит за пределы специальных рассуждений о сроках сева и принципах классификации почв. Безусловно, они представляли для Варрона интерес и сами по себе, но, тем не менее, приобретали в ряде случаев и продуманное политическое звучание. С политико-правовой точки зрения созданный им текст является продолжением земледельческого дискурса, разработанного Марком Порцием Катонем Старшим в контексте идеи возрождения старинных патриархальных нравов. По мере распада традиционных республиканских институтов власти она приобретала все более актуальное звучание. Будучи поборником обращения к нравственно-политическому опыту старины на государственном уровне, Варрон уделяет немало внимания этической проблеме упадка гражданских ценностей. Его основное проявление он видит в пренебрежении большинства своих современников земледельческими традициями «великих предков». Прочно забытой оказалась истина о том, что Рим был создан потомками пастухов, которые справедливо провозгласили тех, «...кто сидел в городе ... совершенными бездельниками по сравнению с теми, кто возделывал землю» (4).

По мнению Варрона, близость первых римлян к природе принесла великую пользу как им самим, так и политическому состоянию гражданской общины, способствуя крепости здоровья и трудолюбию. Укрепление их нравственного характера римского гражданина происходило по мере постепенного окультуривания быта под влиянием развития способности человека к подчинению природы его воле, основанной на хозяйственных потребностях. Согласно Варрону, отношение древних людей к окружающей их природной среде отличалось умением интуи-

тивно проникнуть в сущность ее внутреннего закона, действуя в соответствии с собственными потребностями, но не во вред земле. Этот дар, очевидно, преподнесла человеку сама природа, связанная с ним кровными узами, ибо первой ступенью нашей жизни в незапамятную старину «была жизнь естественная, когда люди жили тем, что девственная земля добровольно несла им». Приручив ради собственной пользы лесных животных «кроткого нрава» и способных жить совместно с человеком, древние люди перешли к пастушеской цивилизации, откуда «спустились на третью ступень, к земледелию», удержав на ней «многое от двух предшествующих» (5).

Варрон не анализирует социально-экономических предпосылок упадка гражданских нравов в современном ему Риме, выдавая следствие за основную причину. Он справедливо указывает на тот факт, что в период Поздней Республики откупа на пшеницу из Северной Африки и Сардинии наряду с импортом греческого винограда составляли серьезную конкуренцию для италийских хозяйств. Ответственность за подобное положение дел должны нести нерадивые хозяева. Презрев старинные обычаи, они стали потихоньку перебираться на постоянное жительство «...в городские стены и, оставив серп с плугом, предпочли работать руками в театре и цирке ...». Оставшиеся в деревне сделали выбор в пользу приобретения быстрого и легкого дохода вместо постоянного труда в поле или винограднике. Результатом стало превращение нивы в пастбище, а ее плодородие оказалось уничтоженным на несколько десятилетий вперед (6).

Критическое отношение Варрона к попыткам отдельных хозяев поднять доходность своих имений за счет разведения домашнего скота в ущерб полеводству не исключало его интереса к заключению «великого союза» между пахарем и пастухом, в тех случаях, когда это может принести ощутимую экономическую выгоду. Мысль о необходимости разумного сочетания земледелия и скотоводства в какой-то степени была подсказана ему этическими соображениями, направленными на решение проблемы упадка нравов компромиссными методами. Именно с этой целью он предлагает свой вариант политической мифологизации образов Ромула и Рема, отголоски которого найдут свое окончательное воплощение при Октавиане Августе в историографической и литературно-художественной традиции идеологического обоснования необходимости возрождения древних нравов.

По словам Варрона, «... в древности самые значительные люди были пастухами ...», что хорошо видно из старинных преданий о золотом руне и произведений архаических поэтов, где все прославленные герои владели стадами ягнят, овец и быков. Пастушеский образ жизни вели и легендарные сыновья Реи Сильвии у своего приемного отца Фау-

стула. О буколическом прошлом римского народа напоминает законодательство, основанное на древнейшем обычае, согласно которому «за многие проступки и сейчас еще ... платится штраф волами и овцами ...». Составляя карты звездного неба, астрономы дают названия многих светил по домашним животным, а большинство из них начинает вести счет двенадцати знакам зодиака с Овена и Тельца, предшествующих божественным Близнацам (7).

Таким образом, в интерпретации Варрона древний быт пастухов, помимо своей несомненной экономической привлекательности, приобретает и ярко выраженную политико-правовую семантику, основанную на онтологических представлениях античного космизма. В качестве дополнительных доказательств, подтверждающих тезис о соответствии пастушеской жизни естественному закону, он приводит аргументы как мифологического, так и лингвистического характера. С этой целью Варрон предлагает своему читателю вспомнить обычай, напоминающий о баснословных обстоятельствах основания Рима, согласно которому при закладке нового города «бык и корова намечают места, где быть новым стенам и воротам». Тем же знаковым смыслом обладают с его точки зрения и некоторые родовые имена латинского происхождения, «...данные по названиям крупного и мелкого скота» (8).

Весьма существенный элемент теоретической модели возрождения старинных нравов, разработанной Варроном – его рассуждения о внешнем облике загородной усадьбы римского гражданина. Варрон был сторонником архаической простоты и поэтому предлагал оценивать застройку имения прежде всего с точки зрения ее функциональности. Его идеалом являлась непритязательная усадьба Катона Старшего, так как тот никогда не придавал большого значения внешней отделке дома. Во времена Варрона знаменитый Цензорий уже приобрел в сенатских кругах ореол *vir vere Romanus* (истинного римлянина – E. C.), а его многочисленные моральные порицания согражданам за плохую обработку полей, вызывали довольно сочувственное отношение у латинских агрономических писателей.

Жалобы на излишнюю роскошь сельского быта встречаются и в диалоге «*De re rustica*», где Варрон с осуждением отзывается о презрении зажиточных землевладельцев к завету предков строить так, чтобы усадьба соответствовала урожаю. Большинство богатых людей предпочитает действовать в соответствии «... со своими необузданными прихотями» (9). Не импонировала Варрону и чрезмерная, как ему казалась, забота его современников о расположении жилых помещений *villa suburbana* по сторонам света в погоне за излишним комфортом. Он с горечью сетует на то, что многие землевладельцы, бывающие в деревне только наездами, «...больше беспокоятся о том, чтобы летние трикли-

нии смотрели на прохладную восточную сторону, а зимние на солнечный закат...», вместо того, чтобы позаботиться о том, как лучше сделать окна «... в винном погребе или погребе для масла» (10).

Несмотря на лаконичность языка, составленное Варроном описание внешнего вида загородной римской усадьбы I в. до н. э., свидетельствует о значительной перемене вкусов и привычек состоятельного римского гражданина-землевладельца. Люди образованные и зажиточные уже предпочитали моральным сентенциям поклонников «старозаветных» времен бытовые удобства, позволяющие приятно провести время досуга за городом. Многие сельские усадьбы проектировались с учетом требований городского быта, приобретающих значение определяющего фактора при планировке жилых комнат загородного дома. Наряду с хозяйственными помещениями, в комплекс *villa suburbana* стали включать архитектурные элементы, предназначенные не только для увеличения комфорта усадебного быта, но и обладающие социально-репрезентативной функцией.

Богатый загородный дом обязательно имел роскошный и вместительный атриум, который играл роль прихожей и являлся местом для приема посетителей, не допущенных в частные покои. Владельцы больших вилл, как правило, предпочитали общественным баням постройку своих собственных, превращая их аподитерии в своеобразные закрытые клубы, где можно было провести время, не только ухаживая за собой, но и в приятной беседе с немногочисленными друзьями. Хорошо обеспеченные римляне хотели иметь в усадьбе и небольшую палестру, где, по греческому обычаю, можно было посвятить часть досуга занятиям упражнением в борьбе. Внутренние дворы загородных домов украшались небольшими садами, водоемами и круглыми беседками, сидя в которых можно было созерцать звездное небо, наслаждаясь благоуханием цветов и журчанием водометов. Все это вызывало резкое неприятие Варрона, страстно обличавшего любое отклонение от архаических норм патриархального быта, как тлетворное влияние упадка гражданских нравов (11).

Идеализация сурового патриотизма прошлого лишь отчасти соответствовала идеологическому климату периода раннего принципата. Сосредоточив под своей властью все магистратуры с правом контроля над старыми республиканскими институтами, Октавиан Август осознал настоятельную необходимость закрепить достигнутый им политический успех на статусно-репрезентативном уровне. Годы принципата отличались расцветом науки и искусства, развитием градостроительства, системы образования и распространением римской цивилизации на периферии античного мира. Многочисленные инициативы Августа, направленные на возведение общественных зданий в Риме, обновление свящи-

лиц и организацию театрализованных зрелищ массового характера, преследовали цель разработки визуальной формы «сценария власти», с помощью которого можно было внедрить в политическое сознание рядового римского гражданина мысль о легитимности институционального единства военных и гражданских полномочий принцепса. Их распространение с личности императора на подчиненную ему территорию *Rex Romana* требовало проведения масштабных и общедоступных мероприятий, демонстрирующих повседневную заботу Августа об интересах общего блага.

Фрагментарные сведения о визуально-мнемонических аспектах политической практики эпохи раннего принципата содержатся в материалах древнеримской историографии I в. н. э. Например, по словам Светония, после окончания гражданских войн застройка Рима стала одной из самых приоритетных задач Августа, уделявшего большое внимание благоустройству «Вечного Города». К концу жизни он по праву гордился тем, что принял столицу кирпичной, а оставляет мраморной. От своего имени Август построил новый форум, предназначенный для «уголовных судов и для жеребьевки судей». На форуме Августа размещался храм, посвященный Марсу-мстителю, покровительство которого должно было освятить все внешнеполитические мероприятия, направленные на «замирение провинций». Тут же вожди покоренных варварских народов приносили присягу на верность Риму, принимались решения Сената о войнах, триумфах и отправке наместников во вновь присоединенные земли. По свидетельству Светония, принцепс настоятельно требовал от видных граждан «украшать город по мере возможностей каждого, воздвигая новые памятники или восстанавливая или улучшая старые» (12). Образ Августа создавался Светонием в качестве своеобразного политического противовеса лицемеру Тиберию, безумцу Калигуле, и необузданному Нерону. Он сознательно наделил своего персонажа чертами идеального правителя, которого отличает внутреннее благородство наряду с постоянной заботой о сохранении политической стабильности и внешнего величия Римской державы.

Близость Светония к историко-культурному окружению писателя, риторика и видного политика Плиния Младшего, связанного дружескими узами с императором Траяном, общеизвестна. Покровительство Плиния открыло перед ним возможность интересной для интеллектуала придворной службы. В 117 г. н.э. он становится служащим императорской канцелярии по научным делам (*a studiis*), ему поручается надзор за публичными библиотеками, а благодаря благосклонности императора-ученого Адриана, Светоний позже получает пост «заведующего перепиской», что дает ему доступ к делопроизводственным документам. Изменчивый и непостоянный, как все творческие натуры, Адриан не-

долго пользовался услугами Светония. По сообщению Элия Спартиана, в 122 г. н. э. его, вместе с начальником преторианцев Септицием Кларом и «многими другими» придворными, отстранили от занимаемых должностей из-за какой-то крупной интриги, где была замешана императрица Сабина (13).

Посвятив свой вынужденный досуг писательской деятельности, Светоний лишь внешне сохранял в историографическом творчестве облик любителя-антиквара, подмеченный Плинием Младшим, считавшим своего протеже Транквилла непрактичным человеком со всеми признаками *scholasticus*. При Антонинах стиль отношений принцепса и Сената, выработанный Августом, был признан наиболее приемлемым вариантом для функционирования политической системы Римской империи, а образ самого императора приобрел значение непререкаемого авторитета в сенатской историографии, материалами которой пользовался Светоний. Несмотря на общую тенденцию к созданию самодостаточной биографической зарисовки, без учета особенностей исторического времени, в его повествовательной манере хорошо прослеживается четкая концептуальная позиция.

Воссозданный Светонием образ принцепса отличается чертами гражданской умеренности и уважения к законности. Август ведет последовательную борьбу с привычкой римлян к произволу, пустившей прочные корни в период гражданских войн. Ради укрепления своей власти на легитимных основаниях он требует, «... чтобы никакое преступление или судебное дело не оставалось без наказания и не затягивалось», создав с этой целью четвертую судебскую декурию для разбора исков на небольшие суммы. Он проявляет заботу об укреплении социальной поддержки всех своих начинаний в сфере политики, выказывая в случае необходимости щедрость по отношению к низшим слоям граждан. В годы его принципата постоянные раздачи денежных подарков и дешевого хлеба нередко сопровождались организацией публичных мероприятий зрелищного характера, в отношении которых Октавиан «... превзошел всех предшественников» пышностью, блеском и разнообразием (14).

Важным элементом моделирования визуальной формы «сценария власти» в первые годы принципата становится разработка мнемонических кодов общедоступного характера, вызванная идеологической потребностью в мифологизации «славного прошлого». При Августе изучение деяний предков, направленных на укрепление внутреннего благополучия и военной силы Отечества, было возведено в ранг государственной политики, способствуя формированию официального статуса римской историографии. Те же политические мотивы привели к возникновению некоторых крупных строительных инициатив, которые

Светоний приписывает воле принцепса. Например, при возведении нового форума, Август приказал специальным эдиктом поставить там статуи своих предшественников в триумфальном облачении, «объявив..., что это он делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей» (15).

В том же идеологическом ключе был выдержан и провозглашенный Августом внутривластительский курс на возрождение гражданских нравов старины. С этой целью он старался добиться равномерного сочетания законодательных инициатив с разовыми социально-политическими мероприятиями. Август, например, ввел новые законы о запрете роскоши, «...о прелюбодеянии и разврате, о подкупе, о порядке брака для всех сословий» и учредил должности, связанные с охраной городского благоустройства, строительством дорог и водопроводов, чтобы как можно больше граждан принимало участия в политической жизни (16).

Преодолевая глухое общественное противодействие предпринятой им кампании за возрождение старинной простоты нравов, принцепс стремился воздействовать на непокорных римлян собственным примером. Он восстановил после длительного перерыва должности цензоров и распорядился возратить моду на традиционную римскую одежду, не пуская в театр и цирк тех, кто в соответствии с греческим обычаем носил поверх тоги темные плащи. Под влиянием агрономических взглядов Катона Старшего Август стал убежденным сторонником государственного покровительства земледелию, что все же больше интересовало его с политической точки зрения, нежели как статья постоянного государственного дохода.

Война против роскоши, объявленная Августом, заставила его организовать свой частный быт в соответствии с принципом гражданской умеренности. Поселившись в небольшом доме Гортензия на Палатине, он выбрал для его отделки самый скромный декор из недорогого альбанского камня, и отказался от использования мраморных панелей для оформления жилых комнат. Свои загородные виллы Август распорядился построить в наиболее живописных римских окрестностях или на морских островах Неаполитанского залива, предпочитая горные террасы и тенистые рощи дорогам картинам и статуям. Искренний интерес к патриархальной старине проявлялся у него в коллекционировании антикварных предметов, связанных с преданиями о роли мифологических героев-полубогов в основании Рима.

Судя по сведениям несохранившихся античных источников, использованных Светонием, борьба против упадка нравов отличалась в годы принципата стремлением найти должную меру в соотношении между старым и новым. Август, например, охотно обращался в своих

сенатских речах к авторитету латинских писателей прошлого, желая напомнить, что не он первый заинтересовался политическими аспектами домоводства, «но уже предкам они были близки». Дочь и внуки императора даже освоили прядение шерсти, а сам Август предпочитал носить одежду домашнего изготовления, за исключением особо торжественных случаев.

Несмотря на скромное убранство императорских домов, их обитатели не отказывались от привычных к тому времени удобств, учитывая открытый образ жизни их владельца. По словам Светония, став императором, Август охотно развлекал гостей на своих загородных виллах и нередко раздавал им ценные подарки, стремясь поразить воображение окружающих. Вопреки объявлению войны против роскоши, в его жилых покоях расположенных на Палатине, был построен большой перестиль с фонтаном, где принцепс нередко проводил душные летние ночи в окружении рабов с опахалами (17). У стареющего Августа оказалось достаточно здравого смысла, чтобы не отказываться из идеологических соображений от комфорта, привычного для людей его круга. Тем не менее, он сохранял явный интерес к разработке визуально-мнемонических форм закрепления новых общегражданских ценностей в массовом сознании римлян.

Моделирование репрезентативных «сценариев власти», в которых элемент наглядности сочетался с продуманным использованием политико-правовой семантики архитектурно-природного ландшафта Вечного Города и его окрестностей, стало отличительной чертой внутренней политики Августа в сфере укрепления институциональных основ принципата. В период его правления теория и практика архитектуры превратилась в важное идеологическое средство воздействия на политическое и правовое сознание широких слоев римских граждан. Посвящая Августу свой теоретический труд об инженерно-технических принципах архитектуры, Марк Витрувий Поллион оценил заботу «императора Цезаря» о благоустройстве общественных и частных зданий как важный элемент установления стабильного правопорядка, укрепляющего величие империи в сознании самих римлян и покоренных ими народов (18).

Известно, что в III в. н. э. 6-я книга этого знаменитого архитектурного трактата, посвященная вопросам строительства частных вилл, была сокращена Марком Цецием Фавентином для практических нужд. К этому времени сформулированные Витрувием правила проектирования жилых зданий уже приобрели значение классических рекомендаций. Закрепленная в них формула прочности, функциональности и красоты полностью соответствовала эстетическим взглядам римских интеллектуалов и политико-правовому идеалу сторонников борьбы с упадком нравов (19). Не стоит забывать, что по мере постепенного ос-

лабления государственного строя императорского Рима модель идеального гражданина, активно содействующего реализации интересов Отечества, быстро теряла свою привлекательность даже для образованной элиты. В интеллектуальной среде осознание космологического смысла индивидуального бытия постепенно приобретало значение высшей нравственной ценности.

Выдвинутое Витрувием требование природного декора в качестве обязательного условия достижения абсолютной соразмерности здания было постепенно возведено в ранг философского постулата и подхвачено представителями позднего стоицизма. Зажиточные и влиятельные слои римского общества, нередко далекие от серьезных интеллектуальных размышлений о сущности вечного закона Вселенной, но в силу различных обстоятельств вынужденные активно участвовать в борьбе за власть, охотно восприняли у Витрувия идею семантического ряда, отражающего статусное значение частной виллы. Разработанный им для Октавиана Августа справочник по вопросам строительства общественных зданий длительное время сохранял и свой ярко выраженный политический подтекст. До тех пор пока римские императоры имели возможность поддерживать свой социальный престиж визуально-репрезентативными средствами, актуальным оставался призыв к достижению пышности и великолепия архитектурного сооружения самыми экономичными средствами. Таким образом, Витрувий внес неоценимый вклад не только в теорию и практику строительного искусства античности, но и в официальную политическую доктрину императорского Рима, сумев угодить всем слоям гражданской элиты и обессмертить свое имя.

Косвенное подтверждение практической значимости рекомендаций Витрувия в сфере частного строительства содержится в более позднем трактате Луция Юния Модерата Колумеллы с традиционным названием «*De re rustica*». Несмотря на явную увлеченность его автора мифологическим образом гражданина-землевладельца времен Римской Республики, ему, как свидетелю политической нестабильности ранней Империи, была вполне очевидна постепенная дискредитация «старинного и мужественного уклада» земледельческой жизни. Он с горечью отмечает, что под влиянием тяги римской политической элиты к роскоши и изнеженности, распространенной под влиянием обычаев Востока, ходячим стало мнение о том, «...что сельское хозяйство дело грязное и что оно является занятием, для которого не нужно ни учения, ни руководства» (20).

Колумелла, например, с большой похвалой отозвался о Номен-танском имении Луция Аннея Сенеки Младшего, «...человека выдающегося ума и знаний». Его усадьба славилась тем, что ежегодно «...каждый югер виноградника давал обычно по восьми мехов вина» (21).

Во времена эксцентричного императора Нерона, стремившегося превратить Рим в огромную сценическую площадку для грандиозного спектакля об истории становления латинского варианта восточной деспотии, подобные примеры встречались редко. Сенаторские круги были озабочены шаткостью своего политического положения и предпочитали проводить большую часть времени в столице, а разбогатевшие вольноотпущенники, среди которых было немало уроженцев Востока, изо всех сил подражали распущенным нравам двора.

Мироощущение этих «новых римлян», не знающих как правильно распорядиться своими громадными состояниями, хорошо передано в литературной зарисовке Петрония Арбитра, составляющей центральную часть композиции его частично утраченного романа «Сатирикон». Фрагмент, известный под названием «Пир Трималхиона», посвящен изображению повседневного быта самодовольного богача из малоазийских греков. Разбогатев с помощью торговли, ростовщичества и различных сомнительных услуг, оказанных по случаю таким же мошенникам, как и он сам, этот одиозный персонаж бессовестно хвастается перед своими гостями суммой в тридцать миллионов сестерций (22).

Судя по тексту «Сатирикона», Петроний критически относился к увеличению земельных богатств у плебейских низов и был озабочен общим падением уровня сельского хозяйства при возрастающей тяге крупных землевладельцев к роскоши, не соответствующей реальному состоянию их латифундий. Стремление к пустому фанфаронству не позволяет Трималхиону уравновесить свои расходы надежными доходами, так как он постоянно находится в разорительных для его хозяйства поисках «куриного молока». Чтобы производить у себя дома аттический мед, который упоминается в эпиграммах Марциала как один из самых дорогостоящих продуктов, Трималхион заказывает себе из Афин пчел, надеясь, «...что и доморожденные пчелки станут лучше благодаря гречанкам». Другого посланца он направляет в Индию, за редкостными семенами груздей. Эти и подобные им другие «хозяйственные инициативы» не мешают Трималхиону откровенно пускать пыль в глаза своим легковерным и завистливым гостям, подавая им поддельное фалернское вино, якобы столетней выдержки (23).

В отличие от персонажей «Сатирикона» писатель и агроном Колумелла вращался в иной социальной среде, и его, как интеллектуала, прежде всего, волновал вопрос о той нравственной цене, которую вынужден платить человек за свое пренебрежение законами природы. Колумелла страстно обличает пороки своих соотечественников, моделируя образ анти-гражданина, проводящего ночи «... в пьянстве и разгуле, дни в игре или во сне» и считающего себя счастливым от того, что имеет возможность не замечать «... ни солнечного восхода, ни заката». Он

открыто противопоставляет моральную распущенность своего времени тем благославленным временам, когда самые видные политики «...жили по деревням», и если «...требовалось собрать ... совещание, их приглашали в сенат из усадеб» (24).

Обличая царящий в римском обществе упадок нравов, Колумелла проявляет серьезную обеспокоенность явным пренебрежением значительной части своих соотечественников к исторической памяти, образы которой значительно потускнели на фоне быстрого распространения гедонистических настроений. Нравственно-политическая направленность трактата «De re rustica» хорошо прослеживается в предисловии к его первой книге, посвященной рекомендациям по поводу покупки и строительства сельской виллы. Здесь Колумелла много рассуждает о влиянии земледелия на формирование гражданских доблестей, доказывая необходимость возвращения к заветам предков, когда сельским хозяйством «... занимались наилучшие люди и наилучшим образом» (25).

Избранные им аргументы носили привычный для древнеримской политико-правовой традиции характер и, в значительной мере, основывались на многочисленных реминисценциях из произведений Катона Старшего, Цицерона, Магона Пунийца, Варрона, Дионисия Галикарнасского, Тита Ливия и других авторов, настойчиво искавших ответ на вопрос о должном соотношении сельскохозяйственной деятельности и гражданского самосознания. На страницах своего агрономического сочинения Колумелла вновь обращается к хорошо знакомым его образованным современникам мифологизированным образам «подлинных потомков Ромула», ибо они, «...все время упражняясь ... в полевых работах, отличались крепким здоровьем и силой» (26).

По мнению Колумеллы, «...в приобретении земель, как и во всяком деле, должна быть тоже мера». Его идеалом является народный трибун IV в. до н.э. Гай Лициний Столон, осужденный по своему собственному закону, «...потому что в безмерной страсти к приобретению преступил ту норму землевладения», которую сам и установил, чтобы предотвратить запустение чрезмерно больших угодий. Колумелла призывает своих современников возродить славу Квинкция Цинцинната, Фабриция, Курия Дентата и других «...достопамятных вождей римского народа», неизменно пребывавших в стремлении «...защищать и возделывать земли, доставшиеся им от предков или завоеванные...» (27).

Задача превращения древнего Лациума в новую «землю Сатурна», дети которой вновь научатся упорным трудом добывать земные плоды, выводила на качественно новый уровень традиционный для античного миропонимания вопрос о месте человека в космическом мироздании. По мнению Колумеллы, умение искусно возделывать свой участок земли приходит в результате ежедневного наблюдения за небес-

ными светилами, направлениями ветров и особенностями текущих погодных условий. Тому, кто желает действовать на благо себе и другим, природа открывает множество тайн мироздания, обучая умению разбираться в свойствах почвы и потребностях многочисленных сортов винограда.

Важная особенность мировоззрения Колумеллы - его уверенность в необходимости эстетизации деревенского быта, что было не только несомненной данью веяниям времени, но расценивалось им как решающее условие философского постижения действительности гражданином-интеллектуалом. Он предложил определять результаты труда земледельца не только измерением количества и качества собранного им урожая, но и с учетом возможностей его творческого потенциала, направленного на преобразование природного ландшафта в соответствии с законами красоты. Для образованного гражданина вид висящего на ветках белого, желтого и пурпурно-красного винограда не только эстетически привлекателен, но и обладает глубоким знаковым смыслом. Созерцание осеннего виноградника напоминает ему о нравственных обязательствах перед «благословенной матерью-землей», из года в год щедро наделяющей тех, кто умеет постичь ее природу, своими дарами (28).

Интеллектуализация деревенских будней гражданина-землевладельца влекла за собой усложнение эстетических требований к внешнему виду *villa suburbana* и ее семантике. Концепция частного жилища, сформулированная Витрувием в соответствии с архитектурными критериями, получила в трактате Колумеллы свое дальнейшее обоснование с помощью разработки критериев нравственно-политического характера. Заимствуя у Катона Старшего мысль о необходимости строить имение так, чтобы хозяину было приятно приезжать в него, Колумелла придает ей иной смысл, более соответствующий повседневной практике его времени.

Подобно Катону Старшему, Колумелла требует от землевладельца умения устраивать быт по своим средствам, но добавляет, что жизненное пространство сельской виллы должно выглядеть как можно лучше, «чтобы охотнее приезжать в деревню и жить там с удовольствием». Особым эстетическим потенциалом отличается, по мнению Колумеллы, вилла, расположенная в некотором отдалении от моря, с окнами, выходящими на побережье, откуда можно наблюдать игру волн, вдыхая аромат морской соли (29). Эстетическая концепция трактата «*De re rustica*», несет в себе явный отпечаток прагматизма, свойственного древнеримскому мировоззрению. Жизнь в гармонии с природой означает в понимании Колумеллы умение создать наиболее благоприятные условия для повседневного существования обитателей усадьбы, чтобы

они, в свою очередь, могли извлечь пользу из сельскохозяйственной деятельности. Соображения здоровья и пользы предопределили и его обращение к строительным рекомендациям Витрувия о расположении жилых помещений в соответствии со сторонами света (30).

Несмотря на значительную долю утилитаризма, появление концепции сельского быта, одухотворенного образом усовершенствованной природы, свидетельствует о значительной трансформации модели идеального гражданина в древнеримском политическом сознании I в. н.э. Постепенная нивелировка этических ценностей республиканского периода, в значительной мере являлась оборотной стороной территориального расширения Рима и постепенного укрепления властно-административных структур имперского типа. Эти процессы получили неоднозначную оценку в интеллектуальных кругах римской политической элиты из-за неоднородности ее социального состава и различной степени близости к «коридорам власти».

Наиболее ретроспективный пласт дошедших до нашего времени немногочисленных латинских памятников политико-правовой мысли и историографии отражает настроения сенатских кругов, связанные с критикой нравственного упадка римского общества периода ранней Империи. Их авторы хорошо понимали необратимость социально-политических перемен, идущих на фоне укрепления имперской государственности. Тем не менее, отличительной чертой просенатской историографии являлось убеждение в том, что любая попытка ограничения статуса аристократии со стороны императорской власти ставит под угрозу естественное право на свободу (*libertas*). Таким образом, происходит разрушение понятия о гражданской доблести (*virtus*), которое полностью утрачивает свой смысл в условиях функционирования императорской власти (31).

Разочарование значительной части римских интеллектуалов в ценностном значении традиционного нравственно-политического идеала, сформированного в условиях полисной системы, существенно повышало их интерес к онтологии личностного бытия, что было неизбежным следствием размышлений о духовном смысле земного существования индивида. Идея причастности всех людей к космическому порядку постепенно превращалась в интеллектуальную форму оппозиции деспотическим тенденциям императорской власти, которые стали определяющей чертой политической деятельности ближайших преемников Октавиана Августа. В условиях внутривластной нестабильности императорского Рима возврат мыслящей личности к природе рассматривался как проявление ее внутренней свободы вопреки неустойчивому официальному идеалу формальной законности, легко нарушаемой предприимчивыми претендентами на императорский трон при попусти-

тельстве их ближайших сторонников из старинных и уважаемых фамилий.

Общим культурно-историческим итогом государственно-правовых перемен периода раннего принципата стало постепенное разрушение традиционной модели идеального гражданина-землевладельца, что сопровождалось усложнением семантического языка природного ландшафта и загородной виллы. Сельская усадьба образованного римлянина стала восприниматься как необходимый элемент формирования его индивидуальности, понятие о которой постепенно шло на смену коллективистскому идеалу общего блага. Тяга интеллектуалов к поиску собственного «я» через эстетизацию ландшафтной среды и создание внешних условий для реализации творческого потенциала личности свидетельствует о постепенном утверждении в правосознании римской социальной элиты приоритетного значения индивидуальных аспектов гражданской самоидентификации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: О сельском хозяйстве. Катон. Варрон. Колумелла. Плиний / Под ред. М. И. Бурского. М., 1957. С. 31.
2. См.: Бурский М. И. Введение. Варрон // О сельском хозяйстве. С. 26 - 38; О взглядах Варрона на сельское хозяйство и принципы организации пространства загородной виллы римского гражданина см., например: Помяловский И. Марк Теренций Варрон и мениппова сатира. СПб., 1869; Сергеенко М. Е. Варрон и его «Сельское хозяйство» // Варрон. Сельское хозяйство/ Пер. М. Е. Сергеенко. М. – Л., 1963. С. 3 – 22. См. зарубежную библиографию: Тучков И. И. *Templum mundi*. Л. Б. Альберти об идеале загородной жизни и вилле // Леон Батиста Альберти и культура Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2008. С. 168.
3. Бурский М. И. Указ соч. С. 39. Аппиан. Гражданские войны / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О.О. Крюгера. М., 1994. I (1 – 35). С. 3 – 27; Заборовский Я. Ю. Аппиан и римская *civitas* в последний век существования республики // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 138 – 144; Моммзен Т. История Рима. М., 1994. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы. С. 54 – 94; Кончаловский Д.П. К вопросу об упадке хлебопашества в конце Римской республики // Сборник в честь М. К. Любавского. Петроград, 1918. С. 787 – 793; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. М., 1915. Прил. « О хлебной торговле в древнем мире». С. 331 – 337; Грацианский Н. П. Система полей у римлян по трактатам землемеров // Вестник древней истории. 1940. № 1/10. С. 52 – 63; Грималь П. Цивилизация античного Рима, Екатеринбург, 2008. С. 60 – 62; Смирин В. М. Римская республика в III - I вв. до н. э. // История Европы в восьми томах. С древнейших времен и до наших дней. М., 1988. Т. 1. Древняя Европа / Отв. ред. Е. С. Голубцова. С. 462 – 467. Бурский М. И. Указ соч. С. 28 – 38; Сергеенко М. Е. Варрон и его «Сельское хозяйство».
4. Марк Теренций Варрон. О сельском хозяйстве // О сельском хозяйстве. II (1). С. 123.
5. О степени информированности Варрона о теории и практике животноводства см.: Бурский М. И. Указ соч. С. 27; Марк Теренций Варрон. О сельском хозяйстве // О сельском хозяйстве. II (1). С. 123.
6. Там же. II. 1 (2 - 3), (4 – 5). С. 123
7. Там же. II. 1 (6 – 10). С. 126.
8. Там же.
9. Там же. II (2). С. 123.

10. Там же. I. 13 (7). Цит. по: Сергеевко М. Е. Комментарий. К главе 4 // Марк Порций Катон. Земледелие / Пер. и комментарии М. Е. Сергеевко. М., 2008. С. 134.
11. Марк Теренций Варрон. Указ. соч. II (1 – 3). С. 123 – 124. См., например: Ackerman J.S. The Villa. Form and Ideology of Country Houses. L., 1995. P. 78 – 85, 135 – 211. Аподитерий – комната для одевания в бане; палестра – часть гимнаasia, предназначенная для упражнений в борьбе; перистиль – колоннада вокруг внутреннего двора или дома.
12. Гай Светоний Транквилл. Указ. соч. II. 28 (3). С. 49, 29 (1 – 5). С. 49 – 50, 30 (1 – 2). С. 50. Об идеологических аспектах внутренней политики Октавиана Августа см., например: Герье В. И. Август и установление Римской империи // Вестник Европы. 1877. № 6 – 8; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 10 – 83 и далее; Его же. Из литературы о принципе // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 116 – 120; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985; Межеричский Я. Ю. «Республиканская монархия». Метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Калуга, 1994; Шгаерман Е. М. Принципат Августа // История Европы. Т. 1. С. 539 – 557; Bowersock G. W. The Pontificate of Augustus // Between Respublic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate / Edited by Kurt A. Raaflaub and Mark Toher. Berkeley: University of California Press, 1990. С. 380 – 394; Eder W. Augustus and the Power of tradition // The Cambridge Companion to the Age of Augustus / Ed. Karl Galinsky Cambridge, M. A.; New York, 2005. P. 13 – 32; Gruen P. Augustus and the Marking of the Principate // The Cambridge Companion to the Age of Augustus. P. 33 – 51.
13. Плиний Младший III. 8. X 94 – 95. I (18). V (10). Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана / Пер. С. Н. Кондратьева. Под ред. А. И. Доватура // Scriptores Historiae Augustae. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992. XI (3). С. 12.
14. Об источниках, которыми пользовался Светоний см., например: Гаспаров М. Л. Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990. С. 224 – 240; Гай Светоний Транквилл. Указ соч. II (11 – 12). С. 41 – 42, 13 (1 – 3). С. 42, 14 – 15. С. 42 – 43, 19 (1–2). С. 45, 68. С. 64, 69 (1 – 2). С. 68 – 69, 70 (1 – 2). С. 65, 71 (1 – 4). С. 65 – 66, 51 (1–3). С. 58 – 59, 52 (1 – 3). С. 59 и далее.
15. Там же. II 43 (5). С. 56, 43 (1). С. 55, II 30 (5). С. 51. Об архитектурной концепции Рима в период принципата Августа и его ближайших преемников см.: Блаватский В. Д. Архитектура Древнего Рима. М., 1938; Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. С. 288 – 350.
16. Гай Светоний Транквилл. Указ. соч. II 38 (3), 39. С. 53 – 54, 40 (1 – 2). С. 53 – 54, 40 (3 – 5). С. 55, 18 (2). С. 44, 42 (2 – 3). С. 55.
17. Там же. II 72 (2 – 3). С. 66, 74. С. 67; II 89 (2). С. 71, 73. С. 66 – 67. 75. С. 67, 72 (1 – 3). С. 66. 82 (1 – 2). С. 69. Перистиль – прямоугольный внутренний двор с бассейном или водоемом, окруженный со всех сторон крытой колоннадой.
18. Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Десять книг / Под ред. А. В. Мишулина. М., 1936. I, III (2). С. 30, I (10). С. 23. I (1 – 9). С. 20 – 23. См.: Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М., 1967. С. 132 – 134. На основе сравнительно-исторического исследования широкого круга античных источников автор приходит к обоснованному выводу, что общим требованием греко-римских архитектурных концепций было требование комплексной оценки «здоровья местности». Составной частью указанного понятия являлось представление о «здоровье политическом», которое предполагало создание гармонично-природной среды для развития государственного строя, гражданской жизни, методов управления и личности правителей в интересах общего блага. О некоторых политических аспектах архитектурной теории и практики Древнего Рима см.: Тучков И. И. Указ. соч. С. 117 – 118.
19. Витрувий // Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне / Пер. с нем. под ред. В. И. Кузищина. М., 1989. С. 106; О проникновении эстетических настроений в патрицианскую среду вт. пол. I в. до н. э. и социокультурных особенностях восприятия природы в качестве образа красоты римскими интеллектуалами см., например: Грималь П. Указ.

- соч. С. 206 – 248; Марк Витрувий Поллион. Указ. соч. VI. II (1). С. 158 – 159; Об отражении античного космизма в формировании архитектурной концепции частной виллы см., например: Тучков И. И. Указ. соч. С. 117; Его же. Классическая традиция и искусство Возрождения (росписи вилл Флоренции и Рима). М., 1992. С. 3 – 41 и далее.
20. Луций Юний Модерат Колумелла. О сельском хозяйстве // О сельском хозяйстве. I. Предисловие. (11 – 12). С. 158, (20). С. 160, (31 – 32). С. 162
21. Там же. III. 3 (3). С. 184.
22. Петроний Арбитр. Сатирикон. / Под ред. Б. И. Ярхо. Репринт с издания 1924 г. М., 1990. L XVII. С. 121 – 122.
23. Там же. LXXI. С. 127, XXXVIII. С. 86, XXXIV. С. 82.
24. Луций Юний Модерат Колумелла. Указ. соч. I. Предисловие (1 – 3). С. 157, (4 – 7). С. 158, (15 – 17). С. 160.
25. Там же. I. Предисловие (29). С. 162; (3). С. 157.
26. Там же. I. Предисловие (17 – 20). С. 160.
27. Там же. I. 3. (9 – 11). С. 168; I. Предисловие (13). С. 159.
28. Там же. I. Предисловие (22 – 28). С. 160; Там же. III 20 (4). С. 206, III. 2. (2). С. 178, III. 21.(2 – 4). С. 207.
29. Там же. I. 4 (6 – 9). С. 170, I. 5. (2 – 6). С. 171.
30. Там же. I. 4. (1 – 2). С. 169, I. 5. (8), 6.(1 – 2). С. 172.
31. Влияние просенатского направления древнеримской историографии хорошо прослеживается в творчестве Гая Светония Транквилла и Корнелия Тацита.

Elena S. Sokolova

SEMANTICS IMAGE CITIZEN LANDOWNERS AND “DECLINE OF MORALS” IN LATIN NARRATIVE TRADITION OF THE EARLY PRINCIPATE: EXPERIENCE OF POLITICAL AND LEGAL RECONSTRUCTION

Abstract: This paper addresses the problem of the traditional model citizen landowner, which was destroyed in the Early Roman Empire. This process was accompanied by the increasing complexity of the semantic language of the natural landscape and suburban villas. Author notes falling moral values of the republican period. This was due to the process of territorial expansion of Rome and the gradual strengthening of the administrative structures of imperial type.

Keywords: ancient Rome, a citizen-landowner, rural villa, Principate, Octavian Augustus, Varro, Columella, Vitruvius.

A.A. Постникова

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета

АРМИЯ НАПОЛЕОНА НА БЕРЕЗИНЕ ГЛАЗАМИ БРИТАНЦЕВ

Аннотация: Автор рассматривает британскую историографию событий на р. Березине в 1812 г. На основе исследования работ британских авторов XIX-XX вв. автор приходит к выводу о значительной трансформации историографии Британии под влиянием общественно-политической и международной обстановки.

Ключевые слова: Наполеон, Березина, война 1812 года, Р. Вильсон, В. Скотт, Д. Чандлер, А. Замойский.

События на р. Березине в 1812 г. стали достоянием исторической памяти не только тех народов, которые приняли в них участие, но также и тех, которые издалека пристально наблюдали за ходом русского похода Наполеона. Почти два столетия хранят память об ужасной развязке событий русской кампании 1812 г. на Березине англичане.

Английское общество пристально следило за событиями этой войны и было достаточно осведомлено о их ходе. Первые произведения о русской кампании появились в Англии уже в 1814 г. В тот момент Наполеону, от которого им удалось освободить Европу, был для англичан символом тщеславия, предательства и грубости, от которого им удалось освободить Европу. Именно поэтому британские авторы видели свою задачу прежде всего в том, чтобы донести ощущение этой победы до современников. Одна из первых работ, посвященных событиям 1812-1814 гг., была написана политическим деятелем Дж. Макквинном. Он не скрывал чувства восторга по поводу поражения Наполеона в России. Книга Макквина была опубликована в 1814 г., в период, когда Наполеон был сослан на о. Эльба. В тот момент автор не сомневался, что император более не вернется, а с ним не вернется и величие Франции.

В предисловии к книге автор признался, в чем ее истинный смысл: «После неудачной погони за удовлетворением своих амбиций Франция и Наполеон никогда более не будут иметь шанса на победу. Нет, никогда!» (1). Заметим, что при написании книги автор особо выделил участие России в победе над Наполеоном: «Мы будем долго наслаждаться победой, – писал он, имея ввиду 1812 г. – которая должна стать примером для всего мира» (2). Березина в интерпретации Макквина оказалась представлена как крушение Великой армии, произошедшее из-за амбиций императора: «Возмущение Наполеоном в армии возросло. Они (солдаты – А.П.) указывали на него как на виновника своих страданий. Но разве в этой ситуации они могли предпринять что-то?

Холодный, бесчувственный деспот мог бы наказать их за неповиновение» (3). Обратившись к Березине, автор вышел на более глобальные проблемы истории Франции. Так, его заинтересовало влияние Французской революции и Империи Наполеона на духовный мир солдат. Автор удивлялся тому, как искусно Наполеон уничтожил дух французской революции в солдатах и склонил их к покорности: «Каждый из этих детей Парижа бросил вызов своему правителю в 1793 г. Почему же эти люди скорчились в агонии на Березине, терпели страдания, которые простые смертные не смогли бы вынести? Могущество той власти, которой они в свое время так решительно бросили вызов, покорило их дух» (4). Макквин упорно убеждал читателя в том, что деспот Наполеон погубил всю мощь французской армии. Таким образом, предел его диктаторства и тщеславия должен был когда-нибудь наступить, и одним из предвестников этого падения, как считал автор, явилась Березина.

Автор в описании Березины, не лишенном доли сострадания к французским солдатам, признавал факт поражения Наполеона очевидным. Исходя из представлений о цивилизованной войне, Макквин осуждал французов, нарушивших правила чести, присвоив себе победу, без каких-либо оснований: «29-й бюллетень бросил вызов всем чувствам – чести, справедливости и гуманизма. "Монитор" провозгласил: "Детали этого похода не известны, но он добавил французской армии еще одну победу"» (5).

В 1830-е гг. бурные эмоции, витавшие вокруг имени Наполеона, стали угасать. Это дало возможность более осмысленно взглянуть на войны великого императора. На этом этапе важной вехой в формировании английского образа войны 1812 г. стал выход в свет труда писателя В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта». В. Скотт, находившийся под влиянием романтизма, создал образ рыцарской войны. Умалая личность Наполеона, писатель в то же время показал беспримерную в своем героизме трагедию Великой армии.

Автор последовательно описывал, как угасал рыцарский дух Великой армии по мере ее продвижения от Смоленска к Березине: «В целом, только незначительной части армии удалось сохранить имя и дисциплину. В этой кризисной ситуации Наполеон хотел достичь Минска и соединиться со Шварценбергом. Он также слышал, что Виктор и Удино поссорились по поводу атаки на Витгенштейна. Минск и Борисов были заняты русской армией» (6). Заметим, что для Скотта на фоне упадка боевого духа армии все военные проекты Наполеона выглядели неосуществимыми.

В тот момент, когда русская армия захватила Минск и Борисов, единственное, о чем могли думать французы, – это спасение бегством. Поэтому восхищение писателя вызвало уже то, что, вопреки всем пре-

пятствам, французы все-таки решились перейти Березину: «Несмотря на действия русской армии, переход через Березину был осуществлен. Звезда Наполеона еще горела» (7).

Писатель не относил этот успех на счет лично Наполеона: переправу во многом обеспечили маршалы: «Судьба императора была спасена благодаря успешным действиям Виктора и Удино. Они горели надеждой вернуть Борисов, когда получили сведения, что Домбровский был разбит Витгенштейном. Они двинулись по направлению к Борисову. Забыв о дисциплине, они шли скорее по зову инстинкта...» (8).

Писатель заинтриговал читателей вопросом: каким же образом эта солдатская масса все же вступила в сражение с врагом? Но Скотт подробно не остановился на описании сражений и не дал нам ответа на им же самим поставленный вопрос. Еще большие вопросы вызывают предложенные автором итоги сражения: «Чаплиц был побежден французами, которые численно превосходили его, он не получил никакой помощи от адмирала» (9). Сражения на левом берегу автор закончил фразой: «Виктор с остатками своей армии, которая намного уменьшилась, защищался мужественно» (10).

Таким образом, В. Скотт первым британцем, заявившим о французской победе на Березине.

Не менее объективная и беспристрастная интерпретация событий переправы через р. Березину представлена в труде участника войны 1812 г. Р. Вильсона. Бригадный генерал Вильсон, состоявший на английской службе, многие годы воевал в составе антифранцузских коалиций. Для решения дипломатических вопросов не раз ему приходилось бывать в России. Так, в качестве сопровождающего британского посла в Турции Р. Листона Вильсон в 1812 г. оказался в России с целью урегулировать последствия русско-турецкого конфликта. Совершенно случайно английский дипломат стал очевидцем русской кампании 1812 г., которая, по всей видимости, оставила глубокий след в его памяти.

Автору удалось в своем труде о войне 1812 г. оставить ненависть к Наполеону и сформулировать свои выводы на основе источников. В отличие от предыдущих английских исследователей, Вильсон не пытался создать психологический образ Великой армии. Перед собой он поставил совершенно иную задачу – обозначить роль переправы через р. Березину в проектах Наполеона. Автор попытался проникнуть в мысли, посещавшие императора во время передвижения от Смоленска к р. Березине. Так, узнав о приближении русской армии, император не поддался отчаянию, а проявил поразительную изобретательность. Он мгновенно начал искать выход из создавшейся ситуации. По сообщению Вильсона, изначально Наполеон планировал перейти р. Березину выше Борисова. «Однако вскоре, – продолжает Вильсон, – Наполеон изменил свое

намерение идти на Березино выше Борисова и следовать к Минску через Игумен. Это вывело бы его прямо на линию движения Кутузова, а Чичагов мог в этом случае препятствовать переправе через реку. В итоге Наполеон решил искать дорогу к Вильно через Веселово» (11).

После долгих размышлений по поводу возможных вариантов передвижения автор признал гениальность Наполеона, сделавшего верный выбор: «Наполеон проявил всю силу своего ума, чтобы преодолеть такие трудности» (12). Генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова автор обвинил в том, что он позволил Наполеону обмануть себя: «Таким образом, Кутузов опять оказался хранителем Наполеона. Даже в случае ошибки ее можно было бы исправить более тесным преследованием, постоянно сохраняя неприятеля в виду» (13).

Вильсон до малейших деталей описал сражения на Березине. Итоги боя автор не подвел. Единственное, что он отметил: «Однако французы, выдвинув два корпуса, заняли опушку леса у Стахова, откуда их так и не удалось выбить; они находились там весь оставшийся день» (14).

Более критично к военным действиям Великой армии на Березине подошел полковник Г. Каткерт. Однако он уделил внимание лишь сражению на правом берегу. Попытавшись проникнуть в душевное состояние французских солдат во время боя, он написал: «28 ноября Чичагов осознал, что был обманут. Он пошел к Студянке, чтобы атаковать Наполеона; но армия все еще оставалась при императоре. Энергия Наполеона наиболее ярко проявилась в этой ситуации; необходимость или отчаяние вдохновляло его солдат на бой» (15). Таким образом, историк подчеркнул, что армия Наполеона, несмотря на все испытания, сохранила единство и осознанность своего военного долга.

В подробности сражения полковник не посчитал необходимым вникнуть. По итогам боя победу он отдал французам: «Чичагов был побежден, или, скорее, был отражен; и для Наполеона не могло быть большего успеха, чем спокойное продвижение к Вильно, чего он достиг» (16).

Таким образом, англичане в XIX в. основное внимание акцентировали на образе Наполеона во время перехода через Березину. На первый взгляд ни один из этих схваченных налету обликов императора не был похож на другой. С трудом можно представить себе, что Наполеон мог быть деспотом и в то же время сочувствовать своим солдатам. Во многом доминирование той или другой стороны в образе императора зависело от политической обстановки, в которой создавались труды историков.

В XX в. в английской историографии произошли существенные изменения: Наполеон лишился облика врага. Этому значительно спо-

собствовала создавшаяся политическая обстановка. Давние враги, Англия и Франция, были вынуждены пойти на компромисс.

В английской историографии мы более уже не встретили описания духовно опустошенной Великой армии и столь же поникшего Наполеона. Однако описания Березины потеряли былую выразительность.

Так, в одном из английских изданий XX в. автор решил просто перечислить основные факты событий на Березине и на этой основе пришел к выводу о победе французов: «Авторитет Наполеона был спасен. Переход через Березину необходимо расценивать не только как катастрофу, но и как великий успех в ходе войны 1812 г.» (17). Английские исследователи XX в., систематически пренебрегая обращением к источникам, безоговорочно приняли факт победы Наполеона на Березине.

Современная английская историография начинается, по нашему мнению, с Д. Чандлера. Подобно своим предшественникам, он восхищался мужеством французских солдат на Березине. Однако в его описании сражений отсутствуют многие ключевые факты. Закончив повествование о борьбе на правом берегу атакой генерала Ж.П. Думерка, историк несколько скоропалительно сделал вывод о победе Наполеона: «Атака Думерка стала серьезным уроком для адмирала. Он в течение всего дня не решился возобновить сражение. Наполеон, несомненно, победил в стратегии» (18).

В начале XXI в. британские историки продолжают писать о Березине. Историк Б.Г. Хефорд высказал предположение, что Наполеон планировал сражение с русскими на правом берегу. Однако, подобно историкам XIX в., Хефорд утверждает, что победу в этот день одержал не император, а его солдаты: «Это был результат проявленной солдатами смелости, которые успешно задержали врага. Император даже не находился под огнем» (19).

Историк А.С. Бритт решил не обращаться к ходу сражений на Березине. Для него это название, при упоминании о котором предыдущие поколения европейцев охватывал ужас, является всего лишь рекой, которую спокойно перешли французы, покидая Россию. Историк утверждает, что у Наполеона был шанс нанести сокрушительный удар по русской армии в Минске, но пойти на этот шаг ему не позволило чувство сострадания к своим солдатам: «Тем временем русские захватили Минск. Узнав эту новость, Наполеон произнес: “Я был императором достаточно долго, в данное время я – действующий генерал” (20)». Тем самым, отказавшись от сражения с русской армией, Наполеон спокойно перешел Березину: «Французы, отклонившись от преследования, повернули на северо-запад, по направлению к Вильно. После пересечения Березины Наполеон оставил армию и вернулся в Париж» (21).

Единственным из современных английских исследователей, кто увидел все своеобразие и сложность событий на Березине, стал А. Замойский. Автор подробно остановился на планах враждующих сторон. Так, по его мнению, цель адмирала П.В. Чичагова заключалась в том, чтобы «соединиться с Кутузовым. В итоге же он получил от Кутузова слабую поддержку. Витгенштейн планировал пересечь Березину севернее и соединиться с ним» (22). Автор, таким образом, утверждал, что адмирал не планировал дать французам сражение на Березине. Все его действия Замойский определял как неосознанные: «Адмирал, который уважал Наполеона, очевидно, не осознавал, что идет на столкновение с ним» (23).

На фоне безрассудности русского командования фигура Наполеона приобретает значимость. Император представлен человеком, который в критические минуты никогда не отчаивался. Предчувствуя опасность на Березине, Наполеон начинает безудержно искать варианты выходы: «Он моментально загорелся планом собрать свои силы, двинуться на север, нанести удар Витгенштейну, затем следовать к Вильно, обойдя Березину. Но ему сообщили, что территория не благоприятствует проведению операции. Он решил перейти Березину в Борисове, разделив силы Чичагова» (24).

Осознав, что переход к Вильно безнадежен, Наполеон решил пробиться к Минску: «Удино моментально информировал Бертье о лучшем месте для переправы. Но Наполеон настаивал на переходе в Борисове. Победив Чичагова, он хотел пройти к Минску, где надеялся соединиться со Шварценбергом. 25 ноября он в очередной раз повторил указание Удино начать переход этой ночью» (25).

Автор не упоминает причин, которые вынудили Наполеона отказаться от движения на Минск и направиться в Вильно через Студянку. Более того, Замойский вообще проигнорировал факт сражения маршала П.К. Виктора с генералом П.Х. Витгенштейном.

Подводя итоги сражению, историк отдал победу французам: «Сражение закончилось в 11 часов вечера, когда русские отступили, будучи не в состоянии далее держать оборону. Это была великолепная и горькая победа французам!» (26).

В исследовании О. Коннелли, опубликованном в 2006 г., как и у Замойского, описание сражений на Березине исчезли. Переход через Березину был представлен автором как шаг Наполеона к достижению Вильно: «В Орше Наполеон направил армию на Борисов для продвижения к Вильно. Император достиг Борисова 24 ноября. Там Наполеон укрепился корпусами Виктора и Удино» (27). Военные действия были представлены так, как будто французы и русские в военное соприкосновение вовсе не вступили: «28 ноября Виктор охранял восточные подхо-

ды к мостам. Ночью маршал ушел, оставив бригаду Ж.Б. Эбле. Французский император сделал невозможное. Переход через Березину стал еще одной его победой» (28).

Образ Березины как бедствия Великой армии представлен в труде историка Р.Г. Бартона. Автор обратился лишь к описанию переправы, которая мыслится им как трагическая катастрофа, унесшая жизни многих (29).

События на Березине видятся трагедией французов и для видного британского историка Д. Ливена. Он считает, что основная цель французского императора, которую он преследовал в этих событиях, заключалась в спасении своей армии: «Переход через Березину был бедствием для Наполеона. Ему удалось спастись только благодаря смелости его солдат» (30).

В течение двух столетий образ Великой армии на Березине в английской историографии сочетает в себе трагические и героические черты. В сочувствии французским солдатам очевидна связь историков XIX и XX вв. Но вот образ Наполеона значительно изменился – от деспота до героя-победителя на Березине. Для всех английских исследователей Березина стала последней победой французов в России. По их мнению, Наполеон достиг своих целей. Однако взгляд на проекты Наполеона накануне и в ходе Березинской операции у английских историков различается. Для одних император планировал сражение с русской армией, для других – он стремился лишь к спасению своих солдат.

За восторженными речами о смелости французов скрывается одно существенное отличие между историками XIX и XX вв. Авторы XIX в. подтверждали свое мнение источниками, в современной же английской историографии эта основа исторического труда исчезла. Пренебрежение источниками явно свидетельствует о стремлении британских авторов бездумно следовать концепциям, сложившимся еще в XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. MacQueen J. The campaigns of 1812, 1813, 1814. Glasgow, 1814. P. V.
2. Ibid. P. VI.
3. Ibid. P. 145.
4. Ibidem.
5. Ibid. P. 148.
6. Scott W. The life of Napoleon Buonaparte. L., 1834. T. 2. P. 152.
7. Ibid. P. 153
8. Ibid. P. 154.
9. Ibidem.
10. Ibid. P. 156.
11. Вильсон Т.Р. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 г. М., 2008. С. 320.
12. Ibid. P. 321.
13. Ibid. P. 325.

14. Ibid. P. 333.
15. Cathcart G. Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813. L., 1850. P. 106-107.
16. Ibid. P. 107.
17. The Cambridge Modern History. L., 1964. P. 503.
18. Chandler D.G. The campaigns of Napoleon. L., 1995. P. 844.
19. Hereford B.G. Napoleon's invasion of Russia. L., 2002. P. 367.
20. Britt A.S. The wars of Napoleon. Griess, 2003. P. 120.
21. Ibid. P. 121.
22. Zamoyski A. 1812: Napoleon's fatal march on Moscow. L., 2004. P. 458.
23. Ibid. P. 459.
24. Ibid. P. 460.
25. Ibid. P. 461.
26. Ibid. P. 473.
27. Connelly O. Blundering to glory Napoleon's military campaigns. L., 2006. P. 184.
28. Ibid. P. 187.
29. Burton R.G. Napoleon's invasion of Russia. L., 2007. P. 209.
30. Lieven D. Russia against Napoleon. L., 2010. P. 346.

Alyona A. Postnikova

NAPOLEON'S ARMY ON THE BEREZINA IN EYES OF THE BRITISH

Abstract: The author examines the British historiography of the events on the Berezina in 1812. The author explores the papers of British historians XIX-XX centuries and she finds a substantial transformation of the historiography of Britain. These changes were caused by the socio-political and international situation.

Keywords: Napoleon, Berezina, War of 1812, R. Wilson, B. Scott, D. Chandler, A. Zamoyski.

Э.А. Замов

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат исторических наук, доцент.

НАЦИОНАЛИЗМ ЭНРИКО КОРРАДИНИ

Аннотация: Статья посвящена общественно-политическим взглядам итальянского националиста Э. Коррадини. Автор анализирует основной труд Коррадини: определяет идейные основы его национализма, отношение к иным идеологиям и направлениям общественно-

теоретической мысли (гуманизму, социализму, позитивизму). Автор приходит к выводу об агрессивном характере итальянского национализма и его эклектическом характере.

Ключевые слова: национализм, Италия, фашизм, Коррадини, национальное государство, война.

Энрико Коррадини по праву считается предтечей итальянского фашизма. Он был одним из создателей Итальянской националистической ассоциации, издавал еженедельник «Национальная идея». В число его сотрудников входили Вильфредо Парето, Альфредо Рокка и Луиджи Федерцони. В 1928 г. Коррадини становится членом правительства Италии, а в 1931 г. уходит из жизни. Взгляды итальянских националистов до сих пор слабы. Между тем, процесс образования новых государств на национальной основе продолжается, и проблема национализма остается более чем актуальной. Попытаемся проанализировать основной труд Коррадини и итальянский национализм.

В начале своей работы Коррадини отмечает: «Националистическая концепция основывается, прежде всего, на том, что жизнь по своей природе является коллективной» (1). В данном случае Коррадини выступает в качестве наследника идей Платона и Аристотеля, рассматривающих человека как коллективное животное. В то же время Коррадини утверждает: «Националист является индивидуалистом по причине полемике с социализмом. Он индивидуалист в экономических вопросах...» (2). Эти взгляды проистекают из мировоззрения городской мелкой буржуазии, не выдержавшей столкновения со стандартизованным фабричным производством и поэтому исповедующую как индивидуализм частного собственника, так и своеобразный коллективизм банкрота, уповающего на снисходительное отношение общества и государства.

Своими врагами Коррадини считает «интернационализм и гуманизм, представляющие всего лишь две сентиментальные абстракции, которые не являются орудиями, способными построить коллективную жизнь вне нации» (3). Коррадини также подчеркивает свою непримиримую позицию по отношению к социализму: «Социалистический коллективизм исходит из концепции равенств: люди равны, равны орудия труда, одинаковый труд, одинаковые блага; люди по происхождению равны. Точнее сказать, идеалом коллективистского режима мы видим сумму людей, переходящих из поколения в поколение и всегда способных построить что-либо сверх возможностей человека. В противоположность этому жизнь развивается исходя из факта различия...» (4). Коррадини вновь выступает здесь как последователь Аристотеля, рассматривавшего людей в качестве существ по природе не равных. Еще одна важная черта национализма – стремление выйти за пределы чело-

веческих возможностей и, для итальянских националистов апеллирование, к античному культу героев. То же было характерно и для идеологов нацистской Германии. Важный фактор, сформировавший эти взгляды – недостаток материальных ресурсов и в Италии, и в Германии, во многом предопределивший поражение последней в двух мировых войнах.

Еще один враг националистической идеи – позитивизм. Коррадини не признает само понятие социального прогресса: «Эта идея произвольная, сентиментальная и грубая, и несомненно является ошибкой, ибо этот неопределенный путь прогресса не существует, а существуют лишь отдельные сферы, в которых человечество прогрессирует или идет назад. Так греки были впереди нас в моральных науках и искусствах, а мы сейчас впереди греков в физических науках и в их приложении к нуждам материальной жизни. Надо на место идеи прогресса поставить идею интеграции. Каждая эпоха, каждое общество, каждый народ, каждая семья народов вносили свой вклад в эту интеграцию человечества, живущую через века» (5). Данные высказывания наглядно иллюстрируют несовпадение терминов «национализм» и «ксенофобия». На деле основоположник итальянского национализма констатирует и поддерживает сближение культур, признавая за ними равную ценность. О. Шпенглер, например, не признавал возможность интеграции культур. Причина этого – сама германская традиция мышления, сформировавшаяся во времена противостояния с славянством и жизни в «осажденной крепости» среди враждебного населения. Коррадини открыто не полемизирует с контовской теорией прогресса как повышения солидарности между людьми. Но он отмечает: «...сегодня идея прогресса идентифицируется с идеей прогресса чувства человеческой солидарности... Это плохая мысль. Мы более или менее цивилизны по сравнению с людьми античности. Или лучше, не более и не менее» (6).

Коррадини попытался определить понятие «нация»: «Нация, прежде всего, суть исторические факты, которые развивались и развиваются: нация есть географический факт, климатический факт, этнический факт; можно обсуждать ценность расы в композиции народов, но не стоит рассуждать о смешении крови, о разном сочетании разных кровей, которое создает итальянцев, французов, испанцев, немцев, англичан... нация есть собственно факт исторический, факт языка, факт культуры, факт политики» (7). В данном случае автор заимствует идеи Монтескье о значении климата и географической среды в истории народов, высказанные в книге «О духе законов». Как Ш.Л. Монтескье констатировал, что «власть климата сильнее любой другой власти», так и Коррадини ставит фактор климата на одно из первых мест среди факторов, формирующих нацию.

Сам же процесс формирования нации Коррадини описывает так: «...не стоит верить в союз всех наций. Ибо они возникают не благодаря одной силе, но благодаря двум силам, а именно силе развития к ассоциации и сотрудничеству, и силе борьбы против внешних сил. Более, чем воля людей страны, воля иностранцев формирует нацию войной, нашествиями, набегами, и, вероятно, никакая нация не возникла бы на земле без борьбы с внешней средой, потому что без нее вряд ли когда-нибудь возникла бы потребность в объединении» (8). Здесь автор выступает как продолжатель идей французских историков-романтиков, в частности О. Тьерри, утверждавшего, что государственность начинается с завоевания: «Нации возникают, поскольку имеют антагониста...» (9).

Коррадини не обошел молчанием и вопрос о движущих силах истории: «И вот две силы, постоянно пробуждающие жизнь: сила ассоциации (сближение близких элементов для общей защиты) и сила борьбы» (10). Далее он писал: «Нация есть постоянная реализация закона, сформулированного природой: внутренний мир и внешняя война» (11). В данном случае Коррадини, выступая против позитивистской теории исторического процесса, мыслит именно как позитивист, то есть не задумывается о природе движущих сил истории, задает вопрос «как?», а не «почему?».

Итальянский национализм носил однозначно агрессивный характер. Коррадини прямо заявлял: «Я должен сказать вам, господа, что без войны мы не будем существовать» (12). Рассуждая о закономерностях развития системы международных отношений, Коррадини пишет: «Сущность национализма есть утверждение необходимости международной борьбы. Нации не приобретают, а завоевывают! Завоевывают свое процветание, свое богатство, свою мощь, свое величие, свою славу, свою цивилизованность, свою историю в мире. Нация для интеллектуальности, для силы, для здоровья, для эффективности, других качеств, самой численности населения, для географического положения, для расширения своей территории, для своих чрезвычайных нужд; для международных и исторических комбинаций, для отдельно взятого условия из вышеперечисленных и всех вместе взятых – должна овладеть начальными способностями, чтобы стать процветающей и великой. Наша родина ими овладеет!» (13). Примечательно, что националисты не думали о каких-либо внутренних реформах, а ставили вопрос лишь о моральном преобразовании нации. Агрессивность итальянских националистов во многом была порождена колониальным характером экономики Италии, в значительной степени зависевшей от вывоза вулканической серы, апельсин и другой сельхозпродукции.

О роли индивида в обществе и истории Коррадини писал следующее: «...человеческая жизнь теряет цену как только мы переходим

от индивидуального состояния к коллективному; и моральная неприкосновенность человеческой жизни есть подлинная аморальность, потому что стремится дать ценность тому, что ее не имеет... Если мыслить национально, индивид не имеет важности более, чем капля в отношении к морю, падающий лист в отношении дерева» (14). Взгляды Коррадини несомненно противоречат христианской этике, признающей ценность человека как существа, созданного по образу и подобию Бога. В то же время Коррадини, несомненно противореча сам себе, заявляет: «Несомненно, национализм – это эгоизм. Это эгоизм граждан в отношении нации... Потому что национализм рассматривает нацию как силу, полезную для граждан» (15).

Кстати, от религиозной идеи как таковой Коррадини не отказывался. Он говорит: «Какова наша религия? Это религия волшебная, религия героев и природы» (16). Коррадини рассматривает исторический процесс как борьбу безличных природных сил. Эти взгляды совпадают со взглядами Шпенглера.

Далее Коррадини пишет: «Весь мир является империалистическим...и нынешний империализм пролетариев именуется социализмом. Весь мир является империалистическим, и государство, объединившее весь земной шар, будет не чем иным, как империализмом людей над животными и над вещами... Весь мир является империалистическим, потому что весь мир является строителем во времени и в пространстве... Империализм – это состояние нации... Это состояние переизбытка жизненности, силы, труда и производства, промышленности, коммерции, денег» (17). Во многом национализм Коррадини продиктован инстинктом самосохранения одинокого индивида, утратившего земельный надел и ищущего защиты от рыночной стихии в создании империи: «Национализм и империализм суть две истинные формы жизни, принадлежащие современному гигантскому миру, все более обширному, мощному и быстрому. Этот великий инструмент человеческой истории, нация, призван создать более великую историю в пространстве современного мира... Земля увидит империи, и такие, каких еще не было» (18).

Коррадини видит исторический процесс как явление природное и иррациональное: «Нация возникает как сложение двух инстинктов объединения и защиты» (19). Здесь вновь можно видеть повторение взглядов Платона и Аристотеля.

Противоречие между коллективистским и эгоистическим характером национализма было у Коррадини не единственным. Он отмечал: «...классицизм является естественным для нас, италийцев, глубоко эллинизированных сначала и романизированных после» (20). Далее он пишет: «Италия, в общем, до недавнего времени не существовала как на-

ция» (21). Иными словами, Коррадини не знал, когда возникла итальянская нация.

Националистическое государство Коррадини определил таким образом: «Наша смешанная система, демократическая и вместе с тем аристократическая, является демократической в признании постоянного обновления ценностей... но она является аристократической в концепции государства, которое разрабатывает свои цели внутри себя» (22). В данном случае Коррадини вновь предстает как продолжатель Аристотеля, сформулировавшего когда-то идею тимократии – государственного строя, объединяющего черты демократии и аристократии.

Цель националистов Коррадини формулирует следующим образом: «... развивать в государстве государственное мышление, состоящее в том, что государство живет для государства, что нация живет для нации, что Италия в общем живет для Италии... Не для индивида, но для Италии; не для свободы индивида, как говорят либералы, но для Италии; не для демократии, как говорят радикалы, но для Италии...» (23). Очевидно, что данные слова противоречат взглядам Коррадини на национализм как на идеологию индивида-эгоиста.

Коррадини позиционировал себя как защитника национального рынка: «...иностранная промышленность и искусство прекрасных иностранных городов порождают в нас рабский дух... и мы обречены нести в мир душу эмигранта. Напомню о нашествии иностранных капиталов, о том, что изделия нашей промышленности побеждены в нашем доме иностранными товарами» (24). Стоит отметить, что национализм Коррадини носит здесь вполне буржуазный характер.

Интересы итальянского национализма не касаются внутренней политики: «... для истинного националиста, для человека, вдохновленного истинным национальным сознанием, внутренние вопросы нации не существуют» (25). Именно отсутствие у националистов внутривнутриполитической программы стало причиной замены национализма на фашизм. Тем не менее Коррадини не обошел вниманием проблемы внутренней жизни страны: «Наш долг – работать для внутреннего умиротворения, в целях возрастания богатства и мощи нации как средств достижения высших национальных целей в мировом конфликте. Сейчас, работая над этим, национальная партия будет антагонистом социализма, который представляет международный пацифизм...» (26). Иными словами, развитие страны рассматривается не как самоцель, а лишь как средство внешней экспансии.

Коррадини не рассматривал итальянскую нацию как нечто исключительное. Но он выделил некоторые ее особенности: «... существуют пролетарские нации, так же как существуют и пролетарские классы; нации, чьи условия жизни поставили их ниже других наций, подоб-

но классам... Национализм должен прежде всего сражаться за эту истину: Италия есть нация материально и морально пролетарская. Она является пролетарской в период, предшествующий подъему, т. е. в период младенческий, с жизненной слепотой и жизненным слабоумием» (27). Единственным доказательством своего тезиса Коррадини считает факт эмиграции большого количества итальянцев, забывая, что в то время эмиграции были подвержены практически все страны Европы, которые на этом основании тоже можно было бы объявить пролетарскими.

О положении рабочих в националистическом государстве Коррадини писал: «Война есть высший акт, но утверждение необходимости войны включает в себя и признание необходимости подготовки к войне, данная подготовка является методом техническим и методом моральным. Это метод национальной дисциплины. Это метод для создания ужасающего и непрекаемого чувства необходимости национальной дисциплины. Это метод для создания... чувства долга. Это метод для того, чтобы возобновить семейную солидарность между классами итальянской нации... Нужно вбить в мозг рабочих мысль о том, что они заинтересованы в сохранении солидарности с их хозяевами и прежде всего с их нацией и послать к черту солидарность с их товарищами из Парагвая или из Кохинхины» (28). Здесь чувствуется влияние теории идеального государства Платона с массовой индоктринацией населения. Взгляды Коррадини представляли собой неосознанную негативную реакцию на средневековые (период политического упадка и культурного расцвета Италии), и поэтому идеолог итальянского национализма искал свой идеал в античности.

О современной ему демократии Коррадини отзывался критически: «В общем... демократия масонская, демократия аристократическая, выборная, демократия журналистов, демократия деловых людей и других тружеников капитала, вот она! Вся современная демократия имеет криминальную природу. Ее криминальность состоит в ее характере, альтруистическом, народном, пролетарском, социалистическом, гуманитарном, прогрессистском и цивилинном, в ее природе, представляющей эгоизм и эгоистическое бесплодие. Такова демократия настоящего исторического периода: демократия бесплодия, индивидуального паразитизма» (29). Коррадини здесь выступает не против системы прибыли и частной собственности вообще, а против крупного капитала. В вышеприведенных высказываниях проявилось недовольство лавочников и ремесленников, разоряемых крупной стандартизированной промышленностью.

Коррадини не оставлял без внимания вопросы морали и сформулировал основные моральные принципы национализма: «... часть подчинена целому, то есть, индивид подчинен нации, или лучше, нация

возвышается над индивидом. И так, идея самопожертвования вместо идеи утилитаризма. Долг вместо потребностей. Иерархия вместо анархии. Дисциплина вместо агитации. Нация рассматривается как цель индивидуального совершенствования. Нация подчиняет себя саму в том, что ее превосходит – в цивилизации» (30). Коррадини – противник индивидуалистической морали. Это можно объяснить прежде всего традициями средневековой городской культуры с ее цеховыми традициями, где каждый ремесленник имел неоспоримое и законное право на свой сегмент рынка, но и не мог развивать свои предпринимательские амбиции вне этого сегмента. С другой стороны, национализм был во многом идеей тех людей, которые не могли найти свое место в экономике тогдашней Италии с ее перенаселенностью и нуждавшихся в поддержке общества и государства. Высказывание Коррадини примечательно еще и тем, что он вводит в оборот слово, ставшее сутью и символом фашистского режима и названием главного фашистского журнала – «иерархия». Лишь впоследствии это слово присвоил и монополизировал Муссолини. Стремление итальянского мыслителя к иерархическому государству продиктовано не только его неоплатонизмом, но и крахом многочисленных независимых мелких городских ремесленников, уничтоженных фабричным производством с его иерархическим строем.

Об идеальном «националистическом человеке» Коррадини говорит: «Он идет умирать за единственную вещь, которая составляет его идею – за свой энтузиазм. Никакого воздаяния, ни на земле, ни на небе» (31). Эта борьба, по мнению Коррадини, направлена на обогащение мировой цивилизации, которая является даже большей ценностью, чем нация: «Это моральное совершенствование предусматривает шкалу ценностей, превосходства класса над индивидом, нации над классом, цивилизации над классом, человечества над цивилизацией...» (32). Приблизительно так же трактовал сущность европейской цивилизации французский историк-романтик Ф. Гизо. Однако Гизо считал ядром европейской цивилизации Францию, а Коррадини допускал возможность равного вклада разных наций в мировую цивилизацию: «...нация есть средство совершенствования всего великого сообщества людей на долгие века и средство совершенствования мира. Это мощнейшее средство, по величию и по силе. Некоторые великие абстракции переходят из века в век и от народа к народу. Это идеи справедливости, братства, порядка, мира. Новые доктрины по своей сущности рассматривают нацию, рассматривают нации как средства, как инструменты, имеющие целью приближение реальности к этим идеям... То есть нации являются величайшей силой морализации мира» (33). Примечательно, что, упоминая «братство», Коррадини опустил «свободу» и «равенство». В своей речи, посвященной годовщине поражения итальянской армии при Адуа, Кор-

радини заявил: « Кто нас победил? Анархия. Анархия, которая называется волей народа, анархия, которая называется спасением родины, анархия, которая называется монархия, анархия, которая называется крайняя левая...» (34).

Коррадини вывел закон возвышения и падения наций: « Итак, вот закон: когда люди добиваются собственности и богатства, они теряют производительную энергию, и когда они теряют производительную энергию, они теряют собственность и богатство. Эта биолого-экономическая связь является постоянной, что доказывает древняя история, современная история, как истории всех народов. Так и история любого отдельного народа» (35). С точки зрения Коррадини, Франция переживает депопуляцию и военно-политическое ослабление благодаря своему богатству и демократии, а Италию благодаря ее бедности ждет возвышение. Правда, с этой точки зрения невозможно понять, почему бедные африканские государства так и не создали мировые империи.

Для взглядов Коррадини характерен мистицизм, и это мистицизм не христианского толка. Итальянских националистов не могла удовлетворить католическая идея, ставившая авторитет папы выше авторитета нации. Коррадини писал: «Высший закон ставит избранных людей в центр их национальной формации и век за веком продвигает их, вдохновляет их, возвеличивает их и ведет их к созданию Империи. Когда возникает Империя, нация поступает на службу мировой цивилизации. Люди этого не знают и не должны знать, они сражаются, ведут завоевание за завоеванием и верят, что служат лишь своему эгоизму. Но служат... расширению прогресса, развитию просветленного мышления» (36). Коррадини выступает здесь как позитивист, верящий в теорию прогресса. В то же время идея избранности свыше великих людей в интерпретации Коррадини явно восходит к Г.В.Ф. Гегелю. Вера в историческую всемогущую судьбу является рудиментом античной исторической мысли (Геродот и Полибий ставили волю судьбы выше воли богов). Догматика католицизма с его теорией свободы человеческой воли для националистов неприемлема. Негативная реакция итальянских интеллектуалов на антинациональную позицию католической церкви в XIX в. привела их к своеобразному язычеству: «Является фактом, о гражданах, что Италия не принадлежит более силам разрушения, но находится под благодетельным руководством волшебных сил, которые гармонически ее развивают и расширяют» (37). Ранее он отмечал: « Что является нашей религией? Это волшебная религия богов и природы» (38). Следует отметить, что раньше Коррадини был противником теории гармонического прогресса. А вот теперь пришел к точке зрения Дж. Вико на историю как на поступательный прогресс наций.

Концепция национализма, сформулированная Энрико Коррадини, носила эклектический характер. Она представляла устремления разных социальных слоев. В сущности, национальное унижение само по себе не является причиной появления национализма. Двумя важнейшими предпосылками национализма являются незавершенность процесса формирования нации, расколотой на множество субэтносов, а также разрыв в развитии между городом и деревней.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Corradini E. Il nazionalismo italiano. Milano, 1914. P. 5.
2. Ibidem.
3. Ibidem.
4. Ibid. P. 7.
5. Ibid. P. 8-9.
6. Ibid. P. 9-10.
7. Ibid. P. 10-11.
8. Ibid. P. 11.
9. Ibid. P. 12.
10. Ibidem.
11. Ibidem.
12. Ibid. P. 48.
13. Ibid. P. 46-47.
14. Ibid. P. 14-15.
15. Ibid. P. 28-29.
16. Ibid. P. 22.
17. Ibid. P. 16-17.
18. Ibid. P. 17-18.
19. Ibid. P. 12.
20. Ibid. P. 18.
21. Ibid. P. 42.
22. Ibid. P. 140.
23. Ibid. P. 138-139.
24. Ibid. P. 59.
25. Ibid. P. 60-61.
26. Ibid. P. 76.
27. Ibid. P. 67.
28. Ibid. P. 68-69.
29. Ibid. P. 92.
30. Ibid. P. 234.
31. Ibid. P. 232.
32. Ibid. P. 237.
33. Ibid. P. 234-235.
34. Ibid. P. 254.
35. Ibid. P. 216-217.
36. Ibid. P. 259.
37. Ibid. P. 259.
38. Ibid. P. 22.

Eduard A. Zamov
NATIONALISM ENRICO CORRADINI

Abstract: This paper is devoted to the social and political views of the Italian nationalist E. Corradini. The author analyzes the main work Corradini. It defines the ideological foundations of nationalism Corradini, his attitude to other ideologies and trends of socio-theoretical thought (humanism, socialism, positivism). The author concludes that the Italian nationalism was aggressive and eclectic nature.

Keywords: Nationalism, Italy, fascism, Corradini, nation-state, war.

С.И. Ворошилин

Ворошилин Сергей Иванович, доцент кафедры психологии Уральского государственного педагогического университета, кандидат медицинских наук, доцент.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ В МИРЕ – НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕНА ТОПОНИМОВ ВСЛЕДСТВИЕ ВОЙН, РЕВОЛЮЦИЙ И КОЛОНИЗАЦИИ

Аннотация: Статья представляет собой первую часть работы, посвященной проблеме этноцида – политики уничтожения этнической или национальной идентичности вследствие топонимических войн. На материале европейской и мировой истории автор показывает механизмы и результаты этого процесса и предостерегает от дальнейшей практики насильственных переименований.

Ключевые слова: топоним, этноцид, национальная идентичность, историческая память.

(Часть 1)

Войны и революции всегда наносили ущерб культуре. Разрушались памятники архитектуры, гибли учителя и ученые, горели книги, но самым тяжелым последствием была утрата памяти о прошлом народа. Часто это происходило стихийно, когда население постепенно усваивало культуру победителя и забывало собственную. В других случаях победитель сознательно уничтожал культуру побежденного. Легенды ут-

верждают, что император Цинь Шихуанди после победы над всеми отдельными независимыми царствами древнего Китая, которые он объединил в своей империи, повелел уничтожить все книги, написанные на языках побежденных государств, а всех ученых, носителей их культуры, утопить (в нечистотах). Римляне разрушили Карфаген и запретили восстановление на его месте города под прежним названием. Часто запрещалось официальное использование языка побежденных, который в официальной жизни должен был быть заменен языком победителя. Так, в Австрийской империи к началу XIX века почти исчез чешский язык, и его пришлось восстанавливать искусственными методами, как позднее воссоздавался заново в Израиле иврит. Завоевателями часто накладывались ограничения на исполнение обрядов религии побежденных, а верующие облагались дополнительным налогом, что должно было способствовать переходу верующих из своей веры в веру победителя (экономия денег). Такой налог в странах ислама налагался на всех иноверцев, а в России он налагался на старообрядцев, и был отменен лишь в царствование Екатерины Второй. Часто завоеватели меняли письменность. Этим постепенно осуществлялось стирание различий между победителем и побежденным и поглощение побежденного народа народом победителем или хотя бы культура побежденного заменялась культурой победителей.

Самым жестоким методом истребления побежденного народа были полное его уничтожение (геноцид). Но это осуществлялось редко, тем более, что часто было невыгодно. Живые приносили своим трудом доход. Или они могли быть проданы как рабы. Женщины могли быть взяты в гарем. Более мягким проявлением геноцида было изъятие детей из семей завоеванного народа и воспитание их государством-гегемоном на своем языке, или навязывание смешанных браков с требованием воспитания детей на языке господствующего народа. Первое делали турки в Османской империи, второе – китайцы в КНР времен Мао Цзедунa.

Разновидностью геноцида является этноцид – политика уничтожения этнической или национальной идентичности, самосознания народа. Народы, ставшие жертвами этноцида, теряют историческую память или значительную ее часть, а в ряде случаев также свое самоназвание, культуру, вероисповедание, и ассимилируются, либо занимают подчиненное положение в отношении победителей, которые подвергли их этноциду.

Проявлением этноцида (геноцида культуры) является уничтожение или искажение информации о прошлом народа, что осуществляется уничтожением летописей, их «исправлением» с внесением добавлений, искажающих истину в интересах победителя или прямой фальсифика-

цией, прекращение преподавания истории народа или ее искажение, вытеснение народного искусства.

Еще одним проявлением этноцида издавна были топонимические войны – насильственное изменение топонимов – географических названий. Топонимы – это названия рек, гор, иных географических объектов и ориентиров, названия населенных пунктов. Люди присваивали какие-то наименования всему, что их окружало. При смене населения названия географических объектов часто веками оставались неизменным, так как пришельцы сначала узнавали эти названия от прежних аборигенов, а потом сами продолжали ими пользоваться. В результате в настоящее время часть географических названий продолжает носить имена прежних жителей, покинувших эти места, уничтоженных или ассимилированных.

Обычно, при одновременном проживании на одной территории двух и более народов, у объектов оказывалось несколько названий. Так, высочайшая вершина планеты – получила от английских географов наименование Эверест, от жителей Тибета – наименование Джомолунгма, в Непале она именуется Сагарматха, а китайцы называют ее Чогожи (на китайской латинице пиньин – Qogori) или Шенгму Фенг (Shengmu Feng). Впрочем, с 2002 года Китай принял тибетское название, которое на китайской латинице пишется, как Qomolangma. Таких примеров можно найти множество.

Но в наибольшей степени зависят от времени и от правителей названия стран и населенных пунктов, а также ориентиры внутри них – улицы, площади, районы. Завоеватели или переселенцы, появившись на новой территории, чаще всего сначала пользуются наименованиями своих предшественников. Населенные пункты получают названия по именам рек, озер, гор и иных ориентиров. Исторически наиболее стойко сохраняются в исторической памяти гидронимы – политически нейтральные наименования водных объектов – рек, озер, морей. На территории собственно России (Великороссии) почти все гидронимы являются не славянскими (Нева, Москва, Исеть, Днепр, Дон, Терек, не говоря уже о гидронимах Сибири). В северной части страны они носят угрофинские названия, на юге тюркские, на северном Кавказе они носят названия на языках различных народов этого региона. На севере Европейской и Азиатской части России, в Восточной Сибири – это названия на языках аборигенов этих земель, а на Дальнем Востоке к последним добавляются китайские, корейские и японские названия. Но если первые поселения чаще носили наименования аборигенные, то в дальнейшем новые поселения обычно начинают получать названия языка переселенцев. Кроме того, как правило, часть исконных названий искажалась пришельцами из-за неправильного их произношения и неправильного

восприятия произношения аборигенов. Анализ топонимов позволяет получать информацию о том, когда какие народы ранее заселили те или иные земли.

В Западной Европе, где всегда имела место более высокая плотность населения, можно было видеть более агрессивное обращение с исконными названиями. Особенно агрессивно себя вели германские государства. При включении в свой состав территории, населенной другими народами, они немедленно переименовывали на германский лад прежние наименования населенных пунктов и географических объектов. Так, в восточной части Германии, заселенной славянами, которых потом вытеснили германцы, славянские наименования были массово изменены или искажены, приобретая германский характер – Бранибор, к примеру, стал Бранденбургом. В XIX и XX веках политика искажения первоначальных названий приобрела еще более целенаправленный характер.

Особенно активно германские переселенцы переименовывали географические названия в славянских и балтийских землях – на Балканах, в Чехии, Польше, на территории Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. На немецкий лад были переделаны все чешские и словацкие названия, многие хорватские и словенские названия в Габсбургской Австрийской Империи. После включения в ее состав польских земель Краков стал именоваться Кракау, а Львов получил наименование Лемберг. Все населенные пункты в Курляндии и Эстляндии (теперь Латвия и Эстония) были названы по-немецки (правда, практически все города на этой территории были основаны немецкими переселенцами и носили немецкие названия с их основания). Все улицы в городах назывались немецкими именами. После включения этих областей по Ништадскому миру 1721 г. «на вечные времена» в состав Российской империи города не переименовывались, но все улицы в этих городах стали иметь двойные названия: русские и прежние немецкие.

Шведские наименования получили все поселения в Финляндии.

После окончания Первой мировой войны в связи с распадом Австро-Венгерской, Германской и Российской империи Европа пережила эпидемию массовых переименований. Ставшие независимыми государствами Польша, Чехословакия, Хорватия, Словения осуществили массовое переименование населенных пунктов, или, возвращая исторические национальные названия, если они были – модифицируя прежние германские названия на свой национальный лад. Теперь на картах мира не найти Аустерлица, где было знаменитое сражение Наполеоновских войн, – теперь это чешский город [Славков-у-Брна](#). Также теперь не найти города Брюнна, в котором открыл свои законы наследственности Грегор Мендель. Германоязычный Брюнн превратился в славянский

Брно. Не найти исторические Карлсбад или Мариенбад, где отдыхали русские аристократы и писатели. Их заменили Карловы Вары и Мариенски Лэзни. Всего только в Чехии было переименовано более 311 населенных пунктов.

Таблица 1.
Переименованные после 1918 года города бывшей Австро-Венгерской империи

<i>Старое (немецкое) название</i>	<i>Новое (национальное) название</i>
<i>Переименованные в 1918 г. города Чехии:</i>	
Ауссиг	Усти-над-Лабем
Аустерлиц	Славков-у-Брна
Пилсен	Пльзень
Ольмюц	Оломоуц
Острау	Острава
Мариенбад	Марианске Лазне
Карлсбад	Карловы Вары
Кёниггрец	Градец Кралове
Будвайс	Ческе Будейовице
<i>Переименованные в 1918 г. города Словакии:</i>	
Прессбург	Братислава
Нейсоль	Банска Быстрица
Кашау	Кошице
Прешау	Прешов
Тырнау	Трнава
<i>Переименованные в 1918 г. города Хорватии:</i>	
Аграм	Загреб
Флаум (Фиуме)	Риека
Эсseg	Осиек
<i>Переименованные в 1918 г. города Словении:</i>	
Лайбах	Любляна
Марбург-ан-дер-Драу	Марибор

После окончания Второй мировой войны Польша получила значительную часть восточной Германии, к востоку от рек Одер и Нейссе, – германские провинции [Pommern](#) (Померания), [Westpommern](#) (Западная Померания), [Lebus](#), [Niederschlesien](#) (Нижняя Силезия), [Oppeln](#), [Schlesien](#) (Силезия). Со всех этих территорий было изгнано немецкое население (несколько млн человек).

Передача этих территорий была одобрена союзниками для того, чтобы компенсировать Польше передачу СССР воссоединенных в 1939 году с Советской Украиной и Советской Белоруссией территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, входивших с 1920 года в состав Польши.

Таблица 2.
Список крупных городов западных провинций Германии, переданных в 1945 год Польше.

№	Немецкое название	Польское название	Русское название
Provinz <u>Ermland-Masuren</u>; Воеводство Варминско-Мазурское - <u>Województwo</u> Warmińsko-Mazurskie			
1.	Elbing	<u>Elbląg</u>	Эльблонг
2.	Allenstein	<u>Olsztyn</u>	Ольштын
3.	Lyck	<u>Elk</u>	Элк
Провинция Померания - Provinz <u>Pommern</u>; Воеводство Поморское - <u>Województwo</u> Pomorskie			
4.	Danzig	<u>Gdańsk</u>	Гданьск
5.	Gdingen, Gotenhafen ¹	<u>Gdynia</u>	Гдыня
6.	Stolp	<u>Słupsk</u>	Слупск
7.	Dirschau	<u>Tczew</u>	Тчев
Провинция Западная Померания - Provinz <u>Westpommern</u>; Воеводство Заходно-Поморское - <u>Województwo</u> Zachodniopomorskie			
8.	Stettin	<u>Szczecin</u>	Щецин
9.	Köslin	<u>Koszalin</u>	Кошалин
10.	Stargard in Pommern	<u>Stargard Szczeciński</u>	Старгард-Щециньски
Provinz <u>Lebus</u>; Воеводство Любуское - <u>Województwo</u> Lubuskie			
11.	Landsberg an der Warthe	<u>Gorzów Wielkopolski</u>	Гожув-Велькопольски

12.	Grünberg	Zielona Góra	Зелёна-Гура
Провинция Нижняя Силезия (в Германии до 1945) – Provinz Niederschlesien; Воеводство Дольношлёнское (в Польше с 1945) - Województwo Dolnośląskie			
13.	Breslau	Wrocław	Вроцлав
14.	Waldenburg	Walbrzych	Валбжих
15.	Liegnitz	Legnica	Легница
16.	Hirschberg	Jelenia Góra	Еленя-Гура
17.	Lüben	Lubin	Любин
18.	Glogau	Głogów	Глогув
19.	Schweidnitz	Świdnica	Свидница
20.	Goldberg	Złotoryja	Злотория
Provinz Oppeln; Воеводство Опольское - Województwo Opolskie			
21.	Oppeln	Opole	Ополе
22.	Kandrzin-Cosel	Kędzierzyn-Koźle	Кендзежин-Козле
Провинция Силезия - Provinz Schlesien; Воеводство Шлонское - Województwo Śląskie			
23.	Gleitwitz	Gliwice	Гливице
24.	Hindenburg ⁸	Zabrze	Забже
25.	Rybnik	Rybnik	Рыбник
26.	Tarnowitz*	Tarnowskie Góry	Тарновске-Гуры
27.	Ratibor*	Racibórz	Рацибуж
<i>Всего 27 населенных пунктов</i>			

Кроме того, по решению союзников было выселено все немецкое население, проживавшее на территории Чехословакии и Югославии. Всего на территорию Германии было насильственно переселено 9 684 000 изгнанных со своего места жительства немцев, проживавших на современной территории Восточной Европы из числа находившихся там до войны 17 000 000 немцев. Судьба остальных 8 млн неизвестна: часть бежала раньше, часть погибла или умерла от лишений войны. Депортация была проведена по решениям Тегеранской, Ялтинской и Пот-

сдамской конференций. Союзники призывали провести ее максимально гуманно. Однако в ходе ее проведения до 10% переселенцев погибло в ходе депортации, а большинство потеряли все свое имущество. В то же время советское государство всегда обвинялось западными странами (бывшими союзниками) в незаконности проведения в послевоенные годы выселения этнических групп Северного Кавказа, Крыма за сотрудничество с немецкими оккупантами, а также переселения в 1941 г. немцев Поволжья с целью профилактики использования их немецкими войсками. Следует заметить, что масштаб советских депортаций был значительно меньше депортаций в Восточной Европе и не сопровождался такой смертностью, как при переселении из Восточной Европе немецкого населения.

В результате теперь стало достаточно сложно реконструировать исторические события, происходившие в Восточной Пруссии во время Семилетней и Первой Мировой войн. Автору с трудом удалось определить, что Гросс-Егерсдорф, около которого прусские войска под командованием генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина разбили прусские войска генерал-фельдмаршала И. Левальда, теперь именуется поселком Междуречье в Калининградской области. А деревня Цорндорф около крепости Кюстрин (теперь Костжин – Kostrin), у которой также было известное сражение, теперь переименована поляками в деревню Сарбиново. Куненсдорф, при котором русскими войсками было нанесено окончательное поражение войскам Фридриха Второго в Семилетней войне, теперь именуется в Польше Кумовице (Kumowice). Он находится к востоку от польского города Слубице, как теперь стала называться восточная часть немецкого города Франкфурта-на-Одере, располагающаяся на восточном берегу Одера (в этом городе теперь останавливается большинство туристов, отправляющиеся автобусными турами по Западной Европе от Варшавы в направлении Берлина).

Тогда же было выселено из Чехословакии более 3 млн немцев, главным образом, судетских немцев. Остававшиеся в Чехословакии немцы были лишены гражданства, им запрещалось публично пользоваться немецким языком, пользоваться общественным и личным транспортом. Им запрещалось ходить по тротуарам, иметь и использовать радио и телефон, они были обязаны носить на одежде нашивки с буквой «N» – «Немец» или повязку со свастикой (чехи применили к немцам те же незаконные методы унижения, какие немецкие фашисты до этого применяли к евреям). Немцы были выселены также из Югославии, Венгрии, Румынии. Освобожденные от немецкого населения территории были заселены жителями тех стран, в состав которых они перешли. И при этом ВСЕ населенные пункты, носившие ранее немецкие названия, были переименованы на новый «национальный» лад.

Переименования эти создают трудности с опознанием мест, с которыми связаны исторические события. Сегодня только специалист, имеющий доступ к специальной литературе, найдет места, где находился главный замок тевтонского ордена Мариенбург (теперь Мальборк), где потерпела поражение в 1914 г. в Восточной Пруссии русская армия генерала А.В. Самсонова под Танненбергом (теперь это Стембарк), где проходили переговоры с Наполеоном в Тильзите (Советске), где находился концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим). Справочников переименованных городов не существует.

Но кроме того, все страны Восточной Европы оказалось под контролем собственных коммунистических или социалистических партий. В них при поддержке СССР проводилась политика преобразования этих государств в социалистические страны «народной демократии». Этот процесс сопровождался переименованием некоторых городов, получавших имена коммунистических деятелей, и массовым переименованием улиц на «социалистический» лад. Так, в Германской демократической республике (ГДР) появились города Карл-Маркс-Штадт и Вильгельм-Пик-Штадт, в Польской Народной республике – Сталиноград, в Венгрии – Сталинварош и Ленинварош, в Болгарии – города Сталин, Толбухин, Благоевград, Боевград, в Албании – Сталин, в Югославии – Титоград, в Румынии город Орашул Сталин и т.д. После распада Варшавского блока и прекращения контроля коммунистических партий часть улиц и даже городов были вновь переименованы, точнее большинству из них были возвращены их исторические названия.

Таблица 3.

Наиболее крупные из городов стран «народной демократии», которые в послевоенные годы получили новые названия, но затем были переименованы обратно:

Название до 1945 г.	Новое название	Название восстановленное
Германская демократическая республика:		
<u>Хемниц</u>	Карл-Маркс-Штадт (1953)	Хемниц (1990)
<u>Губен</u>	Вильгельм-Пик-Штадт (1960)	Губен (1990)
Польская народная республика:		
Катовице	Сталиноград (1953)	<u>Катовице</u> (1956)
Венгерская народная республика:		
<u>Дунауйварош</u>	Сталинварош (1951)	Дунауйварош (1961)

Тисаседеркень	Ленинварош (1970)	<u>Тисауйварош</u> (1990)
<i>Болгарская народная республика:</i>		
<u>Варна</u>	Сталин (1949)	Варна (1956)
<u>Добрич</u> (1882)	Толбухин (1949)	Добрич (1991)
Шумен	Коларовград (1950)	Шумен (1965)
Фердинанд	Михайловград (1945)	Монтан (1992)
Горна Джумайя	Благоевград	
Органе	Ботевград	
<i>Албанская народная республика:</i>		
<u>Кучова</u>	Сталин (1950)	Кучова (1990)
<i>Югославская федеративная социалистическая республика:</i>		
<u>Подгорица</u>	Титоград (1946)	Подгорица (1992)
<i>Румынская народная республика:</i>		
<u>Брашов</u>	Орашул Сталин (1950)	Брашов (1960)

Активно проводится иногда возвращение, а иногда просто переименование в бывших советских республиках, ставших после 1991 года (в Ближнем Зарубежье). Много населенных пунктов было переименовано в Казахстане, в Средней Азии и Закавказье. В этих республиках было проведено возвращение исторических названий, но во многих случаях была проведена замена исторических «русских» названий на придуманные национальные названия: «казахские», «узбекские», «туркменские», «грузинские» и т.д. Часто сочиняются легенды о существовании в прошлом до основанных русскими населенных пунктов более древних, носивших национальные названия.

Таблица 4.
Переименованные города в бывших республиках СССР

Название первоначальное	Название в СССР	Название после 1991 г.
<i>Казахстан</i>		
Ак Мечеть (1820) Форт Петровский (1853) Петровск (1858)	Кзыл Орда (1925)	Кызыл Орда (1996)
Акмолинская крепость (1830) Акмолинск (1832)	Целиноград (1961)	Акмола (1992) – Астана (1996)
Актау (1963)	Шевченко (1964)	Актау (1991)

Усть-Яицкий острог (1640) Нижне-Яицкий городок (1662) Гурьев (1708, 1734)	Гурьев	Атырау (1992)
Тараз (VI в) Аулие Ата (1856)	Мирзоян (1936) Джамбул (1938)	Жамбыл (1993) Тараз (1997)
Верхний Яицкий городок (1613) Уральск (1775)	Уральск	Орал (1991)
Зайлийское (1854) Верное (1855) Верный (1885)	Алма Ата (1921)	Алматы (1992)
Джаркент (1881)	Панфилов (1942)	Жаркент (1991)
Риддер (1786)	Лениногорск (1941)	Риддер (2002)
Семипалатинск	Семипалатинск	Семей (2007)
Кокчетав	Кокчетав	Кокшетау (1992)
Кустанай	Кустанай	Костанай (1997)
Ермак	Ермак	Аксу (1993)
	Ленинск	Байконыр (1995)
<i>Киргизия</i>		
Каракол – Пржевальск	Каракол Пржевальск	Каракол
Пишпек	Фрунзе	Бишкек
Рыбачье	Иссык-Куль	Балыкчы (1992)
<i>Узбекистан</i>		
Янги-Базар	Орджоникидзебад	Кофамихон Вахдат
Ришдан	Куйбышево	Риштан
Новый Маргелан Скобелев	Фергана	
Карабагиш	Советабад	Ханабад
<i>Таджикистан</i>		
Душанбе	Сталинабад (1939)	Душанбе (1961)
Ходжент	Ленинабад (1939)	Худжант (1991)
	Янги-Базар (1927) – Орджоникидзебад (1936)	Кофирнихон (1992) – Вахдат (2003)
<i>Туркмения</i>		
Чарджуй	Ленинск (1924)– Чарджоу / Чарджев/	Туркменабад (1999)

	(1927)	
Красноводск (1869)	Красноводск	Туркменбаши (1993)
Кушка (1890)	Кушка	Серхетабад
Асхабад	Ашхабад	Ашгабат
Ташауз	Ташауз	Дашховуз (1992)
<i>Армения</i>		
Караклис	Кировакан (1935)	Ванадзор (1993)
Джалал Оглы	Степенаван (1930)	
Кумайры Александрополь (1840)	Ленинакан (1924)	Гюмри (1990)
Къявар – Ново-Баязет/Нор- Баязет (1840)	Камо (1959)	Гавар (1996)
Сардарабад	Октемберян (1932)	Армавир (1992)
Сойлан	Азизбеков (1956)	Вавк (1994)
Воронцовка	Калинино (1937)	Ташир (1991)
Улуханлу	Нариманлу – Зангиба- зар – Раздан	Масис
<i>Грузия</i>		
Багдади	Маяковский (1940)	Багдади (1990)
Катариненфельд (1817)	Люксембурги (1921) Больниси (1943)	
Шулавери	Шаумяни (1925)	Шулавери (1991)
Триалети	Молотово (1940) Триалети	
Цхинвали	Сталинири (1934) Цхинвали (1961)	
<i>Азербайджан</i>		
Асаги Аджжакенд	Шаумяновск (1938)	Асаги Аджжакенд (1990)
Бейлаган	Жданов (1939)	Бейлаган (1991)
Биялсувар	Пушкино (1938)	Биялсувар (1991)
Горанбой	Касим-Исмайлов	Горанбой
Гянджа	Гянджа	Гянджа
Елизаветполь	Кировабад	
Элендорф – Еленино	Нариманов	Ксанлар
Норашен	Ильичевск	Шарур
Петропавловка	Петропавловск	Сабирабад
Траубенфельд	Виноградное Поле	Товуз

Елизаветинка	Люксембург	Агстафа
Ени Шамахи – Агсу		
Зубовка – Эли Байрам-ли		
Карягино – Фюзули		

Особенно агрессивным этот процесс был на Западной Украине. В других бывших союзных республиках больший упор делается на замену советских названий иными. В республиках Прибалтики особенно рьяно переименовали улицы, вернувшись к досоветским названиям. Процесс массовых переименований не закончен. Националисты стремятся допереименовать все, что не было переименовано до сих пор. Так, в Казахстане многие годы обсуждается вопрос о переименовании Павлодара – города, созданного в 1720 в степях русскими казаками как Коряковский форпост, который с 1838 г. стал станицей Коряковкой, в 1861 г. был наименован городом Павлодаром. Теперь предлагаются «исконно» казахстанские название типа Кереку Нуркент, Кимака, Кызылжар или Ертис (Иртыш). Как-то из националистов мотивацию переименования определил так: «Коренной народ хочет, чтобы ... города, которые называли еще при царской России, переименовали».

Западному миру пришлось пережить горькие времена после Второй мировой войны, когда произошел распад колониальных империй стран Западной Европы и произошло освобождение стран Азии и Африки. Первыми получили независимость Индия с Пакистаном, затем страны Индокитая и Индонезия. Добились полной независимости арабские страны. В то же время на территории Палестины возникло еврейское государство Израиль. После 1960 года произошло освобождение от колониальных оков стран Африки. Последними получило независимость от европейского меньшинства черное большинство населения Южно-Африканской республики. Все процессы обретения независимости сопровождались изменениями названий городов и улиц и самих стран. В Индии Бомбей стал называться Момбай, Калькутта – Каликата (или Кальката), Мадрас – Чеппай. Государство Цейлон стало именоваться Шри-Ланка, государство Бирма стало называться при написании русскими буквами Ньянма или Мьянма (в самой Бирме и в европейских странах она пишется Myanmar), а бывшая столица Бирмы Рангун была переименована в Янган (в Бирме пишут Rangun). Новое руководство страны перенесло столицу Бирмы вглубь страны (из опасений агрессии со стороны стран Запада) в город Ньепидо или Наипьятау (Nay Pyi Taw или Науруйтaw). Вьетнамский порт Сайгон, являвшийся столицей Южного Вьетнама, после окончания американо-вьетнамской войны был переименован в Хошимин (в самом Вьетнаме часто пишут его название

как Хошимин-сити, возможно, чтобы отличить от имени самого «дедушки Хо»). Напряженная борьба за наименования происходит в Тибете, где тибетские названия отличаются от китайских. Но когда они пишутся китайскими иероглифами, их звучание изменяется до неузнаваемости.

Гонконг после включения его в состав КНР стал Сянганом. Кстати, столица Китая Пекин с 1928 по 1949 гг. гоминьдановцами именовалась Бейпинг, но при Мао Цзедуне ее название стало писаться латинскими буквами *Beijing*, вследствие чего англо-американо-читающие стали произносить ее как Бейджинг. Однако сами китайцы произносят ее название как Пецин, что на европейский слух воспринимается как Пекин.

В Израиле старинная Яффа (или Яффо) стала Телль-Авивом. Названия городов и других населенных пунктов Палестины на иврите приобрели иное, непривычное звучание. Так, русское наименование Иерусалим произносится как Иерушалаим. Более серьезен в Израиле конфликт арабских (до Израиля 1948 года) и европейских названий. Ниже приводятся примеры различающихся названий.

Таблица 5.

Примеры переименования населенных пунктов в государстве Израиль

<i>Первоначальное арабское название</i>	<i>Новое название на иврите</i>
Северный округ:	
ан-Насира	Нацѐрет (<u>Назарет</u>)
Бисан	<u>Бейт-Шеан</u>
Центральный округ:	
ал-Людд	<u>Лод</u> (Лидда)
Од-Асарон	<u>Ход-Хашарон</u>
Округ Гуш-Дан (Тель-Авивский):	
Тель-Абиб—Яффа	<u>Тель-Авив—Яффо</u>
Меджель-Яба	<u>Петах-Тиква</u>
Округ Иерусалим (Иудея и Самария):	
Эль-Кудс (Ṫrṣālīm, Ṫrṣalaym, Ṫruṣālīm, Ṫruṣalaym).	Иерушала́им (<u>Иерусалим</u>)
Байт-Лахм (<u>Вифлеем</u>)	<u>Бейт-Лехем</u>

<i>Южный округ:</i>	
Бир-эс-Саба	Беэр-Шева
Исдуд	Ашдод
Эль-Магдждаль	Ашкелон
Айлат	Эйлат
Эс-Аджлан	Кирьят-Гат
Эс-Сабафер	Кирьят-Малахи

В июле 2009 г. Министерство транспорта Израиля приняло решение оставить на дорожных знаках на территории страны только еврейские названия городов, и с израильских дорожных знаков должны были убрать английские и арабские названия.

Но наибольшие изменения претерпела карта Африки. После распада колониальной системы на африканском континенте, начиная с 1960 г., большинство названий прежних колоний были заменены на новые национальные названия.

Таблица 6.
Новые названия государств Африки

<i>Старые колониальные названия</i>	<i>Новые названия независимых стран</i>
Южно-Африканский Союз	Южно-Африканская республика, Южная Африка
	Лесото
	Свазиленд
Юго-Западная Африка	Намибия
Бечуаналенд	Ботсвана
Северная Родезия	Замбия
Южная Родезия	Зимбабве
Танганьика	Танзания
Бельгийское Конго	Заир, Народная демократическая республика Конго
Французская Экваториальная Африка	Республика Конго (Браззавиль)
	Габон
	Центрально-Африканская республика
	Республика Чад
Золотой берег	Гана
Ньясаленд	Малави

Французская Западная Африка	Сенегал
	Гвинея
	Мали
	Буркина-Фасо
	Нигер
	Того
	Бенин
	Берег Слоновой Кости, Кот д'Ивуар
Руанда-Бурунди	Руанда
	Бурунди

В некоторых новых независимых африканских государствах после получения независимости также были проведены переименования городов, улиц, географических объектов, главным образом, имевших европейские наименования или названных в честь европейских деятелей.

Таблица 8.
Переименованные города стран Африки

Старое название	Новое название
<i>Заир (Бельгийское Конго)</i>	
Леопольдвиль	Киншаса (столица)
Стенливиль	Кисангани
Элизабетвиль	Лубумбаши
Жадовиль (Jadotville)	Ликаси
Альбертвилль	Калемие
Порт-Франко	Плеб
<i>Ангола</i>	
Новый Лиссабон	Уамбо
Са-да-Бандейра	Лубанго
<i>Республика Чад</i>	
Форт-Лами	Нджамена
Форт-Аршамбо	Сарх
<i>Мозамбик</i>	
Лоренцо-Маркеш	Мапуту
<i>Замбия</i>	
Солсбери	Хараре (столица)
<i>Южно-Африканская республика (ЮАР):</i>	
Претория	Тсване (столица, 2005)

--	--

Переименования в мире продолжают. Новая угроза нависает над всеми государствами, от которых ООН готова потребовать осуществить всемирную унификацию написания названий с тем, чтобы все страны применяли одинаковое написание в соответствии с орфографией, принятой в стране, где соответствующий географический объект находится. Но этот принцип применим только к странам, в которых имеется латинский алфавит и буквы имеют одинаковое значение с алфавитами европейских стран. Например, латиница, используемая в Китае (пиньин) неприменима, поскольку буква «г» в ней означает звук «ж», а звук, обозначаемый буквой «q», в европейских языках отсутствует, соответствуя то ли «ц», то ли русскому «ть». Соблюдение этого принципа требует писать «Бейцзинг» вместо «Пекин», так как в Китае на китайской латинице «пень-ин» название Пекин пишется, как Beijing. Но сами китайцы произносят Beijing практически как «Пецин». Название города пишется с латинской «В», которая произносится как «б» или «п», которые китайцы не различают. А латинская буква «Р» на пиньин обозначает звук «бх» или «пх» («ph»), которые китайцы также воспринимают, как один звук. Конечно «ng» в китайском читается не как английский носовое «ng», а просто «п». Но если слово кончается просто на «п», то оно читается как английское «ng». Так из-за всеобщей безграмотности и несоответствия китайской латиницы английской полмира стало произносить Пекин как Бейцзинг.

Полагаем, что заставить всех сменить исторические, принятые в странах наименования, применявшиеся длительное время, невозможно и нецелесообразно. В таком случае было бы логично сначала потребовать от Китая и Японии перейти с иероглифов на алфавит и переписать все названия буквами на соответствующие в алфавите. Ибо именно Китай наиболее грубо искажает написание и произношение на китайском языке названия из-за невозможности передавать их хоть сколько-нибудь правильно своими иероглифами. В результате на китайском языке Россия – Э-го или Элосы, Англия – Ин-го, Франция – Фа-го, Германия – Да-го, а Советский Союз именовался Су-лянь и т.д. Город Екатеринбург по-китайски произносится как Йекацежинбао. А Владивосток китайцы именуют Хайшеньвэй, как они называли место расположения Владивостока еще до его основания. Но отказ Китая от иероглифической письменности в предвидимом будущем невозможен, так как привел бы к распаду страны на множество государств с разными языками. Только собственно китайский язык распадается на 6 языков, в каждом из которых произношения всех слов не совпадают. А каждый из языков распадается на несколько диалектов.

Традиционные наименования стран и городов в языках различных народов следует считать неизбежным и относительно правильным. Известные с детства традиционные названия прочно связаны в сознании с тем, что они обозначают. И требование начать с какого-то дня «правильно» называть Дойчланд вместо Германии, Франс вместо Франции или Пари вместо Парижа неизбежно создадут для поколения огромные трудности. Кстати, название Китайской Народной Республики на китайском языке произносится как Чжунхуа Женьмин Гунхэго. При этом каждый слог должен произноситься с определенной мелодией, которых в северном Китае 4, а в южном – 8. Российская Федерация пишется китайскими иероглифами 俄罗斯联邦, а латинскими буквами на пиньин - Èluósī liánbāng (элосы лианбан).

Переименования неизбежно будут происходить и в будущем, даже если появятся международные запреты на такую практику. Переименования в связи с революциями и войнами не будут учитывать никакое международное законодательство. Переименования создают затруднения. Единственным радикальным средством борьбы с этим явлением являются только восстановления названий. Хороший пример в этом отношении показали США. Единственное за многие годы переименование мыса Канаверал в мыс Кеннеди было отменено через несколько лет. Положительный пример восстановления исторических названий показывают многие страны Восточной Европы и СНГ, хотя нередко процесс восстановления сопровождается новыми переименованиями. Необходимо тщательное сохранение информации об измененных наименованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беддекер Гюнтер Горе побежденным! Беженцы III Рейха. 1944 – 1945 гг. / пер. с нем., - М., 2006. – 480 с.
2. Благой Д.Д. Новый русско-китайский разговорник для туристов и деловых людей. Рост он/Д., М., 2008, – 526 с.
3. Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917 - 1992): Топонимический словарь. М., 1993. – 250 с.
4. Интернет ресурсы:
 - 4.1.Name Changes Since 1990: Countries, Cities, and More - <http://www.mapping.com/changes.shtml> -
 - 4.2.Энциклопедия Википедия – переименованные города ru.wikipedia.org/wiki/Переименованные_города -

Toponymical Wars in the World – Toponyms' Violent Change as a Result of War, Revolution and Colonization

Abstract: This paper represents the first part of the work on the problem of ethnocide - policy of destruction of ethnic or national identity due toponymic wars. The author shows the mechanisms and results of this process and warns against further enforced renaming.

Keywords: toponym, ethnocide, national identity, historical memory.

М.Г. Агапов

Агапов Михаил Геннадьевич, доцент кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ РОДИНЫ: КОНЦЕПЦИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОЧАГА В ТРУДАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ СИОНИЗМА

Аннотация: Автор исследует возникновение идеи «еврейского национального очага» в рамках сионистского движения. В статье рассматривается деятельность Т. Герцля на посту президента Сионистской организации, его вклад в создание еврейского государства. Автор специально останавливается на проблеме выбора «убежища» для евреев и символическом значении Палестины.

Ключевые слова: сионизм, Т. Герцль, Палестина, Базельская программа, «еврейский национальный очаг».

Подводя итоги работы Первого (Базельского) сионистского конгресса 1897 г., основатель Сионистской организации (СО) Т. Герцль записал в своем дневнике: «...в Базеле я создал еврейское государство ... Возможно, через пять лет, а возможно, через пятьдесят лет это будет знать каждый» (1). Однако, как справедливо отмечает израильский историк и дипломат Эли Барнави, «пророчество Герцля могло и не сбыться. Изначально сионизм был лишь одной из форм современного еврейского национализма, и отнюдь не самой влиятельной» (2). Действительно, на рубеже XIX–XX вв. сионизм занимал маргинальное положение

по отношению к еврейскому «духовному национализму» (автономизму), основоположник которого – российский еврейский историк, один из создателей научной истории еврейского народа, С. М. Дубнов – утверждал, что еврейский народ, пройдя территориально-политический (государственный) этап своего развития, достиг «наивысшей степени культурно-исторической индивидуализации», на которой он «может и в диаспоре существовать в качестве самобытной культурной нации» (3). Сионизм принципиально не признавал автономистской доктрины. Он представлял ту разновидность национализма, которая, по словам Э. Хобсбаума, «стремилась скорее к образованию новых государств, нежели к решению проблемы "наций" в государствах уже существующих» (4).

Доктринально идея «еврейского национального очага» в Палестине берет свое начало в Базельской программе 1897 г., определившей создание «убежища» для еврейского народа в Палестине целью международного сионистского движения: «Der Zionismus erstrebt für das jüdische Volk die Schaffung einer öffentlich-rechtlich gesicherten Heimstätte in Palästina (Сионизм стремится создать для еврейского народа обеспеченное публичным правом убежище в Палестине)» (5). Примечательно, что в научных переводах Базельской программы, выполненных после 1917 г., Heimstätte, как бы предвосхищая декларацию Бальфура, зачастую переводится как «home» (6) / «очаг» (7) или «дом» (8), тогда как лексическими значениями Heimstätte (Heim – дом, очаг, приют; Stätte – место, жилище, очаг) являются «кров», «приют», «убежище», «жилище», «родные места», «Родина». Очевидно, что между приведенными вариантами перевода Heimstätte есть определенная разница: «приют», «кров», «убежище» предполагают чье-либо покровительство, они предоставляют терпящим бедствие, напротив – «дом», «очаг» коннотируют суверенный характер, они обладают теми смыслами, которые еврейские колонисты в Палестине позже выразили понятием *hadar* (сила, достоинство, величие). Наиболее адекватным переводом Heimstätte на русский язык представляется «убежище» (9), на английский – «shelter» (10) или «homeland» (11). «Базельская программа сионистского движения ... нуждается в точном и ясном понимании, – писал один из ее авторов, ближайший сподвижник Т. Герцля, философ, писатель и публицист М. Нордау (С. М. Зюдфельд). – Главная задача этого движения – создать отечество еврейскому народу и приобрести для него в Палестине убежище, которое было бы гарантировано международным правом» (12).

М. Нордау приписывал происхождение сионизма «двум внешним импульсам: во-первых, национальному принципу ...; во-вторых, анти-семитизму» (13). В условиях роста в последней четверти XIX –

начале XX вв. антисемитизма в Центрально-Восточной Европе и России сионистский проект позиционировался его авторами как «план спасения» еврейского народа. Показательным в этом отношении является памфлет одного из предшественников Т. Герцля, российского еврейского общественного деятеля Л. Пинскера «Автоэмансипация! Призыв русского еврея к своим соплеменникам», изданный им впервые анонимно на немецком языке в 1882 г. в Берлине (14). «Целью наших стремлений, – писал Л. Пинскер, – должно быть приобретение собственной земли ..., клочка земли ..., с которого никакой властитель не в праве был бы нас согнать» (15). Для обозначения этого «клочка земли» Л. Пинскер чаще всего использует слово «убежище» (Zufluchtstätte): «Вместо многих убежищ, которые мы испокон века привыкли искать для себя, мы желаем иметь одно убежище, существование которого было бы обеспечено политическими гарантиями» (16). В других случаях Л. Пинскер говорит о «приюте» (Obdach): «Прежде всего должно быть определено ... – какая вообще страна для нас доступна и в то же время пригодна служить безопасным, никем не оспариваемым приютом, способным дать необходимое пропитание евреям всех стран, вынужденных покинуть свою родину» (17). Иногда Л. Пинскер применяет слова «пристань» (Hafen) и «сборный пункт» (Sammelpunkt).

Алармистское по своей тональности сочинение Л. Пинскера (толчком к его написанию послужили погромы, прокатившиеся в апреле – июле 1881 г. по югу России) ярко отображает тот общественно-политический и эмоциональный фон, на котором формировалась идея «убежища» для еврейского народа. В этой же тональности, усиленной пророческим пафосом, выдержано и ставшее программным для сионистского движения, написанное также под воздействием антисемитской акции – процесса Альфреда Дрейфуса (Париж, октябрь – декабрь 1894 г.), сочинение Т. Герцля «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса» («Der Judenstaat. Versuch einer modernen Lösung der Judenfrage». Вена, 1896 г.). «Мир, преисполненный негодования против евреев, будит уснувшую мысль, вызывая ее на рассуждение ... Я не выдумываю ни положения евреев ..., ни средств для спасения их ..., – писал Т. Герцль, – Еврейское государство – это мировая потребность и, следовательно, оно будет создано» (18). В отличие от Л. Пинскера, основатель СО прямо использовал в своем сочинении понятие «государство». Т. Герцль предлагал, по сути, развернутый план построения еврейского государства, «и, чего доброго, даже образцового!», описывал его Конституцию, законы, социально-экономическую структуру, военную организацию и даже флаг (19). Столь детальная прорисовка ставила сочинение Т. Герцля в глазах современников в один ряд с появившимися тогда же многочисленными утопиями, посвящен-

ными описанию будущего еврейского государства. Обзор последних и анализ их влияния на зарождающийся сионизм представлены в блестящем эссе Эли Барнави и Мириам Елиав-Фелдон «Утопии» (20). В этих разножанровых – от памфлета до утопии, – но объединенных общей тревогой за судьбу еврейского народа сочинениях основоположников сионизма ставились и решались важнейшие вопросы, связанные с созданием «еврейского созеренства», прежде всего, вопрос о его местоположении и международно-правовом статусе.

Вопрос о местоположении «убежища» для еврейского народа вплоть до принятия Базельской программы 1897 г., четко обозначившей в качестве такового Палестину, оставался дискуссионным. Авторы сионистских утопий Эдмунд Менахем Эйслер («Образ будущего». Вена, 1885 г.), Элханан Лейб Левинский («Путешествие в Эрец-Исраэль в 5800[2040] г.». Одесса, 1892 г.), Макс Остерберг-Веракоф («Иудейское царство в 6000[2241] г.». Штутгарт, 1893 г.) и др. видели «еврейское государство» только в Палестине. Для Л. Пинскера в период написания «Автоэмансипации» этот вопрос оставался открытым: «...мы еще не знаем, где обретается эта пристань: на западе или на востоке», – писал он, имея в виду Америку и Палестину (21). Позже Л. Пинскер стал идеологом движения Ховевей Цион (любящие Сион, палестинофилы), одним из инициаторов и председателем Катовицкого съезда Ховевей Цион (Пруссия, 1884 г.), на котором сформулировал идею возвращения евреев к сельскохозяйственному труду и создания еврейской сельскохозяйственной базы в Эрец-Исраэль (то есть в Земле Израиля – еврейского народа, называемого так по имени одного из его патриархов). Таким образом, в итоге Л. Пинскер поддержал «палестинский вариант» (22).

По мнению Т. Герцля, высказанному в «Еврейском государстве», более всего для его плана подходила Аргентина. Следует заметить, что в конце XIX – начале XX вв. Аргентина переживала экономический бум: с 1880 по 1905 гг. ее производство росло со средним темпом 8 %, ВВП на душу населения вдвое превышал итальянский и был выше французского, иммигранты составляли свыше 50 % прироста населения (23). Аргентинское, наряду с североамериканским, направление иммиграции было самым привлекательным для европейцев. «Аргентина одна из естественных богатейших стран, огромнейшая равнина с незначительным населением и умеренным климатом, более всего, конечно, подходит для наших целей», – писал Т. Герцль (24).

В плане привлекательности для иммигрантов Палестина была прямой противоположностью Аргентине. «...мы видим ее [Сирии – в широком смысле этого названия, включающем также Палестину] невыгодную в отсутствии ископаемых и угля, в преимущественно трудно обра-

батываемой почве, и в том, что она окружена степями и пустыней на юге и на востоке и высокими горами на севере, сильно затрудняющими сообщение с соседними областями и делающими Сирию экономически изолированной областью», – констатировал известный сионистский деятель, основоположник социологических исследований о еврейском народе и организатор сионистской поселенческой деятельности в Палестине А. Руппин (25). Однако Палестина обладала огромным символическим значением для национально активированной части еврейства. «Что же касается Палестины, – писал Т. Герцль, – этой нашей незабвенной исторической родины, то одно имя ее уже имеет само по себе большое значение для еврейского народа вообще и для эмиграции и колонизации в частности» (26). По всей видимости, к маю 1896 г. Т. Герцль сосредоточил все свое внимание на Палестине (27). Как справедливо замечают французские исследователи Ж.-К. Аттиас и Э. Бенбасса, Палестина была избрана «совсем не по тем причинам, по которым страны подвергаются колонизации... она была единственной землей, способной вызвать в еврейском мире эмоциональный порыв и энтузиазм, необходимые для успеха иммиграционного движения, во всех отношениях отличного от переселенческих волн, подобных тем, которые накатывались на Северную Америку и увлекали с собой искателей индивидуального и семейного благополучия» (28). Однако приоритетным для сионистского руководства был вопрос не о местоположении «убежища» для еврейского народа, а о его международно-правовом статусе.

Сформулированная в Базельской программе концепция «убежища» для еврейского народа предполагала обязательное обеспечение еврейского присутствия в Палестине защитой «публичного права». В отличие от «практической» (иначе – «поселенческой», ориентированной только на заселение евреями Палестины) программы Ховевей Цион, «политическая» программа Т. Герцля была нацелена, прежде всего, на получение сионистами «хартии» на владение Палестиной от великих держав. Полемизируя с лидерами Ховевей Цион, Т. Герцль утверждал: «Колонизацию в большом масштабе ... можно вообразить себе только, как таковую, которая ... имеет свою автономию, иначе мы рискуем взрастить где-нибудь новых армян» (29). Эту «автономию» или «суверенство» еврейскому народу в лице СО должны были обеспечить, по мысли Т. Герцля, «правительства тех стран, которые свободны от антисемитизма». «Наш план в сущности таков, – резюмировал Т. Герцль, – если бы нам дали достаточную территорию на началах суверенства для нашей справедливой необходимости, предоставив обо всем остальном позаботиться уже нам самим, то все создалось бы само собой». Будущее еврейское государство виделось Т. Герцлем вполне в духе своего времени, форпостом европейской цивилизации на Ближнем Востоке: «Для

Европы же мы образовали бы там нечто вроде оплота, преграды против Азии, мы заботились бы о распространении культуры среди невежественных народов Азии. Оставаясь вместе с тем со всеми государствами Европы в союзе в качестве нейтрального государства, – мы таким образом были бы гарантированы за наше существование» (30).

Т. Герцль прекрасно понимал, что реализация его программы будет зависеть в первую очередь от позиции Турции, в состав которой тогда входила Палестина. Если для европейских держав евреи в Палестине могли стать, по его мнению, «оплотом» европейской политики, то Стамбулу они могли бы оказать не меньшую услугу: «Если бы турецкий султан захотел отдать нам Палестину, то мы могли бы обязаться привести финансы Турции в полный порядок» (31). Именно в ходе обсуждений на Базельском конгрессе различных вариантов получения «хартии» от великих держав, в том числе и от Турции, на «еврейское сотрудничество» над Палестиной была сформулирована цель сионистского движения (Endizel). Группа делегатов во главе с Л. Моцкиным потребовала четко и решительно заявить о намерении сионистов создать в Палестине «еврейское государство». Т. Герцль, считавший «восстановление» еврейского государства главным делом своей жизни, добился отклонения конгрессом этого требования. По словам М. Нордау, именно он «сделал все, что мог, чтобы убедить сторонников создания еврейского государства в Палестине, что мы должны найти какой-то эвфемизм, который отражал бы все, что мы имеем в виду, но так, чтобы не провоцировать турецких правителей упоминаемой земли. Я предложил заменить слово "государство" синонимичным словом "Heimstätte"... Такова история этого выражения, о котором столь много говорят. Оно было двусмысленным, но мы все понимали, о чем идет речь. Для нас оно означало "Judenstaat"» (32).

Таким образом, изначально семантическое поле понятия «Heimstätte in Palästina» интерпретировалось сионистами посредством смыслового переноса. Иначе говоря, каждая сионистская группа наполняла его собственным содержанием, соответствующим партийной позиции: суверенное еврейское государство («политический сионизм»), духовный центр еврейского народа («духовный сионизм»), трудовой центр (Поалей Цион) или «Земля Израиля для народа Израиля в соответствии с Торой Израиля» (Мизрахи). В сионистской публицистике начала XX в. помимо названных выше использовались и другие понятия для обозначения еврейского присутствия в Палестине, акцентирующие различные аспекты Базельской программы: «национальный центр», «автономный национально-культурный центр», «территориально-национальный центр», «внутренне-автономный коллектив» и др. При этом всегда подчеркивалось стремление сионизма к обретению «еврей-

ским национальным центром» в Палестине статуса «правоохраненного убежища, где они [евреи, которые решили там поселиться] могли бы жить полной еврейской жизнью, составить большинство населения и надеяться на получение своего "гомруля"» (33).

В 1897–1904 гг. в качестве президента СО Т. Герцль встречался с представителями правительств держав как свободных от антисемитизма, так и нечуждых ему. Среди предоставивших ему аудиенцию официальных лиц были министр иностранных дел Германии князь Бернхард Бюлов (Вена, сентябрь 1898 г.), кайзер Вильгельм II (Константинополь, октябрь 1898 г. и Иерусалим, ноябрь 1898 г.), султан Абдул Хамид II (Стамбул, май 1901 г.), визирь Абдул Хаида II Мехмед Саид-паша (Стамбул, февраль 1902 г.), министр колоний Великобритании Джозеф Чемберлен и глава Форин Офис Генри Лансдаун (Лондон, июль 1902 г.), египетский премьер-министр Бутрос Гали и представитель Великобритании в Египте лорд Эвелин Кромер (Каир, март 1903 г.), министр внутренних дел Российской империи В.К. Плеве (С.-Петербург, август 1903 г.) и папа Пий X (Ватикан, январь 1904 г.) (34). Несмотря на благосклонное в целом отношение высокопоставленных лиц к сионистской программе (султан наградил президента СО орденом «Меджидие»), Т. Герцлю не удалось получить «хартию» ни от одного из правительств. «Герцль потерпел поражение по всему кругу своих дипломатических усилий. Нигде ему не удалось убедить представителей великих держав в том, что их собственные интересы совпадают с интересами еврейского народа в форме политического сионизма» (35). Ни один из сионистских проектов создания «гарантированной автономии» для еврейского народа (Эль-Ариш, Гуас Нгишу) так и не был реализован. Осознав свой провал, Т. Герцль приступил к сочинению собственной сионистской утопии – романа «Старая новая страна» («Altneuland»). Вена, 1902 г.). «Сейчас я не покладая рук работаю над "Альтнойланд", – писал он в дневнике, – Мои надежды добиться практического успеха рассыпались в прах. Моя жизнь больше не роман, а значит роман – моя жизнь» (36).

«Еврейский национальный очаг» в Палестине был учрежден только после окончания Первой мировой войны, когда стечение целого ряда обстоятельств сделало возможным признание Великобританией, а затем и другими великими державами сионистской программы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Herzl Th. The Complete Diaries of Theodor Herzl. Ed. Raphael Patai. N.Y., 1960. Vol. I. P. 343.
2. Барнави Э., Фридендер С. Евреи и XX век: аналитический словарь. М., 2004. С. 214.
3. Дубнов С.М. Письма о старом и новом еврействе (1897–1907). СПб., 1907. С. 8, 21–22, 24.

4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 162.
5. Dokumente zur Geschichte des deutschen Zionismus 1882-1933 / Hrsg. und eingel. von Jehuda Reinharz. Tübingen, 1981. S. 40.
6. The Basel Programme // Great Britain. Foreign Office. Historical Section. Zionism. L., 1920. P. 31; Basle Program // Encyclopedia of Zionism and Israel. Vol. 1. Patai, Raphael (ed.). N.Y., 1971. P. 114; ООН. Истоки и история проблемы Палестины. Часть 1. 1917–1947. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/peace/palestine/book/02-4.shtml>; The Basel Declaration // Lesch Ann M., Tschirgi Dan. Origins and development of the Arab-Israeli conflict. Westport, 1998. P.137; The Basel Declaration // Bickerton Ian J., Klausner Carla L. A history of the Arab-Israeli conflict. Upper Saddle River, N.J., 2007. P.33; The Basle Program. Resolutions of the First Zionist Congress (August, 30 1897) // Gregory S. Mahler; Alden R. W. Mahler. The Arab-Israeli Conflict An Introduction and Documentary Reader. L., N.Y., 2010. P. 46 и др.
7. Базельская программа ВСО, август 1897 // Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт / Под ред. О. А. Колобова. В 2-х т. Т.2. Документы. Н. Новгород, 2008. С. 4 и др.
8. Апарат Нисан. Еврейство и сионизм: лекции по истории народа Израиль и государства Израиль. Иерусалим, 1992. С. 124; Кузнецов Д. В. Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение: в 2-х частях. Часть 1: Арабо-израильский конфликт. Благовещенск, 2009. С. 4 и др.
9. Именно такой вариант приводится в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (С.-Петербург, 1890–1907) в статье «Сионизм» и в Краткой еврейской энциклопедии (Иерусалим, 1976–2005) в статье «Базельская программа».
10. Так переводит Heimstätte, например, доктор Майкл Кэмпос, Университет Флориды. Campos M. Ottoman Brothers: Muslims, Christians, and Jews in Early Twentieth-Century Palestine. Stanford, 2010. P. 205.
11. Именно такой вариант приводится в The New Encyclopaedia Britannica (Лондон – Чикаго, 2003) в статье «Basel Program (Zionism)».
12. Нордау М. Речи и статьи. Екатеринбург, 1898. С.60.
13. Нордау М. О сионизме. Ковна, 1903. С. 6.
14. «Autoemanzipation!» Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden. Berlin, 1882. Русский перевод был выполнен историком российского еврейства, общественно-политическим деятелем Ю.И. Гессеном в 1898 г.
15. Пинскер Л.С. Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам. Одесса, 1899. С. 37.
16. Там же. С. 51.
17. Там же. С. 37.
18. Герцль Т. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896. С. 7, 10.
19. Там же. С. 100.
20. Эли Барнави, Мириам Елиав – Фелдон. Утопии // Барнави Э., Фридендер С. Евреи и XX век: аналитический словарь. М., 2004. С. 262 – 274.
21. Пинскер Л.С. С.41.
22. Усилия Ховевей Цион по заселению Палестины дали весьма скромные результаты. В 1890 – 1891 гг. при поддержке барона Э. Ротшильда (сына основателя французской ветви Ротшильдов) Ховевей Цион основал в Палестине два поселения: Реховот (население в 1890 – 1 100 человек) и Хадера (население в 1891 г. – 300 человек). (Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919. С. 80 – 81).
23. Кошкарлов А. Потерянное столетие // Всемирная история модернизации. Эксперт. Специальный выпуск. 2010. 28 декабря – 10 января. С. 106; Демографический энциклопедический словарь. М., 1985
24. Герцль Т. Еврейское государство. С. 40.
25. Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919. С. 7, 318.

26. Герцль Т. Еврейское государство. С. 41.
27. Herzl Th. Op. cit. P. 335.
28. Аттас Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М., 2002. С. 207.
29. Герцль Теодор. Сионистские статьи. СПб, 1914. С. 58.
30. Герцль Теодор. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896. С.41.
31. Там же.
32. Цит. по: Sykes Christopher. Crossroads to Israel. L., 1965. P. 24.
33. Брандейс Луи де. Сионизм // Война и еврейская проблема. Москва, 1917. С. 40 – 41.
34. Сакер Говард М. История Израиля. От возникновения сионизма до создания Государства Израиль. Иерусалим, 1994. Т.1. С. 99 – 116.
35. Kagan Gennadi E. Der Prophet im Frack: Theodor Herzls russische Mission 1903. Koln, 2003. S.138.
36. Цит. по: Эли Барнави, Мириам Елиав-Фелдон. Указ. соч. С. 271.

Michail G. Agapov

In Search of the Lost Homeland: Concept Jewish National Home in Works of the Founders of Zionism

Abstract: The author examines the emergence of the idea of a "Jewish national home" in the context of the Zionist movement. The article describes the activities Herzl as president of the Zionist Organization. His contribution to the establishment of a Jewish state. The author addresses the problem of search of the "asylum" for the Jews. He notes the symbolic importance of Palestine.

Keywords: Zionism, Herzl, Palestine, the Basel program, "Jewish national home".

С.В. Абрамов

Абрамов Сергей Викторович, доцент Уральского государственного горного университета, кандидат исторических наук, доцент.

«ЧЕЛНОЧНАЯ» ДИПЛОМАТИЯ СОВЕТСКОГО ПРЕ- МЬЕР-МИНИСТРА А.Н. КОСЫГИНА

Аннотация: Статья посвящена дипломатической деятельности председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина в период Шести-дневной войны Израйля с арабскими государствами, а также Октябрьской войны 1973 г. Автор статьи приходит к выводу о том, что благода-

ря деятельности Косыгина удалось выстроить устойчивую систему челночной дипломатии для решения конфликта на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: А.Н. Косыгин, арабо-израильские войны, челночная дипломатия, Л. Джонсон, А. Садат.

Немногие знают сегодня, что в годы, которые позже будут названы «холодной войной», огромную роль в урегулировании арабо-израильского конфликта 1967 и 1973 гг. сыграет видный деятель Советского государства, знаток и организатор экономики – Алексей Николаевич Косыгин. Таких, как Косыгин, всегда отличала прямота, смелость и верность долгу до конца, отказ от любых компромиссов с совестью, полное отсутствие тщеславия, мужество, стойкость и верность Родине. Вадим Алексеевич Кирпиченко, более полувека проработавший во внешней разведке, писал: «Никто другой из советских руководителей не производил на меня такого сильного и глубокого впечатления, как Алексей Косыгин. Прежде всего, он не старался напустить вокруг себя византийского тумана, держался естественно и просто, не подчеркивал ни своей значимости, ни своей осведомленности, ни своей причастности к высшему руководству. Казалось, что громадные знания и опыт начисто избавляли его от необходимости думать о том, как преподнести себя внешнему миру. А.Н. Косыгина отличала компетентность в делах государства и в вопросах экономики, твердость характера, строгость мышления, конкретность во всем» (1). Косыгин, фигура крупная и неоднозначная, тесно связал себя со многими важнейшими внешнеполитическими событиями советской истории XX века, и, особенно – с драматической судьбой арабо-израильского конфликта.

5 июня 1967 г. Израиль в соответствии с доктриной профилактической или, точнее, упреждающей войны начал военные действия против Египта, Сирии и Иордании. Мир, затаив дыхание, вновь следил за событиями на Ближнем Востоке, погрузившими его народы в море отчаяния и страданий. То были страшные дни на фоне всеобщего страха, ожидания худшего. Советское правительство немедленно заявило о своей поддержке этих стран. В тот же день оно, добиваясь прекращения военных действий, дало указание представителю СССР в ООН поставить вопрос о немедленном созыве Совета Безопасности.

В Заявлении Советского правительства от 5 июня 1967 г. говорилось: «На такие опасные действия страну (Израиль. – С.А.) толкнули руководители, которые постоянно заявляют, будто они ведут борьбу за существование Израиля как государства. Но если что-либо способно больше всего подрывать основы развития и самого существования из-

раильского государства, то это именно такой путь безрассудства в политике, который избрали сегодня руководящие круги Израиля»¹. В Заявлении прочитывается досада на то, что развитие событий пошло по непредсказуемому и опасному пути. На этот раз в Заявлении отсутствовали привычные для подобного рода документов пропагандистские штампы как, например, «происки империализма». В этом, безусловно, сказались благоразумие, сдержанность и осторожность, постоянно проявлявшиеся главой Советского правительства А.Н. Косыгиным, который в самые драматические моменты арабо-израильского конфликта умел находить достаточно аргументов для той и другой стороны, был готов искать и находил мирные, политические пути решения конфликтных ситуаций. Все это не позволило арабо-израильскому конфликту переместиться из состояния кризиса в состояние надвигающейся катастрофы.

В первый же день конфликта, 5 июня, президентам США и Франции, премьер-министрам Великобритании и Израиля были направлены срочные телеграммы главы Советского правительства.

В частности, в телеграмме израильскому премьер-министру Л. Эшколу действия Израиля квалифицировались как «авантюристический акт», как «прямое и открытое нарушение Устава и принципов ООН»; в ней без ненужных дипломатических реверансов говорилось: «Возлагая ответственность на правительство Израиля за совершенное вооруженное нападение на Объединенную Арабскую Республику, Советское правительство настаивает на немедленном прекращении огня и выводе войск с территории соседних арабских государств. Если израильское правительство не внемлет голосу разума и не остановит кровопролития, то оно возьмет на себя ответственность за происходящее и его возможные последствия» (2).

В аналогичных телеграммах президенту США Л. Джонсону, премьер-министру Великобритании Г. Вильсону и президенту Франции де Голлю говорилось о том, что «долгом всех великих держав является добиться того, чтобы военный конфликт был немедленно прекращен» (3).

В новых телеграммах, направленных от имени А.Н. Косыгина 6 июня, содержались подобные ж слова: «Советское правительство убеждено, что интересам восстановления мира отвечало бы решительное требование о немедленном прекращении огня и отводе войск за линию перемирия. Мы выражаем надежду, что правительство США (Великобритании, Франции) поддержит в Совете Безопасности указанное

¹ Цит. по: Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М., 2002. С. 64.

требование. Мы его поддерживаем. Надо было бы сделать все возможное, чтобы сегодня Советом Безопасности было принято по этому вопросу положительное решение».

Тем временем маятник войны раскачивался все сильнее. Израильские вооруженные силы, несмотря на решения Совета Безопасности, продолжали наступление сразу на трех фронтах – на египетском, сирийском и иорданском. Не случайно в обращении Советского правительства от 7 июня к правительству Израиля говорилось: «Если сейчас израильское правительство немедленно не выполнит общего требования государств о безотлагательном прекращении огня, которое выражено в резолюции Совета Безопасности, Советский Союз пересмотрит свое отношение к Израилю и примет решение, касающееся дальнейшего поддержания дипломатических отношений с Израилем».

Как следствие, 10 июня 1967 года, когда судьба дружественных режимов Египта и Сирии висела «на волоске», СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. «Дипломатические отношения были разорваны сразу же вслед за захватом Израилем Голанских высот» (4), – отмечает Е.М. Примаков. В разрыве дипотношений с Израилем ярко проявился проарабский дрейф советской внешней политики. В итоге, Советский Союз больше не только не дирижировал процессом ближневосточного конфликта, но и утратил роль гаранта стабильности ближневосточного региона, хотя логически можно предсказывать иную интерпретацию. Так или иначе, процесс взаимодействия Советского Союза с Израилем был законсервирован на многие годы. По поводу ошибочности или правильности этого решения (разрыва дипотношений) могут быть разные мнения, однако никто не получил оснований для обвинения русского (советского) народа в излишней агрессивности. Как заявил председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, СССР выступал не против Израиля, а против его агрессивной политики, которую проводили правящие круги этого государства (5).

«Конечно, это был беспрецедентный шаг. Но он был адекватен серьезности положения», – позже скажет председатель ассоциации российских дипломатов Погос Акопов. Академик Е.М. Примаков пишет: «Некоторые считают вторичный разрыв Советским Союзом дипотношений с Израилем мерой чрезмерной, тем более что их восстановление затянулось на долгие годы, во время которых Советский Союз, не в пример Соединенным Штатам, как бы "одной ногой" стоял на Ближнем Востоке, что ослабляло его возможности влиять на ход политического урегулирования арабо-израильского конфликта. Даже признавая логичность такой постановки вопроса, очевидно, нельзя отрывать разрыв дипломатических отношений с Израилем от той реальности, в которой принималось это решение. Победа Израиля над арабскими странами,

вооруженными советским оружием, да еще в условиях нахождения в Египте и Сирии советских военных советников, требовала решительной реакции со стороны СССР. Необходимость такой реакции подогревалась, с одной стороны, американской позицией недвусмысленной поддержки Израиля и с другой – ростом недовольства в арабском мире «пассивностью» СССР. Применение вооруженных сил Советским Союзом было исключено, так как это могло привести к войне с Соединенными Штатами, – и СССР, и США опасались такого развития событий, стремились его не допустить. Дипломатическая активность СССР с целью заставить Израиль прекратить огонь, а затем уйти с оккупированных территорий при противодействии в Совете Безопасности ООН США и их союзников давала далеко не полный эффект и адекватно не укрепляла советских позиций на Ближнем Востоке. Советская пропагандистская машина была запущена, чтобы убедить, что в арабских странах СССР рассматривали как своего «спасителя», но это соответствовало действительности лишь в небольшой мере... Именно в такой обстановке и было принято решение разорвать дипломатические отношения с Израилем – считалось, что в сложившихся условиях этот ход оптимальный» (6).

В тот же день А.Н. Косыгин, сторонник «мирного решения» ближневосточного конфликта, обратился по «горячей линии» к американскому президенту Джонсону с настойчивым призывом, чтобы США потребовал от Израиля безоговорочного прекращения в ближайшие часы военных действий в соответствии с резолюцией Совета Безопасности. Советское правительство заявило, что если Израиль не выполнит этого требования, то с советской стороны будут предприняты необходимые санкции. В сообщении говорилось:

«Уважаемый мистер Президент!

...Наступил очень критический момент, который заставляет нас принять независимое решение, – если военные действия не будут остановлены в течение нескольких последующих часов.

Мы готовы сделать это. Однако эти действия могут привести нас к столкновению, что завершится сокрушительной катастрофой.

Мы предлагаем, чтобы Вы потребовали от Израиля немедленного прекращения военных действий без всяких предварительных условий.

Мы предлагаем Вам предупредить Израиль, что если это не будет принято во внимание, будут предприняты необходимые действия, включая военные.

Просим сообщить Вашу точку зрения.

А. Косыгин».

В обращении Косыгина содержался прямой намек на то, что СССР может предпринять даже «военные акции». Подтверждением тому являются воспоминания бывшего командира атомного подводного ракетоносца «К-172» капитана 1 ранга Шашкова: «Перед выходом на боевую службу я получил устное распоряжение Глвнокомандующего ВМФ СССР Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова «быть готовым к нанесению ракетного удара по побережью Израйля» (7). «У меня нет никаких сомнений, что капитан 1 ранга Николай Шашков выполнил бы любой приказ командования, если бы локальный конфликт разросся до глобального масштаба. Такова была реальность того времени ...» (8), – говорит адмирал флота, президент союза моряков-подводников Владимир Чернавин.

О том, что силы Советского Союза на Ближнем Востоке были приведены в состояние повышенной боевой готовности говорит и другой факт. Генерал В.В. Решетников, командующий корпусом стратегической авиации, вспоминает: «Я получил приказ подготовить полк стратегической авиации для бомбардировки военных целей в Израиле. Мы изучали карты и особенности системы ПВО Израйля... Была серьезная и реальная подготовка и спешка... Мы загружали бомбы и ждали сигнала атаковать...» (9).

Все это, конечно, встревожило Белый Дом. Шестой флот США, находившийся в Средиземном море, получил приказ ускорить движение к району конфликта. Как признал в своих мемуарах президент США, ситуация заметно накалялась. Все это активизировало дальнейший оживленный обмен посланиями по «горячей линии» между Джонсоном и Косыгиным. Наличие «горячей линии» сыграло неопределимую роль в поддержании постоянного контакта между Москвой и Вашингтоном. Оно позволило Белому дому и Кремлю предотвратить опасную неопределенность намерений и действий обоих правительств (быть втянутым в ближневосточный конфликт) и открывало путь к переговорам.

Впрочем, в реальные планы Кремля не входило осуществление каких-либо конкретных военных акций против Израйля. Знали, что это будет чужая война, за чужие цели, и русские солдаты станут гибнуть без доблести и погребаться без почести, «а в это время молодые арабские парни будут пить кофе и до хрипоты спорить в кабачках и кофейнях, которых так много во всех арабских странах, у кого больше шансов на победу – у Израйля или арабов?» (10).

Вечером 10 июня Израйль прекратил военные действия на всех фронтах. Были подписаны соглашения о прекращении огня. «Шести-дневная война» завершилась сокрушительным поражением Египта – «головой арабского мира», Сирии, традиционно именуемой «сердцем арабского мира», родиной движения за арабское единство, и Иордании,

часть территорий которых оказалась оккупированной Израилем: египетский Синай, сирийские Голанские высоты, Западный берег реки Иордан и район Газы.

13 июня в Нью-Йорке советский представитель в Совете Безопасности дал понять, что его правительство намерено дипломатическим путем вернуть арабам то, чего те не сумели добиться военным. Советский представитель в ООН Н.Т. Федоренко предостерег, что бездействие Совета Безопасности может «сделать необходимым поиск других путей и средств выполнения Устава ООН». Это было одним из самых жестких советских заявлений. Но даже оно не очень взволновало представителей других великих держав. Американцы, правда, испытывали некоторое замешательство в плане того, что их политика оказалась столь неэффективной, и полагали, что должны в любом случае обеспечить поддержку Израилю, предоставив ему так называемую «охранную грамоту». В результате, 14 июня предложение Федоренко поддержали только четыре делегата – остальные воздержались. Раздраженный этой неудачей, Федоренко прибег к новой тактике. Он потребовал созыва внеочередной сессии Генеральной Ассамблеи. Советская сторона, излагая свое предложение о немедленном созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отметила, что на сессии должны быть приняты такие решения, которые способствовали бы ликвидации последствий конфликта. Кроме того, как утверждает Е.Д. Пырлин, «в условиях, когда только что закончились ожесточенные вооруженные столкновения, было необходимо из перегретого сверх меры ближневосточного «котла» выпустить хотя бы часть «пара» возмущения, ненависти и жажды реванша, захлестнувшего практически все арабские страны» (11), «охладить страсти» враждующих сторон.

Чтобы подчеркнуть ту важность, которую придавала ей Москва, 17 июня 1967 года в Соединенные Штаты на сессию Генеральной ассамблеи Объединенных Наций прибыл сам Косыгин – премьер-министр СССР. На пути в США и обратно он останавливался в Париже, чтобы встретиться с генералом де Голлем. Как известно, президент Франции после начала Шестидневной войны занял резко антиизраильскую позицию, несмотря на активную поддержку Израиля широкими слоями французской общественности. Однако советский премьер не считал нужным для себя побывать в Лондоне.

В своем выступлении на сессии Генеральной ассамблеи ООН Косыгин А.Н. обвинил Соединенные Штаты и Великобританию в сговоре с сионистами и снова потребовал осуждения Израиля, его полного отхода с оккупированных арабских территорий и выплаты финансового возмещения арабским странам. Арабские делегаты, разумеется, единодушно поддержали советское предложение. Их примеру последовало

большинство мусульманских стран, а также все страны коммунистического блока.

Вместе с тем глава советского правительства подчеркнул, что до тех пор, пока войска Израиля будут продолжать занимать захваченные территории, пока не будут приняты срочные меры по ликвидации последствий агрессии, военный конфликт может вспыхнуть с новой силой в любую минуту.

А.Н. Косыгин особо отметил важность решения, которое может принять Генеральная ассамблея; это решение расчистило бы путь к восстановлению мира на Ближнем Востоке. «Эта задача, – сказал Косыгин, – может быть решена только в том случае, если многообразие и сложности современного мира не заслонят собой то общее, что соединяет друг с другом государства и народы – и в первую очередь необходимость предотвратить военную катастрофу. В выступлении Косыгина было изложено глубокое видение ближневосточной ситуации: «Если проанализировать события на Ближнем Востоке, то нельзя не прийти к выводу, что война между Израилем и арабскими государствами не есть результат какого-нибудь недоразумения или недостаточного понимания сторонами друг друга. И это не просто локальный конфликт. События, которые имели недавно место на Ближнем Востоке в связи с вооруженным конфликтом между Израилем и арабскими государствами, необходимо рассматривать именно в контексте всей международной обстановки в мире... Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что ответственность за развязывание войны, за ее жертвы, за ее последствия несет Израиль. Но если кому-нибудь нужны еще доказательства того, что на Ближнем Востоке войну развязал Израиль, что он является агрессором, то такое доказательство дал он сам. Невозможно истолковать иначе отказ израильского правительства поддержать предложение Советского Союза о созыве Генеральной Ассамблеи ООН. Если бы правительство не чувствовало за собой вины перед народами мира, оно не боялось бы так нашего обсуждения и тех возможных решений, которые должна будет принять Генеральная ассамблея» (12).

Отметив, что Совет Безопасности уже обратился к правительству Израиля с требованием «обеспечить сохранность, благополучие и безопасность» населения тех территорий, которые были оккупированы Израилем, советский премьер-министр подчеркнул: «ООН должна заставить Израиль уважать международные законы. Организаторов и исполнителей преступлений, совершаемых на оккупированных территориях арабских стран, следует привлечь к суровому ответу... Мы предупреждали правительство Израиля как до начала агрессии, так и в ходе войны, что, если оно решило взять на себя ответственность за развязывание военных конфликтов, то это правительство должно будет заплатить

полной мерой за последствия такого шага. Когда речь идет о войне и мире, о защите прав народов, нет и не должно быть места зигзагам в политике... Агрессивная война, развязанная ныне Израилем против арабских стран, есть прямое продолжение политики, которую правящие экстремистские круги навязывают своей стране в течение всего существования израильского государства... Только на пути мира, на пути отказа от агрессивной политики в отношении соседних государств Израиль может утвердить свое место среди государств мира... Если мы здесь, в ООН, не примем должных мер, то даже те государства, которые не являются участниками конфликта, могут сделать вывод, что им не придется рассчитывать на защиту со стороны ООН и, стремясь обезопасить себя, пойдут по пути наращивания своих военных бюджетов. Те, кому дороги интересы мира, не могут и не должны допустить развертывания событий в таком направлении».

В заключительной части своего выступления Косыгин изложил неизменную философию советской внешней политики о роли, которую призвана сыграть Генеральная ассамблея в разрешении конфликтной ситуации на Ближнем Востоке. Он, в частности, сказал: «Посильны ли для Генеральной Ассамблеи стоящие перед ней задачи, может ли она их разрешить? Мы считаем, что – да, посильны. Генеральная Ассамблея должна сказать свое веское слово в пользу справедливости, в пользу мира». Далее Косыгин особо подчеркнул: «Созыв чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи – факт большой международной важности. Если бы случилось так, что Генеральная ассамблея оказалась бы неспособной найти решение в интересах мира, то это нанесло бы тяжелый урон надеждам человечества на возможность урегулирования крупных международных проблем мирным путем, посредством дипломатических контактов и переговоров. Все государства, проявляющие подлинную заботу о будущем своих народов, не могут не принять это во внимание» (13).

Косыгин также заявил, что действия «израильских захватчиков на оккупированных ими территориях напоминают ужасные преступления гитлеровской Германии». Когда после его выступления слово взял министр иностранных дел Израиля, который рассчитывал опровергнуть советские обвинения, Косыгин покинул зал заседания. Советская резолюция была отвергнута Генеральной Ассамблеей ООН (14).

Советский посол в США А.Ф. Добрынин вспоминал об этом так:

«Надо сказать, что в своем основном выступлении на Ассамблее он (Косыгин. – С.А.), помимо резкой критики в адрес Израиля, четко сформулировал право Израиля на независимое существование, чем и вызвал большое недовольство арабских делегаций. Ввиду упорного отказа арабских государств принять компромиссный латиноамериканский

проект резолюции, который и США, и СССР считали приемлемым, 21 июля 1967 года чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи прервала свою работу. Вопрос ближневосточного урегулирования был передан на рассмотрение Совета Безопасности ООН» (14).

23 и 25 июня 1967 года состоялась встреча Косыгина с Джонсоном в небольшом городке Гласборо (штат Нью-Джерси). Как вспоминал советский посол А.Ф. Добрынин: «Косыгина встретил на крыльце дома президент Джонсон. С ним приехали Раск, Макнамара, Банди и У. Ростоу. Присоединились супруга президента и дочь Косыгина, которые имели свою отдельную программу. Последовали фотосъемки. Жители аплодисментами тепло приветствовали руководителей обеих стран. Джонсон и Косыгин обратились с краткими речами к собравшимся, после чего опять их фотографировали. Наконец, все участники встречи вошли в дом.

Джонсон предложил вначале побеседовать какое-то время вдвоем. Косыгин сразу согласился. Однако в результате они так увлеклись, что фактически весь разговор до обеда прошел наедине в присутствии лишь переводчиков. Мы же в это время сидели в другом зале и вели свободный разговор между собой, дожидаясь окончания основной беседы» (15).

В ходе первой встречи Косыгин особый упор делал на ближневосточной проблеме. Примечательно, что Джонсон не стремился как-то оправдать политику Израиля. Он повторил, что США выступают за отвод израильских войск с захваченных территорий и за территориальную целостность стран этого района. В свою очередь, Косыгин осуждал Израиль, настаивал на скорейшем выводе его войск, но упрямо и твердо признавал его право на независимое существование, став незримым хранителем Израиля, народ которого подкупал своей стойкостью в борьбе за жизнь, своей неугасимой верой в торжество правды – верой, без которой нет человека. Впоследствии эту встречу Джонсон описал так: «Каждый раз, когда я поднимал вопрос об ОСВ, он менял тему на события на Ближнем Востоке... Стоило мне заговорить о ракетах, Косыгин говорил об арабах и израильтянах» (16).

Сразу же после первой встречи с Косыгиным Джонсон сделал следующее заявление: «Мы не пришли к новому соглашению, этого нельзя достичь в результате одной беседы, но мне кажется, что мы достигли лучшего взаимопонимания». Косыгин и Джонсон, очевидно, нашли общий язык как люди и как профессиональные политики, между которыми установились отношения, которые можно назвать доверительными. Энергия, оптимистический настрой прочитываются за сухими записями бесед двух выдающихся политиков.

Поэтому ничто не давало основания предположить, что Косыгин и Джонсон могут сделать что-то большее, чем изложить свои позиции по Ближнему Востоку. Едва ли можно считать прогрессом тот вывод, к которому они пришли – к признанию «права Израиля на национальное существование». Москва этого права никогда не оспаривала, пренебрегая при этом правом Израиля на безопасное существование.

В целом, встреча в Гласборо проходила в благожелательной атмосфере. Джонсон хорошо играл роль хозяина. Косыгин сообщил в Политбюро, что «Джонсон и его окружение держались дружелюбно, оказывали нам всяческое внимание и старались показать, что они ищут решения важнейших вопросов» (17).

Вторая встреча между Джонсоном и Косыгиным продолжалась в два приема: четыре и три четверти часа. Однако конкретных результатов на встрече было достигнуто мало. Советский посол А.Ф. Добрынин вспоминал: «Отсутствие конкретных результатов на встрече в Гласборо объяснялось объективными причинами: не было в тот момент реальной возможности «прорыва» на каком-либо важном направлении. Но сказывалось также, очевидно, и отсутствие у Косыгина достаточных полномочий от Политбюро, чтобы он мог вести масштабный и продуктивный разговор. Надо помнить, что это была единственная советско-американская встреча на высшем уровне, в которой не участвовал Генеральный секретарь ЦК КПСС. А Брежнев не очень-то хотел способствовать личному успеху Косыгина» (18). Аналогичную точку зрения высказывает в своих работах Е.М. Примаков: «У Косыгина не было полномочий... Вообще Брежнев очень ревниво относился к его миссии – это была первая советско-американская встреча в верхах без Генерального секретаря и даже именовалась как «промежуточная» перед заседанием Генеральной Ассамблеи ООН, на которую и был направлен Косыгин в качестве главы советской делегации.

Двусмысленное положение председателя советского правительства, не имевшего полномочий, обернулось, как мне представляется, упущенной возможностью связать с выводом израильских войск на позиции, которые они занимали до начала «шестидневной войны», переговоры США с Вьетнамом» (19). В действительности, Л.И. Брежнев, о котором в общественном сознании сложилась легенда как о заурядном политике, вряд ли был меньшим мастером политики, чем А. Косыгин. Безусловно, это был имидж, исторический нарратив. При Брежневе, не склонном к импровизациям и нагнетанию страстей, отлаженный механизм советской внешней политики продолжал функционировать бесперебойно, главным было не раскачивать «лодку» сверх меры. В свою очередь СССР достиг верхней точки своего стратегического господства,

а без активной позиции Брежнева этого вполне могло бы не быть. Данное утверждение может показаться спорным, и все-таки оно верно.

После встречи между Косыгиным и президентом Джонсоном стало очевидным, что Советский Союз не намерен оспаривать результаты войны, и не пойдет на столкновение с Соединенными Штатами на Ближнем Востоке. Несогласованность действий Косыгина – Джонсона надолго бы отсрочила «принуждение к миру», а значит, не позволила бы избежать всех ужасов унылой жницы войны и остаться живым.

Тем не менее, в конце июля 1967 г. тяжелые транспортные самолеты совершили 500 рейсов из Советского Союза в Египет (20).

В октябре 1973 года на Ближнем Востоке запыхала очередная арабо-израильская война. Это была самая кровопролитная и наиболее безжалостная война. Октябрьская война превзошла все прежние арабо-израильские войны по численности участвовавших в ней танковых и мотострелковых подразделений, по числу задействованных боевых самолетов и вертолетов, по размерам зоны, охваченной сухопутными сражениями (21).

В заявлении Советского правительства от 7 октября 1973 года было подчеркнуто, что ответственность за создавшееся на Ближнем Востоке положение и его возможные последствия целиком и полностью ложится на Израиль и те внешние реакционные круги, которые постоянно потворствуют Израилю в его агрессивных устремлениях. В этом Заявлении были решительно поддержаны законные требования арабских государств об освобождении всех оккупированных в результате июньской войны 1967 г. арабских территорий.

Дипломатические действия СССР в первые четыре дня войны – 6, 7, 8 и 9 октября не выходили за пределы Кремля и МИДа на Смоленской площади, но отличались внимательностью к решаемым проблемам. Как отмечал один из представителей «оперативной группы» МИДа, совещания по вопросам арабо-израильского конфликта происходили в кабинете Л.И. Брежнева практически каждый день. В некоторых из них, сравнительно узких по составу присутствующих, принимали участие: министр обороны СССР А.А. Гречко, председатель КГБ Ю.В. Андропов; в некоторых – почти все члены Политбюро. Политбюро же в свою очередь заседало практически ежедневно, зачастую на его заседания вызывались специалисты, непосредственно отвечающие за те или иные конкретные аспекты политики на Ближнем Востоке.

На первых заседаниях, как правило, рассматривались срочные вопросы, в частности содержание посланий Брежнева к Никсону, лидерам арабских государств, важнейшие внешнеполитические документы. В ходе вторых происходило обсуждение основных направлений внешней

политики Советского Союза в связи с событиями на Ближнем Востоке, и принимались соответствующие решения (22).

Уговорить египтян прекратить огонь советским дипломатам не удалось, поскольку египетские войска в первые дни конфликта владели на поле боя оперативной инициативой. С учетом этого, советская дипломатическая линия стала меняться: Виноградов информировал Садата, что СССР создает «воздушный мост» для переброски оружия для Египта. «Мост» начал действовать вечером 9 октября, а советское военное руководство, внимательно следившее за ходом военных действий, выдало ряд рекомендаций по возможному военному развитию конфликта (например, совет о захвате стратегически важных перевалов). Таким образом, определился профиль советской внешней политики – не прекращение огня, а реальная поддержка своих союзников на Ближнем Востоке. Думается, что приоритет последней есть результат давления на Брежнева со стороны министра обороны СССР А.А. Гречко, отличавшегося желанием обострить любое противостояние Востока и Запада. Особенно, если вспомнить о том, что именно «военные ... принудили советское руководство к разрыву дипломатических отношений с Израилем, что явно противоречило интересам нашей страны» (23), – писал известный общественный и политический деятель А.Н. Яковлев. Однако последующие события заставили советскую сторону реалистичнее взглянуть на происходящие события.

9 и 10 октября бои на Синайском полуострове и на Голанских высотах отличались особой жестокостью. Решался вопрос: кто кого (Израиль к этому времени уже смог оправиться от неожиданного удара и мобилизовать все свои силы). Ситуация изменилась мгновенно: 11 октября из войны вышла Сирия, Египет остался один на один с Израилем.

Еще вечером 10 октября представителю СССР в Совете Безопасности ООН было дано указание – в случае внесения резолюции о прекращении огня при голосовании воздержаться («заявив о законности борьбы арабов за изгнание израильских оккупантов») (24), а в случае необходимости применить принцип «вето», изложив при этом соответствующие аргументы. С одной стороны, СССР рассчитывал дать Египту шанс исправить ситуацию на фронте в свою пользу, а с другой, желал сохранить свое собственное лицо перед мировой общественностью как ближневосточного миротворца.

11 октября в Москве министр иностранных дел СССР А.А. Громыко встретился с посланми Египта, Сирии, Алжира, Иордании. Советские газеты, естественно, не сообщали то, о чем шла речь на встрече, а советские дипломаты-мемуаристы не упоминают об этих встречах вообще. Представляется возможным, что СССР начал «дипломатическое наступление», имевшее своей целью побудить арабские страны высту-

пать единым фронтом с Египтом и Сирией. В первую очередь это касалось Ирака, Иордании и Алжира; причем первые два государства всерьез рассматривались как военные союзники египетско-сирийского блока (Иордания даже передала в распоряжение вооруженных сил Сирии свою танковую бригаду), а Алжир выступал в качестве финансового «спонсора».

Однако усилия Советского Союза пропали даром. 14 октября израильская сторона полностью перехватила инициативу в свои руки. Египетские войска откатывались по Синайскому полуострову к Суэцкому каналу столь стремительно, что ситуация менялась – не в их сторону – с каждым днем и часом.

16 октября Садат поставил в египетском парламенте вопрос о возможных переговорах с Израилем, выдвинув условие: Египет прекращает военные действия, а Израиль возвращает «оккупированные» в 1967 г. арабские земли. Израильское руководство ответило на это условие приказом двинуть танковые колонны на Каир, и через несколько дней в окружении оказалась огромная группировка египетских войск.

16 октября в Египет прибыл советский премьер-министр А.Н. Косыгин, цель поездки которого заключалась в необходимости убедить Садата прекратить огонь по всей линии фронта. Сам факт прилета в Каир даже не министра иностранных дел, а председателя Совета министров СССР говорит о важности проблемы, которая стояла перед советской стороной на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. С этого дня египетский президент встречался каждый день с самим Косыгиным: «Обмен мнениями с Садатом происходил и наедине, и в присутствии советского посла и помощника президента. Садат держался внешне дружелюбно, но упрямо: отрицал какие-либо неблагоприятные изменения в военной обстановке, требовал каких-то «гарантий» в дальнейшем поведении израильтян. Прорыв израильтян на западный берег канала вновь назвал незначительным явлением, «политическим маневром» (25). Вадим Кирпиченко вспоминал: «А.Н. Косыгин ежедневно встречался с египетским руководством во дворце Куба, где он жил, а потом ехал в посольство докладывать в Москву о результатах переговоров и о развитии событий. Откровенных бесед с Садатом не получалось, и после действительно теплых отношений с Насером Алексей Николаевич никак не мог привыкнуть к насквозь фальшивому Садату, чего и не скрывал в разговорах с сотрудниками посольства» (26).

Переговоры продолжались вплоть до 19 октября. Сначала Садат упрямо отвергал саму идею безоговорочного прекращения боевых действий, требуя от советской стороны лишь одного – увеличения поставок вооружения. Но Косыгин, оставаясь неизменно спокойным и терпеливым, ознакомил Садата с разведанными, которые демонстрировали,

насколько серьезно израильские войска укрепились на плацдарме – на западном берегу Суэцкого канала – и изложил, чем может грозить дальнейшее развитие ситуации. После этого Садат был «сломлен». Это говорит о том, что Косыгин нашел достаточно аргументов. Садат «молчаливо» согласился с советской инициативой. В результате долгого и обстоятельного разговора, имевшего целью выяснить точнее политическую позицию Египта, Садат сообщил, что он мог бы согласиться с прекращением огня, если Израиль пойдет на выполнение резолюции № 242 Совета Безопасности ООН (от 23 ноября 1967 г.) относительно вывода своих войск с «оккупированных арабских территорий». На время вывода израильских войск между последними и египетскими войсками Садат просит создать «буфер» из советских и американских военнослужащих. Кроме того, должна была быть созвана международная конференция для урегулирования всей ближневосточной проблемы (вопрос о палестинцах, судьба западного берега реки Иордан, сектора Газы и др.) (27).

19 октября Косыгин, приняв на себя всю тяжесть ответственности за человеческое неблагополучие народов Ближнего Востока, отбыл в Москву. В тот же день состоялась еще одна встреча Садата и советского посла В. Виноградова, во время которой египетский президент подтвердил, что Египет согласен на прекращение огня. В своих воспоминаниях советский посол в Египте приводит разговор с Садатом в этот день почти дословно:

«Садат:

– Я прошу Вас срочно передать в Москву мою просьбу о том, чтобы как можно скорее было установлено прекращение огня. У вас ведь есть контакты с американцами. Я прошу Вас действовать как можно скорее.

Виноградов:

– Я понял Вас, – сказал я, насколько мог спокойно (вот и неожиданный конец!). – Хотел бы повторить: Вы просите о том, чтобы как можно скорее было установлено прекращение огня с оставлением войск на занимаемых позициях.

– Да, – кивнул Садат» (28).

Советские дипломаты могли с полной ответственностью и уверенностью записать себе в актив решение вопроса о прекращении огня египетской стороной. Для этого, правда, дипломатам пришлось «привлечь к делу» самого председателя Совета министров СССР, но иной столь же весомой фигуры не было, и с Садатом на равных мог разговаривать только А.Н. Косыгин, в совершенстве владевший сложным искусством ведения международных переговоров. Он умел находить общий язык с людьми, менталитет которых существенно был другим, мог

не только разобраться в характере собеседника и понять, что им движет, но даже подстроиться под его настроение. Только единое цельное ощущение мира, большой политический такт и дипломатическое искусство позволили Алексею Косыгину предотвратить разрастание военных действий, остановить танки и заставить замолчать пушки. Результат его дипломатической поездки в Каир превзошел все ожидания. То был внешнеполитический триумф, вошедший в историю советской дипломатии. Советская Россия доказала, что обладает силами, способными сберечь мир... Не случайно Садат признавал, что в октябрьские дни 1973 г. Советский Союз занимал «позицию истинного друга, который пришел к нам на помощь в самые ответственные и трудные для нас дни. Действия советского руководства являются историческими по своему значению и, несомненно, будут иметь большое влияние на дальнейшие отношения дружбы между нашими странами» (29).

Итак, парадоксальным образом А.Н. Косыгин выступил не ярым и бескомпромиссным «солдатом» советского режима, как полагалось бы одному из лидеров СССР, а разумным и поразительно хладнокровным прагматиком. Похоже, что идея примирения арабов и евреев в системе его политических идеалов была выше идеи их бескомпромиссной борьбы. С уходом Косыгина, которому удалось выстроить устойчивую систему челночной дипломатии (как форму «управляемого хаоса», которая служит средством снятия международной напряженности), начали стремительно рушиться и без того уже непрочные мосты, связующие народы Ближнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М., 2001.
2. Цит. по: Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М., 2002. С. 64.
3. Там же. С. 65.
4. Пырлин Е.Д. Указ. соч. С. 65.
5. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2006. С. 262.
6. Правда. 11 июня 1967.
7. Примаков Е.М. Указ. соч. С. 262-263.
8. Он должен был уничтожить Израиль...// Родина. 1996, №7-8, С. 112-113.
9. Там же. С. 112.
10. Смирнов А.И. Израиль в огне Джихада. М., 2004. С. 259.
11. Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельства ее участника. М., 2001. С. 74.
12. Пырлин Е.Д. Указ. соч. С. 73.
13. Пырлин Е.Д. Там же. С. 74-75.
14. Пырлин Е.Д. Там же С. 76.
15. Черчилль Р.С. и У. Шестидневная война. Иерусалим, 1989.
16. Добрынин А.Ф. Сугубо достоверно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М., 2008. С. 154.
17. Добрынин А.Ф. Там же. С. 155-156.

18. Громько А.А. Памятное. М., 1990. Т.1. С. 277.
19. Добрынин А.Ф. Там же. С. 159.
20. Там же.
21. Он должен был уничтожить Израиль...// Родина. 1996. №7-8. С. 124.
22. Черчилль Р.С. и У. Указ. соч.
23. Пырлин Е.Д. Указ. соч. С. 168.
24. Исраэлян В. На фронтах холодной войны: Записки советского посла. М., 2003. С. 226.
25. Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2005. С. 256-257.
26. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 204.
27. Виноградов В. Дипломатия: люди и события. Из записок посла. М., 1998. С. 246.
28. Кирпиченко В. Указ. соч.
29. Виноградов В. Указ. соч. С. 246.
30. Там же.

Sergey V. Abramov

SHUTTLE DIPLOMACY OF SOVIET PREMIER A.N. KOSYGIN

Abstract: This paper is devoted to the diplomatic activity Chairman of the Council of Ministers of USSR Kosygin during the Arab-Israeli wars. Autor concluded that due to the activities of Kosygin succeeded in building a sustainable system of shuttle diplomacy to resolve the conflict in the Middle East.

Keywords: A.N. Kosygin, Arab-Israeli wars, shuttle diplomacy, L. Johnson, A. Sadat.

И.В. Грибан, Д. Юнханнс

Грибан Ирина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, директор Музея истории УрГПУ.

Юнханнс Дирк, референт академии повышения квалификации (г. Бад Вильдбад).

«КОНТРОВЕРЗА ГОЛДХАГЕНА» В ПРОЦЕССЕ «ПРЕ- ОДОЛЕНИЯ ПРОШЛОГО»: К ИСТОРИИ ДЕБАТОВ О ВИНЕ НЕМЦЕВ

Аннотация: В статье авторы анализируют проблемы соотношения памяти, прошлого и настоящего на материале дискуссии «о вине

немцев», которая возникла в Германии в связи с появлением в 1996 г. книги американского социолога Д.Й. Голдхагена. Дискуссия вокруг «контroversы Голдхагена» прошла несколько этапов, затронув не только профессиональное сообщество историков, но и широкие слои населения в ФРГ. Авторы приходят к выводу, что обсуждение «контroversы Голдхагена» стало очередным этапом длительного процесса «преодоления прошлого», который переживает немецкое общество и, в то же время, свидетельствует, что этот процесс еще далек от завершения.

Ключевые слова: Д.Й. Голдхаген, «контroversа Голдхагена», историческая память, Холокост, нацизм, историографические дискуссии.

Проблема соотношения памяти, прошлого и настоящего не раз в XX веке побуждала историков «скрещивать копыя». Особенно часто это происходило в Германии – стране, в которой появился уникальный по своей сути и значению для историографии термин «Vergangenheitsbewältigung» («преодоление прошлого»).

На протяжении 1980-2000-х гг. в Германии регулярно возникали историко-политические дискуссии, которые выходили за рамки общения профессионалов-историков и широко обсуждались общественностью. Речь чаще всего шла о Гитлере или о его приближенных, либо вообще о том, что связано с нацизмом. Так, в 1979 – 1980 гг. разгорелись дискуссии о сериале «Холокост», после просмотра которого тысячи немцев столкнулись с вопросом: «Как это чудовищное, немислимое зверство могло произойти?» (1). В 1983 г. западногерманский еженедельник «Stern» опубликовал скандално известный «Дневник Гитлера» (2), который вызвал неоднозначную реакцию в обществе. В 1983 г. на выборах в бундестаг потерпела поражение социал-демократическая партия Германии, к власти вернулись христианские демократы, провозгласившие «смену вех» и «морально-политический поворот» в развитии Федеративной Республики. Канцлер Гельмут Коль заявил о необходимости «возвращения к германской истории», понимаемой исключительно в «позитивном смысле», чтобы «снять с Германии вину», связанную с нацистской диктатурой (3). В этой обстановке особое значение приобрела парламентская речь федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера, провозгласившего 8 мая 1945 г. не «днем катастрофы», а «днем освобождения» (4). Речь Вайцзеккера «совпала с веянием времени и настроениями критически настроенной общественности», соединив в себе «интегративные и критические компоненты» (5). Выступление Вайцзеккера было своеобразным прологом к дискуссии, которая разгорелась в 1986 – 1987 гг. и получила название «спор историков» (6). Ключевыми в этой дискуссии стали вопросы о

происхождении нацизма и вине немцев за преступления нацистского режима. В 1988 г. начались дебаты о «стене памяти» в Берлине, которые длились 11 лет. В 1993 г. интерес общественности к истории привлек фильм «Список Шиндлера». Однако наиболее масштабной и продолжительной была дискуссия, вызванная книгой американского социолога и политолога Даниэла Йоны Голдхагена «Верные пособники Гитлера: обычные немцы и Холокост» (7). Появление этого труда в 1996 г. побудило немецкое общество в очередной раз вернуться к непростым вопросам из прошлого.

Ученый вновь поднимал вопрос о том, как произошел Холокост и почему он стал возможным именно в Германии. Почему Гитлер на пути к своей цели – истреблению евреев – нашел так много сторонников и так мало противников? Как могли немцы совершать и допускать такое беспримерное преступление? Так звучали вопросы, прежние ответы на которые Голдхаген считал неубедительными. Голдхаген подчеркивал, что антисемитизм имел место и в других странах, однако только в Германии в 1930-е гг. были выполнены три условия: у власти находились самые радикальные антисемиты в истории, большинство населения не любило евреев, государство имело в распоряжении необходимые ресурсы, вследствие чего стало возможным развязывание войны и массовое уничтожение евреев. Необходимость выполнять приказы была простым прикрытием, защитной реакцией для убийц. Принуждение, приказ объясняют поведение отдельных лиц, но не всего общества. Голдхаген выдвигает тезис, что действия немцев были обусловлены не столько принуждением или подстрекательством, сколько внутренними убеждениями. Немцы не были вынуждены убивать евреев, они делали это по собственной воле, они были добровольными пособниками: «Общество, которое в период с 1933 по 1945 гг. сердцем и душой придерживалось антисемитизма, само было антисемитским» (8). В центре внимания Голдхагена – не жертвы, а убийцы, не «кабинетные преступники» (должностные лица, отдающие распоряжения о совершении преступления), а те, кто входил в состав айнзатцгрупп и полицейского батальона, был сотрудником охраны в лагерях, кто, как и солдаты вермахта, принимал прямое участие в акциях уничтожения.

Особое внимание Голдхаген уделяет описанию деятельности немецкого полицейского батальона, который функционировал на территории польского генерал-губернаторства: выискивал живущих там евреев, пытал, расстреливал или отправлял в лагерь смерти (9). На основе анализа материалов послевоенных судебных процессов против членов этого батальона Голдхаген выявил, что эти люди не вынужденно, стыдливо и под нажимом совершали свои деяния, а, напротив, делали это добровольно и исключительно рьяно, с гордостью и убеждением, что

они поступают верно. Они мучали и убивали своих жертв без особого сочувствия и угрызения совести. Это происходило, потому что немцы видели в своих жертвах не людей, а зло, которое должно было быть устранено подобно злокачественной опухоли. И ведь речь шла не о закоренелых нацистах. Батальон состоял из добровольцев – среднестатистических граждан, которые были слишком стары для призыва на фронт и политическая социализация которых состоялась задолго до прихода Гитлера к власти. Они не были представителями ослепленной молодежи, они были совершенно обычными немцами – отсюда и заголовок книги Голдхагена. Отношение членов батальона к евреям показывало, по мнению Голдхагена, каким бесспорным и ярко выраженным был вырабатываемый столетиями элиминаторный антисемитизм в Германии, и каким маленьким оказался шаг от просто негативного отношения к евреям к зверскому их уничтожению. Без готовности сотен тысяч немцев, которые непосредственно приняли участие в геноциде или в той или иной степени его поддержали, уничтожение европейских евреев не было бы до такой степени масштабным и беспрепятственным. Обосновывая свое мнение, Голдхаген подчеркивает: «Доклады агентов полны сведений о недовольстве немцев, об осуждении ими различных постановлений режима. Однако никто не подвергал критике антиеврейскую политику режима. Совершенно очевидно, что немцы оценивали акции нацистов, исходя из собственных взглядов и ценностей, и уже то, что они не выступали против антиеврейских акций, весьма показательно. Более того, они проявляли рвение. Это были люди, принявшиеся охотно убивать евреев, делавшие даже больше, чем от них требовалось. Сохранившиеся в нашем архиве фотографии доказывают, что убийство евреев доставляло им радость и наслаждение» (10). Поэтому Холокост – это для Голдхагена преступление не только нацистов (или только СС), а вообще всех немцев. Голдхаген отмечает, что были и исключения: не каждый немец разделял такие взгляды, не все помогали режиму, многие так или иначе ему противостояли. Некоторые фактически помогали евреям: «Я не берусь делать какие-то обобщения, касающиеся немецкого народа в целом, можно говорить о немцах индивидуально, о немцах, воспитанных в духе специфической культуры» (11). Анализируя историю полицейского батальона, Голдхаген утверждает: эти обычные немцы убивали потому, что хотели убивать, это соответствовало их системе ценностей. Главный тезис и вывод Голдхагена: немецкий врожденный антисемитизм был главной причиной Холокоста.

Тезисы Голдхагена вызвали бурную реакцию не только профессиональных историков, но и всего немецкого общества. Эта дискуссия была предельно политизирована. Ее особенностью стало то, что споры велись в основном на страницах средств массовой информации, кото-

рые обладают более сильным воздействием на людей, чем отдельные исторические труды, издающиеся небольшим тиражом.

Обсуждение велось на страницах периодических изданий федерального и регионального уровня, еженедельных и ежемесячных газет и журналов как в старых, так и в новых федеральных землях. Издания, в которых регулярно появлялись публикации, посвященные Голдхагену, можно разделить на несколько групп:

- 1) **Ежедневные газеты** («Aachener Nachrichten», «Berliner Zeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Frankfurter Rundschau», «Junge Welt», «Sächsische Zeitung», «Süddeutsche Zeitung», «Tageszeitung», «Welt»).
- 2) **Еженедельные газеты:** «Das Sonntagsblatt», «Das Parlament», «Der Schlesier», «Deutsche National-Zeitung», «Die Woche», «Focus», «Freitag», «Jungle World», «Der Spiegel», «Wochenpost», «Die Zeit».
- 3) **Ежемесячные журналы:** «Blätter für deutsche und internationale Politik», «Deutsche Archiv», «Die Brücke», «Kommune», «Konkret», «Links», «Morgengrauen», «Mut», «Spex», «Staatsbriefe».

Дискуссия вокруг controверзы Голдхагена, начавшаяся в конце марта 1996 г., развивалась с различной интенсивностью на разных этапах. Интересен тот факт, что в Германии дискуссия была спровоцирована еще до публикации переведенного на немецкий язык издания книги Голдхагена – статьей Ф. Ульриха «Верные соучастники Гитлера. Книга провоцирует новый спор историков» (12). Автор дал короткую и критичную характеристику книге и сделал вывод: «Несмотря на всю неоднозначность, речь идет об очень важной, достойной публичного обсуждения, книге. Радикальность, с которой Голдхаген раскрывает свои тезисы, вынуждает к пересмотру существовавших ранее убеждений... То, каким образом будет встречена эта тревожащая, будоражащая книга, покажет уровень исторического сознания в нашей республике» (13).

После сдержанной критики в конце марта 1996 г. последовал бурный медиарезонанс, вызванный первой официальной публикацией отрывков книги Голдхагена в «Die Zeit» (14). Буквально за одну неделю были сформулированы основные контраргументы против версии Голдхагена. Как сомнительные и провокационные оценили поначалу не сами тезисы Голдхагена, а его отношение к предшествующим исследованиям проблем Холокоста, а также стиль изложения (15). Так, главным упреком известного историка Х. Моммзена в адрес американского социолога было то, что «книга Голдхагена игнорирует результаты предыдущих исследований и не открывает принципиально новых данных», возвра-

шая исследователей на уровень 1950-х гг. (16) Другой влиятельный историк Э. Экель назвал труд Голдхагена «просто очень плохой книгой» (17). Критики Голдхагена подчеркивали, что антисемитские настроения в 19 и начале 20 века были сильны не только в Германии. Они указывали на «Дело Дрейфуса» во Франции и на еврейские погромы в царской России. Кроме того, критике подвергся тот факт, что внимание автора сосредоточено на истреблении евреев, в то время как политика на оккупированных территориях, направленная на уничтожение славянских народов, игнорируется (18).

Возмущение вызвал и главный тезис об элиминаторности немецкого антисемитизма. Либеральные и правые круги общественности и науки восприняли книгу Голдхагена как попытку возродить теорию о коллективной вине немцев за преступления нацизма. В одной из статей, опубликованной в «Der Spiegel», прозвучала такая мысль: «Люди должны покаяться: нацистская теория коллективной вины евреев после поражения в 1945 г. временно обернулась против немцев. Американский историк Д. Голдхаген вновь возродил ее» (19).

Дебаты продолжались сравнительно активно до начала лета. Постепенно споры сосредоточились вокруг самой идеи о «вине немцев», а не вокруг конкретных положений теории Голдхагена.

Вторая фаза дискуссий началась после публикации книги Голдхагена на немецком языке (6 августа 1996 г.) (20). В сентябре 1996 г. Голдхаген совершил турне по Германии и предстал в разных городах перед напором своих критиков. Во время этого турне («Die Zeit» назвала его триумфальным) (21) тысячи людей приняли участие в публичных дискуссиях. Интересно мнение так называемых «обычных немцев» о книге Голдхагена: «Изначально я был против теории Голдхагена. Однако в общем и целом я могу согласиться с тем, что Холокост мог произойти только при поддержке населения... Но только после прихода Гитлера к власти. Нельзя забывать и о том, что в то время было практически невозможно проявление воли отдельно взятого человека – действовали законы коллективного разума... Нам, живущим в XXI веке, все это трудно даже представить. Но те, кто утверждает, что мог бы жить в то время и не поддаться всеобщему безумству, по-видимому, ничему не научился у истории» (22).

На встречах с читателями Голдхаген всегда задавал три вопроса: Что исполнители знали о своих жертвах? Верили ли они в то, что делают правое дело? И если верили, то каким образом убедились в своей правоте? (23). По поводу критических выпадов в свой адрес Голдхаген отмечал: «Я верю, что в Германии достаточно много людей, желающих честно проанализировать проблему. Что же касается тех, кто хотел бы "замести ее под ковер", то они, разумеется, не станут всерьез

участвовать в дискуссии. К сожалению, многие немцы посылают в газеты темпераментные письма, не содержащие убедительных аргументов» (24).

Преимущественно молодые представители левой и леволиберальной общественности горячо поддержали американского политолога. И это был очевидный парадокс, поскольку критиками Голдхагена в научных кругах были представители леволиберального лагеря историков, многие из которых долгие годы посвятили интенсивным исследованиям нацистского режима и Холокоста (в первую очередь, Ханс Моммзен и Эберхардт Экель, которые одними из первых выразили критические мнения) (25). Таким образом, этой отправной точкой, которая была задана периодическими изданиями – «Die Zeit», «Der Spiegel», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Welt», – курс обсуждения контroversы Голдхагена был уже определен.

Осенью 1996 г. под редакцией директора центра европейско-еврейских исследований Потсдамского университета Ю. Шопса вышел сборник статей англо-американских и немецких авторов, посвященных труду Голдхагена (26). Автор отмечал, что «это уникальный случай, когда книга зарубежного автора привлекла к себе такое внимание историков и общественности. Голдхаген своей книгой вызвал дебаты, которые оказались глубже и значимее, чем та проблема, которую он раскрывает в исследовании – дебаты оказались важнее, чем сам предмет обсуждения» (27). Дополнительную политическую остроту дискуссиям придал агрессивный протест политического деятеля П. Гаувайлера в газете «Bayernkurier» – официальном партийном печатном органе Христианско-социального союза. Враждебное выступление Гаувайлера призывало открыть глаза на левых и их обращение с историей. Дебаты продолжались и после этого выпада. Тем временем, настроения в обществе изменились. Общественный подъем достиг своего апогея после вручения Д. Голдхагену демократической премии журнала «Blätter für deutsche und internationale Politik» за заслуги перед немецкой демократией. Естественно, это событие сопровождалось рядом публикаций (28).

Уже в марте 1997 г., вскоре после вручения Голдхагену демократической премии, в Кембриджском историческом журнале была опубликована острая критическая статья эксперта канадского министерства юстиции по военным преступлениям и преступлениям против человечности Р.Б. Бирн (29). Медиатемой это сообщение стало месяцем позже, когда Голдхаген обратился к адвокатам с просьбой принять меры против автора статьи.

Новый этап споров вокруг контroversы Голдхагена начался в августе 1997 г., когда «Spiegel» опубликовал интервью ответственного редактора Р. Аугштайна с Голдхагеном. Интересно, что в начале дис-

куссии Аугштайн выступил с резкой критикой Голдхагена, а затем изменил свое мнение (30). «Подогрела» дискуссию публикация обстоятельной статьи американского политолога Н. Финкельштейна, который поддержал Р.Б. Бирн, выразив сомнения по поводу научности работы американского социолога (31).

Параллельно с «медийными битвами» осенью 1997 г. были опубликованы 2 новые книги по этой теме: «Письма Голдхагену» (32) и – особенно значимая для дебатов – «Голдхаген и немецкие левые» (33). По мнению авторов, заразная политика отрицания вины подспудно определяет повседневную политическую ситуацию: «Отказ немецких левых воспринимать теорию Голдхагена реалистично (и самокритично) наталкивает на вывод о том, что процесс вытеснения из памяти «неудобных вопросов», характерный для послевоенного немецкого общественного сознания, проникает в настоящее и будет передаваться новому поколению» (34).

К концу 1997 г. наступило время осмысления самой дискуссии и причин, ее породивших, а также перспектив развития исследований проблем, затронутых Голдхагеном, что нашло отражение в ряде аналитических статей в специализированных исторических журналах (35).

Летом 1998 г. был издан сборник статей, в котором проводился анализ реакции общественности на книгу Голдхагена в Европе и США и подводились итоги дискуссии (36). Вопросов возникало немало: Что позволило Голдхагену, написавшему «очень плохую книгу», спровоцировать столь бурную реакцию с одной стороны, в среде историков, а с другой – в обществе? Чем отличалась эта реакция? Какие выводы об историческом сознании в современной Германии можно сделать на основе анализа этой дискуссии?

Прежде всего, надо отметить, что с одной стороны, труд Голдхагена стал методически и содержательно своеобразным фоном, контрастом для рецензий на другие исследования о нацизме. С другой стороны, работа Голдхагена послужила стимулом для появления новых исследований, посвященных теме нацизма или уничтожения евреев. Тема, затронутая Голдхагеном, самым тесным образом связана с проблемами политики памяти, коллективной вины и преодоления прошлого, поэтому контроверзу Голдхагена и дискуссии вокруг нее можно считать этапом культурно-исторического развития.

Чем объясняется популярность и одобрение Голдхагена в общественных кругах, особенно во время его турне по Германии? Интересно, что большинство историков ФРГ восприняли книгу с резкой критикой, в то время как оценки неправительственных организаций историков, журналистов и обычных читателей были в основном позитивными, а зачастую – восхваляющими (37). Получилось, что общественный дис-

курс и академические круги историков оказались по разные стороны. Объяснение этому феномену дает У. Герберт: во-первых, мог сработать механизм: «Враг моего врага мой друг». Во-вторых, могло сработать мнение: «Если вы не на моей стороне в дебатах об «обычных немцах», значит вы – один из них» (38).

Другим фактором, который мог объяснить положительную реакцию в различных слоях немецкого общества, является сама манера изложения материала в книге. Голдхаген описал убийства так широко и так подробно, что создал ауру «радикального преступления». Традиционные исследователи Холокоста рассматривали его истоки и последствия, избегая такой детализации, будь то из благочестия, либо из-за опасения быть обвиненными в сенсационности. Подход Голдхагена в итоге дает возможность идентификации с жертвами. Младшее поколение немцев, соглашаясь с мнением Голдхагена, оказывается на стороне обвинителей, а не обвиняемых. Книга Голдхагена оказалась одновременно в двух дискурсивных полях. Историки рассматривали ее как научную работу и критиковали с научной точки зрения. Леволлиберальная общественность рассматривала труд Голдхагена как еще одну главу в истории «примирения с прошлым». Безусловно, позитивным эффектом книги было то, что она позволила ускорить развитие в обеих этих сферах. Труд Голдхагена вызвал целый ряд новых вопросов и исследований и открыл новые аспекты в изучении Холокоста – прежде всего, ментальную детерминированность произошедших в XX веке событий.

Один из историков, подводя итоги дискуссии, отметил: «Есть такие дебаты, которые заставляют ученых срывать с себя маски. К таким дебатам относится дискуссия о книге Голдхагена» (39). Дебаты о контроверзе Голдхагена не могут быть рассмотрены сами по себе, в вакууме, они являются частью многолетней общественной и научной дискуссии о сущности нацистской диктатуры. И это не могло не повлиять на формы и результаты дискуссии о «добровольных пособниках Гитлера». Резонанс, который вызвала книга Голдхагена в медиаполитическом дискурсе, является больше, чем выборочным историографическим сюжетом. Почти два года после публикации книги продолжались исторические и общественные дебаты. Продолжительное обсуждение «контроверзы Голдхагена» стало частью более старого и пространного обсуждения «политики памяти», важной вехой в процессе длительного и мучительного «преодоления прошлого» историками и обществом ФРГ. В то же время, возникновение подобных дискуссий и реакция на них общественности свидетельствуют о том, что этот процесс еще далек от завершения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Herzl Th. The Complete Diaries of Theodor Herzl. Ed. Raphael Patai. N.Y., 1960. Vol. I. P. 343.
2. Барнави Э., Фридлендер С. Евреи и XX век: аналитический словарь. М., 2004. С. 214.
3. Дубнов С.М. Письма о старом и новом еврействе (1897–1907). СПб., 1907. С. 8, 21–22, 24.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 162.
5. Dokumente zur Geschichte des deutschen Zionismus 1882–1933 / Hrsg. und eingel. von Jehuda Reinharz. Tubingen, 1981. S. 40.
6. The Basel Programme // Great Britain. Foreign Office. Historical Section. Zionism. L., 1920. P. 31; Basle Program // Encyclopedia of Zionism and Israel. Vol. 1. Patai, Raphael (ed.). N.Y., 1971. P. 114; ООН. Истоки и история проблемы Палестины. Часть 1. 1917–1947. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/peace/palestine/book/02-4.shtml>; The Basel Declaration // Lesch Ann M., Tschirgi Dan. Origins and development of the Arab-Israeli conflict. Westport, 1998. P.137; The Basel Declaration // Bickerton Ian J., Klausner Carla L. A history of the Arab-Israeli conflict. Upper Saddle River, N.J., 2007. P.33; The Basle Program. Resolutions of the First Zionist Congress (August, 30 1897) // Gregory S. Mahler; Alden R. W. Mahler. The Arab-Israeli Conflict An Introduction and Documentary Reader. L., N.Y., 2010. P. 46. и др.
7. Базельская программа ВСО, август 1897 // Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт / Под ред. О. А. Колобова. В 2-х т. Т.2. Документы. Н. Новгород, 2008. С. 4. и др.
8. Арапат Нисан. Еврейство и сионизм: лекции по истории народа Израиля и государства Израиль. Иерусалим, 1992. С. 124; Кузнецов Д. В. Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение: в 2-х частях. Часть 1: Арабо-израильский конфликт. Благовещенск, 2009. С. 4. и др.
9. Именно такой вариант приводится в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (С.-Петербург, 1890–1907) в статье «Сионизм» и в Краткой еврейской энциклопедии (Иерусалим, 1976–2005) в статье «Базельская программа».
10. Так переводит Heimstätte, например, доктор Майкл Кэмпос, Университет Флориды. Campos M. Ottoman Brothers: Muslims, Christians, and Jews in Early Twentieth-Century Palestine. Stanford, 2010. P. 205.
11. Именно такой вариант приводится в The New Encyclopaedia Britannica (Лондон – Чикаго, 2003) в статье «Basel Program (Zionism)».
12. Нордау М. Речи и статьи. Екатеринбург, 1898. С.60.
13. Нордау М. О сионизме. Ковна, 1903. С. 6.
14. «Autoemanzipation!» Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden. Berlin, 1882. Русский перевод был выполнен историком российского еврейства, общественно-политическим деятелем Ю.И. Гессеном в 1898 г.
15. Пинскер Л.С. Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам. Одесса, 1899. С. 37.
16. Там же. С. 51.
17. Там же. С. 37.
18. Герцль Т. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896. С. 7, 10.
19. Там же. С. 100.
20. Эли Барнави, Мириам Елиав – Фелдон. Утопии // Барнави Э., Фридлендер С. Евреи и XX век: аналитический словарь. М., 2004. С. 262 – 274.
21. Пинскер Л.С. Указ. соч. С.41.
22. Усилия Ховевей Цион по заселению Палестины дали весьма скромные результаты. В 1890 – 1891 гг. при поддержке барона Э. Ротшильда (сына основателя французской ветви Ротшильдов) Ховевей Цион основал в Палестине два поселения: Реховот (население в

- 1890 – 1 100 человек) и Хадера (население в 1891 г. – 300 человек). (Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919. С. 80 – 81).
23. Кошкарлов А. Потерянное столетие // Всемирная история модернизации. Эксперт. Специальный выпуск. 2010. 28 декабря – 10 января. С. 106; Демографический энциклопедический словарь. М., 1985
24. Герцль Т. Еврейское государство. С. 40.
25. Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919. С. 7, 318.
26. Герцль Т. Еврейское государство. С. 41.
27. Herzl Th. Op. cit. P. 335.
28. Аттис Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М., 2002. С. 207.
29. Герцль Теодор. Сионистские статьи. СПб, 1914. С. 58.
30. Герцль Теодор. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896. С.41.
31. Там же.
32. Цит. по: Sykes Christopher. Crossroads to Israel. L., 1965. P. 24.
33. Брандейс Луи де. Сионизм // Война и еврейская проблема. Москва, 1917. С. 40 – 41.
34. Сакер Говард М. История Израиля. От возникновения сионизма до создания Государства Израиль. Иерусалим, 1994. Т.1. С. 99 – 116.
35. Kagan Gennadi E. Der Prophet im Frack: Theodor Herzls russische Mission 1903. Koln, 2003. S.138.
36. Цит. по: Эли Барнави, Мириам Елиав-Фелдон. Указ. соч. С. 271

Irina V. Griban, Dirk Junghanns

"GOLDHAGEN'S CONTROVERSY" DURING "OVERCOMING THE PAST": THE HISTORY OF DEBATES ABOUT WINE GERMANS

Abstract: The authors analyze the problem of the relation of memory, the past and present in modern society. The authors focus on the debate in Germany with the publication of the Goldhagen's book. The authors conclude that the discussion of Goldhagen's controversy is the latest stage of a long process of "overcoming the past", which is going through German society. However, this discussion suggests that the process of "overcoming the past" is still far from complete.

Keywords: D.Y. Goldhagen, "Goldhagen's controversy", historical memory, Holocaust, Nazism, historiographical debate.

Е.Ю. Чемякин

Чемякин Евгений Юрьевич, аспирант исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

АРХАИЧНАЯ САМОБЫТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

(британские писатели африканского происхождения в рамках постколониального дискурса)*

Аннотация: Автор статьи анализирует художественные тексты африканских писателей постколониальной литературы в Британии, таких как А. Тутуола, В. Шойинка, Б. Окри, Ч. Ачебе и др. Автор приходит к выводу, что главным мотивом их творчества было противопоставление колонизаторов и местных жителей, обращение к африканским традициям, мотив потери своей культурной идентичности.

Ключевые слова: постколониальный дискурс, интеллектуальная история, культурная идентичность, А. Тутуола, Б. Окри, Ч. Ачебе, Британия, колониализм.

В последние десятилетия в западной историографии появился интерес к постколониальной литературе – литературе, написанной выходцами из бывших европейских колоний на языках метрополий (чаще всего – на английском или французском). Эта тема дала рост большому количеству теорий, концепций и дискуссий, что нашло свое отражение в различных статьях и исследованиях. Особую актуальность данная тема приобрела в конце 1990-х – начале 2000-х гг., когда в западных обществах обострилась ситуация с мигрантами из бывших колоний. Новый этап диалога Восток-Запад подчеркнул важность изучения национальной культуры и традиций тех общин, которые исторически были связаны с европейскими странами.

В первую очередь внимание исследователей привлекли мусульманские страны, поскольку именно представители этих государств составляли самые крупные общины в Европе (мусульмане в Великобритании составляют более 1,5 млн человек и являются второй по величине религиозной общиной страны) (1). Среди британских постколониальных писателей индийского и арабского происхождения следует отметить Э. Саида, В. Найпола, С. Рушди, Х. Курейши и др. Они внесли значительный вклад в развитие постколониальной теории и в создание особого интеллектуального поля, в рамках которого происходит переос-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 11-31-00329a2 "Идентичность, иммиграция и интеграция в современных полиэтничных государствах: государственная политика и общественные дебаты (на примере Великобритании)" (рук. Д.Н. Федорова).

мысление прошлого и настоящего, Востока и Запада, проблем мигрантов и коренного населения.

Однако не меньший интерес представляют, на наш взгляд, и представители другой крупной общины Великобритании – постколониальные писатели африканского происхождения. В данной статье будет рассмотрено творчество наиболее известных африканских писателей, выделены основные мотивы и темы их творчества, показан их вклад в развитие постколониальной литературы.

В рамках современной исторической науки, когда междисциплинарный подход стал неотъемлемой частью исследований, оправданным является привлечение в качестве исторического источника художественных текстов. Выбор этого источника объясняется как характером самой темы (поскольку большинство проблем, встающих на пути формирования культурной идентичности, связаны с внутренним миром человека, с его рефлексией, с психологическим состоянием, а это сферы, которые сложно зафиксировать в документальных источниках), так и непосредственной вовлеченностью постколониальных писателей в исторический процесс рассматриваемого периода. Кроме того, источниковедческий анализ художественных произведений сегодня является одной из насущных задач современной исторической науки. Эта область гуманитарного знания до сих пор была слабо затронута в исследовательских работах.

В последнее время в новой исторической науке все большую актуальность приобретает такое направление, как интеллектуальная история (история идей, направлений, а также социокультурного окружения и его влияния на изменения в творческой мысли). Постколониальный дискурс, о котором пойдет речь в данной статье, представляет собой актуальное поле (особенно, в отечественной науке) для дискуссий и дебатов. Некоторыми исследователями постколониальная теория рассматривается как часть постмодернистского дискурса, в то время как другие считают его набором более конкретных, исторически определенных культурных стратегий (2). Понять проблематику этой темы помогает использование ряда теоретических и художественных работ в качестве исторического источника. Для работы с ними применяется классический источниковедческий анализ, первый этап которого предполагает внешнюю критику – т.е. обзор исторической эпохи и условий возникновения источника (в данном случае, мы рассматриваем причины и время возникновения постколониальной литературы).

Массовая миграция в Великобританию из бывших колоний началась практически сразу после окончания Второй мировой войны. Основной поток первое время составляли мигранты из Южной Азии (Индия, несколько позднее – Пакистан, Бангладеш и пр.) и Вест-Индии.

Сильной была и миграция из стран Африки (Нигерия, Гана, Уганда, Кения, Зимбабве, ЮАР). Большое влияние на увеличение потока иммигрантов в Европу оказал быстрый рост рождаемости на африканском континенте. Нехватка рабочих мест вынуждала людей мигрировать в другие страны, в том числе и в Великобританию. Бывшая метрополия продолжала поддерживать активные взаимоотношения со своими прежними колониями и, провозглашая принципы равенства всех жителей своих империй, стимулировала иммиграцию на территорию своей страны (3).

Частью африканской иммиграции были студенты и стажеры из стран Африки, обучавшиеся в университетах и институтах Великобритании. Ещё одной группой иммигрантов стали члены их семей, число которых также постепенно увеличивалось. Появились и политические иммигранты, беженцы, которые покидали свои страны из-за нестабильной внутренней обстановки. Выходцы из Нигерии и Ганы довольно-таки быстро привыкали к британской жизни, показывая хорошие результаты на выпускных (GCSE) и подготовительных (A-Level) экзаменах (4).

В 1970-1980-е в Великобритании происходит становление мультикультурного общества. Одной из главных причин этого был кризис культурной идентичности у второго поколения мигрантов. Исследователи относят его появление к 1970-м гг. В первую очередь эта миграция связана с детьми первых трудовых мигрантов, прибывших в Великобританию в малолетнем возрасте или даже родившихся и выросших на ее территории. «Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное общество потребления, их дети видели всю ограниченность своих возможностей в рамках данного социума в сравнении с западными сверстниками» (5). В этой ситуации обостряется вопрос культурной идентичности. Британский исследователь Кенан Малик отмечает, что внимание мигрантов «переключилось с политических проблем на религиозные и культурные» (6).

Особое значение в это время приобрела постколониальная литература, которая создала интеллектуальное поле для переосмысления взаимоотношений Востока и Запада, как в прошлом (колониальная эпоха), так и в настоящем. Следует подчеркнуть, что приставка «пост» в данном случае обозначает не столько временные рамки, сколько методологический подход, создание особого дискурса, формирование которого стало одним из ответов на длительную колониальную эпоху в мировой истории. В его рамках подвергались сомнению и переоценке многие мифологемы, связанные с западным видением Востока (мифологемы, о которых в своей теории ориентализма заявил Э. Саид) (7). Американский философ индийского происхождения Лила Ганди (праправнуч-

ка Махатмы Ганди) писала, что постколониализм — это интеллектуальное сопротивление одному из главных последствий колонизации — мифологизирующему забвению прошлого: «Возвращение к колониальным переживаниям разоблачает отношения взаимодополнительного антагонизма и взаимного желаяния, которые в прошлом связывали колонизатора и колонизируемого» (8). В романах постколониальных писателей появляются образы колонизаторов, взгляд «со стороны», который сильно отличается от привычных представлений самих европейцев. Писатель и литературовед С.П. Толкачев пишет: «Разрушение устоявшегося представления об английском в национальных литературах отражает нарастающую культурную фрагментацию англоговорящего мира» (9).

Среди африканских представителей постколониальной литературы следует отметить таких крупных писателей, как Амос Тугуола, Воле Шойинка, Бен Окри, Чинуа Ачебе и др. Эти авторы попытались соединить в своем творчестве европейский литературный опыт с африканскими традициями. Внимание к национальным преданиям и мифам стало одной из наиболее ярких черт африканской постколониальной прозы.

Еще до Первой мировой войны доминирующим влиянием в африканской литературе обладали западные образцы (внедрявшиеся через систему обучения), а национальная африканская проза и поэзия подавлялись и фактически не принимались во внимание. В XX веке ситуация поменялась — африканская поэтика и литература, созданная на основе этой поэтики, стали способны бросить вызов доминировавшей западной литературе. В британском обществе рос интерес к африканской культуре, и этот интерес совпал с идеологическим стремлением лидеров националистически настроенных сил противодействовать культурным требованиям колонизаторов (10).

Амос Тугуола был одним из первых писателей, который стал писать на английском языке, активно привлекая народные предания и легенды. Его первая книга, которую он написал в 1946 г., называлась «Путешествие в город мертвых, или Пальмовый Пьянар и его Упокойный Винарь». По сюжету она напоминала многие предания племени йоруба (к которому принадлежал и сам автор) — герой пробирается сквозь лес, населенный различными духами и мифологическими существами, наделенными сверхъестественными способностями. Схожие мифологические мотивы можно встретить и в других его книгах: «Моя жизнь в лесу духов» (1954 г.), «Симби и Сатир тёмных джунглей» (1955 г.), «Перистая Женщина, или Колдунная Владычица джунглей» (1962 г.) и др. Во многих произведениях Тугуолы встречается таинственный лес, который можно рассматривать как символ традиционного прошлого, подчиненного богам и духам.

Магический лес упоминается и в романе, написанном на языке йоруба Даниэлем Фагунвой – «Лес тысячи духов». Этот роман был переведен в 1968 г. на английский язык нобелевским лауреатом Воле Шойинкой, также выходцем из племени йоруба. Перевод этой книги показывает возросший интерес к национальным легендам, сказкам и мифам. Как отмечают исследователи, подобные переводы составлялись не только для их издания в Великобритании, но и «для внутреннего пользования: иностранный язык использовался как средство укрепления национально-культурной специфики» (11). Лес тысячи духов у Даниэля Фагунвы, как и у Тутуолы, представляет собой магическую область, где господствуют фантастические существа, препятствующие главному герою достичь своей цели. Однако, в этом романе уже появляется борьба африканских верований и некоего высшего бога, Великого Творца, к которому герой призывает в случаях, когда не может справиться с духами сам: «...я воззвал к Великому Творцу: – Господь неба и земли, – с мольбою воскликнул я, – Владыка жизни и Хранитель смерти, сжался надо мной!... Пусть служители Шанго служат Шанго – в конце концов они вознесут молитвы Тебе! Пусть ряженные поклоняются устроителю маскарада – в конце концов они склонятся перед Тобой! Пусть курятся ритуальным дымом жертвенники Ойи – в конце концов священная жертва будет принесена Тебе! Для мусульман Ты – Анаби, для христиан – Спаситель, приди же мне на помощь, о Великий Властелин, ибо у меня не хватает сил для борьбы за освобождение из неволи!» (12). Таким образом, традиционное противопоставляется привнесенному, иному.

Отдельного внимания заслуживает книга нигерийца Бена Окри «Голодная дорога» (1991 г.), получившая Букеровскую премию. Используя мифологию йоруба, автор смог придать ей дополнительное значение: духи и традиционная магия в данной работе символизируют африканское прошлое перед лицом европейской колонизации. Отношение к прошлому становится основным мотивом романа. Главный герой – мальчик-абику (мальчик-дух) Азаро, перед тем, как родится, жил в «земле всех начал», где он и другие духи могли принимать любые формы: «Многие из нас были птицами. Мы не знали границ...» (13). Эта земля стала воплощением тоски Азаро по своему безмятежному прошлому. Даже родившись, он и другие абику стремились как можно скорее вернуться обратно (словом «абику» в языке йоруба называют детей, умерших прежде, чем они достигли зрелости). Перед тем как родиться, абику давали обет как можно скорее вернуться в мир духов. Азаро оказывается одним из тех, кто нарушил свою клятву, решив остаться жить на земле.

Прошлое (мир духов) не отпускает Азаро ни на секунду – другие абику пытаются вернуть его к себе, то уговаривая, то насылая болезни, порчи, проклятья. Фактически весь роман – это аллегория тяжелой и болезненной борьбы Азаро со своим прошлым. Эта борьба проходит на фоне изменений в деревне, в которой они живут, куда вместе с европейцами-колонизаторами постепенно приходят западные «блага» – электричество, автомобили, демократические выборы. Несмотря на тяжесть и нищету жизни, окружающей Азаро, он не поддается на уговоры духов и тем самым символически отрекается от прошлого. Финал книги остается открытым – долгий умиротворенный сон Азаро, в котором духи отступают от него, переходит в очередное утро. Однако: «И добрый бриз не мог длиться вечность» (14).

Борьба прошлого и настоящего в ряде случаев принимает вполне реальные формы, выливаясь в романы, где напрямую говорится о столкновении колонизаторов и местных жителей. Таковы некоторые романы крупного нигерийского писателя Чинуа Ачебе: «И пришло разрушение» (1958 г.), «Стрела бога» (1964 г.), «Человек из народа» (1966 г.) и др. Хотя эти произведения написаны по законам европейского жанра (а роман – это именно европейский жанр), они насыщены национальным колоритом и обладают рядом особенностей, свойственным именно африканскому постколониальному роману (отсутствие главных женских персонажей и яркой любовной линии, короткие неразвернутые описания и пр.) (15).

В романе «Стрела бога» речь идет о верховном жреце нескольких деревень, Эзеулу, которого британская администрация пытается сделать вождем (тем самым нарушив традиции выбора вождей в африканских племенах). Эзеулу отказывается, за что подвергается двухмесячному заточению в тюрьме. В романе чередуются главы, посвященные жизни африканской деревни, и главы, в которых речь идет о буднях британских администраторов. Последние показаны жесткими людьми, способными до конца понять местные обычаи и традиции, но при этом считающие, что лучше самих африканцев разбираются в их жизни. В своей статье «Колониальная критика» Чинуа Ачебе особенно подчеркивает этот факт: «В сознании колонизаторов всегда большое значение имела возможность сказать: "Я знаю своих туземцев". Это заявление подразумевало сразу две вещи: 1) этот народ действительно довольно простой, чтобы его понять; 2) понимание и управление народом шло рука об руку. Понимание было предварительным условием для управления, а управление, соответственно, составляло доказательство понимания» (16).

Однако Чинуа Ачебе критично относится и к самим африканцам, показывая противоречия, раздирающие как сами деревни умарцев, объединенные некогда под одним верховным богом, так и семью жреца.

Его сын Одаче учится на христианского священника в школе при церкви, куда его отправил сам Эзеулу. Постепенно нарастает напряжение между отцом и сыном, который все больше пренебрегает традиционными верованиями и обычаями (в одной из сцен романа Одаче решается убить питона, священного для жителей деревни существа). В конце книги, когда действия Эзеулу приводят к массовому голоду в деревнях, именно христианская церковь переманивает жителей, снова разрешая им заниматься сельским хозяйством (запрет, наложенный верховным жрецом): «В своем бедственном положении многие и многие умуарцы послали сыновей возложить клубень-другой ямса на алтарь новой веры и принести домой обещанное освобождение от кары. С тех пор весь урожай ямса с полей такого умуарца собирали от имени Сына» (17).

Не только в романах, но и в своих критических статьях Чинуа Ачебе продолжает критику колониального режима, который на сегодняшний день приобрел, по его мнению, характер нео-колониализма. В качестве одного из примеров нео-колониализма он приводит литературную критику на постколониальную прозу (18). При этом Ачебе отмечает, что сам он, с детства воспитанный «на перекрестке» двух культур, с определенного момента стал осознавать, что «никто, как бы образован он ни был, не может рассказать за нас [африканцев – прим. Е.Ч.] те истории, которые мы должны рассказать» (19). Свой первый роман «И пришло разрушение» сам Ачебе называет «ритуальным возвращением блудного сына» (20). Тем не менее, африканская действительность оказалась не такой простой, и вскоре вчерашние лидеры национальных движений стали управлять страной практически военными методами. В романе «Человек из народа» Ачебе показывает как раз такого политика, выросшего из простого сельского учителя в диктатора. Но причиной нестабильной ситуации во многих странах Африки (и в Нигерии в частности) писатель считает все-таки европейское влияние и насаждение чуждых для африканской ментальности институтов.

Влияние Запада расценивается некоторыми писателями еще и как опасность потери африканской культурной идентичности. Выше мы уже упоминали сына главного героя романа Чинуа Ачебе «Стрела бога», который учился в приходской школе. Схожая проблема встает в центре романа Тситси Дангарембги «Нервные условия» (1988 г.), где героиня романа получает миссионерское образование, чтобы помочь своей семье справиться с экономическими трудностями. По ходу обучения девочку все больше завораживают западные ценности и культура (21). Еще одни герои романа – ее двоюродные брат и сестра, которые после долгой жизни в Великобритании забывают свой родной язык: «Я не ожидала, что мои кузены изменятся только из-за того, что их не было здесь некоторое время. Во всяком случае, не так радикально. Кро-

ме того, шона – это наш родной язык. Что могут представлять собой люди, если они забыли его?» (22)

Кризис идентичности испытывает и герой повести Чарльза Мунгоши «Сухой сезон» (1972 г.), Моаб Гвати. Он испытывает чувство вины за то, что не едет к тяжело больной матери в деревню, предпочитая забыть все свое прошлое, свои традиции и обязанности. Но прошлое встречает его на каждом шагу (например, в лице старухи, которая обращается к нему, призывая вспомнить свои корни) (23). Моаба пытается найти гармонию между обязанностями прошлого и требованиями будущего, но это борьба истощает его. Он не может окончательно проигнорировать свое культурное наследие, хотя и поддается соблазнам западной жизни.

Таким образом, можно выделить следующие мотивы, характерные для современной постколониальной литературы, написанной выходцами из Африки:

1. Главным мотивом является противопоставление колонизаторов и местных жителей. Происходит ли действие в колониальную эпоху или уже после приобретения независимости Африкой, колонизаторы рассматриваются как носители «чужого», «негативного», приносящего беду и разорения (Ч. Ачебе, Б. Окри).

2. В этой связи актуализируется обращение к африканскому прошлому, к традициям. Этот мотив проявляется в переводе на английский язык национальных мифов и сказок (В. Шойинка), а также в создании стилизованных произведений (А. Тугуола). Для современной африканской прозы характерен жанр магического реализма, который позволяет сочетать реальность сюжетной линии, героев, социально-политических условий и т.п. с мистическими вставками, рассказывающими о мире духов, таинственных существ и мифологических созданий (Б. Окри).

3. На «перекрестке культур», среди постоянной борьбы прошлого и настоящего (Африки и Европы), обостряется мотив потери своей культурной идентичности (Т. Дангарембги, Ч. Мунгоши, Ч. Ачебе). Чаще всего поиски своего «я» приводят к разрыву семейных связей и трагическим развязкам.

Авторы африканского происхождения внесли большой вклад в развитие постколониальной теории и литературы. Основной акцент в их произведениях сделан на социально-политических аспектах жизни в независимой Африке, на проявлениях нео-колониализма, на борьбе национальных традиций с влиянием западной цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Office for National Statistics. April 2001. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.statistics.gov.uk/CCI/nugget.asp?ID=1086&Pos=2&ColRank=1&Rank=326>

2. Post-colonial Studies Reader. / edited by Bill Ashcroft, Gareth Griffiths, and Helen Tiffin. L., 1995. P. 12.
3. Акинин В.Е. Африканцы в Европе: Африканская диаспора во Франции и Великобритании в 60-80-е гг. XX в. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 96.
4. Ethnicity and Education - The Evidence on Minority Ethnic Pupils aged 5-16. [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.education.gov.uk/publications/eOrderingDownload/DFES-0208-2006.pdf>
5. Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3. С. 63.
6. Malik K. Born in Bradford // Prospect, № 115. October 2005. [Электрон. ресурс]. URL: http://www.kenanmalik.com/essays/bradford_prospect.html
7. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
8. Gandhi L. Postcolonial Theory: A Critical Introduction. N. Y., 1998. P. 4.
9. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа. М., 2003. С. 215.
10. Lefevere A. The Historiography of African Literature Written in English // Post-colonial Studies Reader. L., 1995. P. 486.
11. Ibid. P. 487.
12. Фагунва Д. Лес тысячи духов. СПб., 1993. С. 145.
13. Окри Б. Голодная дорога. СПб, 2001. С. 4.
14. Там же... С. 449.
15. Charles L. Heroic Ethnocentrism: The Idea of Universality in Literature // The American Scholar, № 42 (3), 1973. P. 37.
16. Achebe C. Colonialist Criticism. P. 128.
17. Ачебе Ч. Стрела бога. СПб., 2007. С. 315.
18. Achebe C. Colonialist Criticism / Hopes and Impediments: Selected Essays 1965–1987. L., 1988. P. 129.
19. Achebe C. Named for Victoria, Queen of England // New Letters, № 40(3). 1973. P. 40.
20. Ibid. P. 39.
21. Sofield H. Who Am I? : Negotiation of Identity in A Post -Colonial State. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.postcolonialweb.org/zimbabwe/sofield/1.html>
22. Dangarembga T. Nervous Conditions. Seattle, 1988. P. 42.
23. Mungoshi C. Coming of the Dry Season. Harare, 1972. P. 45.

Eugeny U. Chemaykin

**ARCHAIC IDENTITY IN THE MODERN WORLD
(British writers of African descent within postcolonial discourse)**

Abstract: The author analyzes the literary texts of African writers of postcolonial literature in Britain, such as A. Tutuola, C. Achebe, etc. The author concludes that the main motive of their work was the opposition of colonizers and locals, appeal to African traditions, the motive of loss of their cultural identity.

Keywords: post-colonial discourse, intellectual history, cultural identity, A. Tutuola, C. Achebe, Britain, colonialism.

Д.Н. Федорова

Федорова Дина Николаевна, младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, аспирант сектора этноистории ИИиА УрО РАН.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ (на материалах британской историографии)*

Аннотация: В статье на основе привлечения широкого круга исследовательской литературы, как британской, так и континентальной европейской, исследуются особенности формирования постимперского менталитета. Автор приходит к выводу о болезненности в осмыслении колониального прошлого, но вместе с тем подчеркивает, что образ Британской империи до сих пор остается важнейшим фактором формирования британской идентичности.

Ключевые слова: постимперское общество; британская идентичность; историческая память.

Ведущий лондонского радишоу LBC (London Biggest Conversation) С. Алэн после выхода английской сборной из чемпионата мира 2010 г. резюмировал общие настроения так: «Большинство болеющих за английскую сборную англичан — это люди, которые, сожалея о том, что мы больше не правим этим миром, хотят, чтобы мы дрались с противником на стадионах так, как мы когда-то [во времена Империи] дрались с ним на чужих берегах. Но мы больше не правим миром и слишком многого ожидаем от футбола» (1).

Прошлое не может быть вычеркнуто или забыто, оно возвращается в жизнь общества особым путем — в ситуациях, связанных с историей и актуализирующих самосознание. Процесс принятия и усвоения тех или иных вариантов исторической памяти является базовой составляющей национальной (гражданской) и/или этнической (культурной) идентичности общества, и «этничность сродни иммунной системе, которая активизируется при кризисах и вирусах, а в здоровом теле неприметна, будто дремлет» (2).

* Работа проводилась при поддержке гранта РГНФ 10-01-00241а в рамках проекта «Идентичность и мультикультурализм в условиях постимперскости (на материалах Великобритании)» (рук. Головинёв А.В.) и гранта РГНФ поддержки молодых ученых 11-31-00329а2 (рук. Д.Н. Федорова).

Общество переходного, постимперского периода в поисках новой идентичности создает различные меморационные конструкции, и прошлое становится неким ориентиром, маяком в океане множества идей, проектов, стратегий. Но на этом фоне возможно и возникновение спекуляций, последствия развития которых могут выходить за рамки ожиданий. Концепты «исторической памяти» и «идентичности» являются серьезным ресурсом в деле изучения ментального состояния общества, того, как множественные культурные и парадигмальные модели создают и структурируют настоящее через прошлое.

В середине XX в. рухнула Pax Britannica, невиданная по размаху и мощи империя, над которой «никогда не заходит солнце», которая не была для британцев исключительно источником наживы или сугубо подконтрольными Лондону территориями. Ее воспринимали как взаимосвязанную корпорацию, естественный и единственно правильный порядок вещей. В результате произошло то, что сегодня принято называть «постимперским синдромом». Распад империи означал не только трансформацию государственного или политического строя. Империя имела для ее граждан, особенно англичан, экзистенциальный смысл, определяла их мироощущение, к ней относились как к живому организму, вызывавшему особые чувства. Смерть этого организма привела к формированию специфических отношений живых и мертвых (3), специальных меморационных практик, пронизывающих культуру, политику и экономику общества.

Общим фоном для данных явлений, уже в 1990-е гг., стала попытка британского общества ответить на вопрос, кто такие сегодняшние британцы, в чем ценности их прошлого и цели будущего — иными словами, что сегодня представляет собой британскость (Britishness), британская национальная идентичность, и какова в ней роль английскости (Englishness). Проблемой Великобритании этого периода является то, что регионы «кельтской периферии» обладают некоей автономией, но сердцем Великобритании, как и во времена империи, остается не Шотландия или Уэльс, а Англия, и англичане составляют доминирующую нацию. Как пишет А. Боком, с потерей «внешней и внутренней империи» название «Англия», прежде ассоциировавшееся с метрополией вообще, стало обозначать ту землю, которой больше не существует (4). Понятия Англия и Британская империя (вместе со всем колониальным «наследием») сегодня настолько слиты воедино, что синонимичными их считают не только сами жители Британских островов, но и жители других стран (5).

Отношения империи, империализма и современной британской идентичности (6) необычайно противоречивы: с одной стороны, империя является своего рода «территорией» ностальгической британскости

и английскости, а с другой — является символом противоречий и столкновений народов, составляющих сегодня британское общество. Говорить, что представляет собой сегодня британскость и какова роль в этом империи не менее сложно, чем пытаться рассуждать о российскости и «российском народе». Однако в британской историографии существует обширный ряд мнений на этот счет. Попробуем их кратко рассмотреть.

ИМПЕРИЯ И «КОРЕННЫЕ БРИТАНЦЫ»

История всегда являлась особой отраслью культивирования национальных мифов. Национальные истории — в какой-то мере истории осознания нациями самих себя в качестве субъектов. В этом смысле верен афоризм «нации создаются историками» (7). М. Хальбвакс подчеркивает, что культурная память, переходящая из поколения в поколение и создающая особые семиотические образы, имеет сакральную природу и не распространяется сама собой, и всегда имеет своих особых носителей (жрецов, учителей, профессиональных историков) (8). Поскольку, как отмечают многие антропологи и политологи, генераторами, носителями и выразителями исторической памяти являются интеллектуальные и политические элиты (9), изучать данное явление целесообразно с учетом их персональных позиций.

Большинством исследователей идентичности британцев признается, что имперский менталитет, то есть мышление в глобальных категориях свободного перемещения людей, финансов, товаров и услуг, мессианизм, ощущение англосаксонской исключительности, в значительной степени свойствен им и по сей день (10). Н. Фергюсон и отдельные представители оксфордской исторической школы рассматривают Британскую империю как идеальную систему, в которой гражданская нация (в том числе колонизированные народы) сформировалась, пребывала в единстве и процветала под началом англичан (11). По мнению других, например, представителя манчестерской школы Дж. Макензи, империализм был частью культурной идентичности британцев только в определенное время — с началом появления «нового империализма» в 1870-е гг., на протяжении I и II Мировых войн и в 1960-е гг. (12). Современным «историографическим мифом» считается утверждение о том, что во времена империи произошло окончательное закрепление противоречий между англичанами и шотландцами, валлийцами, ирландцами, в чем англичане и «английский национализм» сыграли решающую роль. В 1990-е гг. это привело Великобританию к своего рода «параду суверенитетов», негласному вето на англоцентризм в истории и культуре. Данное направление получило условное название ревизионистского — под его знаменем проходят основные дискуссии о

вкладе шотландского, валлийского и других народов в развитие концепции британскости.

Подобный подход, естественно, особенно популярен в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, а также среди интеллектуалов индо-пакистанского происхождения. Шотландский исследователь М. Сторри, например, полагает, что Соединенное Королевство представляет собой Англию с другими странами, которые были присоединены к ней в «добровольно-принудительном» порядке, подобно союзным республикам в составе СССР.

Частью идентичности является и чувство связи с французами. С 1990-х гг. наиболее обсуждаемым в Британии стало исследование Л. Коллей. Автор приходит к выводу, что общность британцев возникла из-за конфронтации с Другим — в результате «Столетней войны» с Францией (от Десятилетней войны 1689–1697 гг. до окончания войн с Наполеоном в 1815 г.) (13). Историк Дж. Гиллингем в своем труде «История английских королей» указывает, что причиной формирования национального самосознания и чувства превосходства англичан стала женитьба в VI веке короля Этельберта I на Берте, дочери Rex Francorum, и «в силу этой связи с французами варварский когда-то народ стал отходить от своих диких порядков и склоняться к более благообразному образу жизни» (14). П. Вард, рассуждая о влиянии империи на британскость, утверждает, что опыт империализма не привнес чего-то принципиально нового британцам, а лишь актуализировал и расширил в пределах империи уже сформированные в Англии доимперского периода черты идентичности — чувство уникальности и превосходства, богоизбранности англичан (15).

Однако все больше исследователей, в частности, т.н. ревизионисты, стремятся отойти от какого-либо этноцентризма. Х. Керни рассматривал историческую общность четырех равных по своему вкладу в становление британской идентичности, наций (англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы) (16). К. Вудвард пишет, что хотя и считается, что официальным «началом» британскости стал акт 1707 (Act of Union), Великобритания в то время представляла собой далеко не единую нацию, а расплывчатый конгломерат. Британскость являлась мешаниной валлийскости, шотландскости, английскости, которые, в свою очередь, были разделены на различные локальные идентичности (по принадлежности к деревне, городу, семье, ландшафтам и пр.). Современная британскость, по мнению исследователиницы, развилась вокруг пяти столпов: островная география, религия протестантизма и католицизма, различные войны XVII–XX вв., империя-земля-коммерция, монархия. Действующие силы — этнические элиты коренных народов Британии, консолидирующиеся под действием факторов экономического (коммерче-

ского, в первую очередь) и политического успеха империи, развития земельных отношений. Английские аристократы интенсивно приобретали шотландские и валлийские поместья, и наоборот, шотландская и валлийская элита роднилась с английской элитой или покупала себе право быть таковой. В конце концов экономическое и культурное доминирование англичан привело к тому, что шотландские и ирландские джентри вынуждены были искать возможности развития в пределах всей империи, создавая в заморских землях новый тип идентичности, имперский (17).

Дж. Паксман, пытаясь показать историческую неправомерность англоцентризма, пишет о том, что шотландцы стали основными создателями Британской империи; а именно когда их мечты о собственной империи рухнули после безуспешной попытки основать колонию на Панамском перешейке в 1698 году. Знаменитый сигнал в Трафальгарском сражении — «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг» — якобы поднял шотландец Джон Робертсон (17). Такие исследователи, как Э. Бёттнер и вовсе пишут, что империя была в большей степени британской, нежели английской: в белых колониальных поселениях процентное отношение народов было более сбалансированное, чем в метрополии (если в Британии шотландское население составляло 10 % в 1901 г., то в Австралии — 15 %, Канаде 20 %, Новой Зеландии 23 %) (18). В имперской Индии главным социальным событием было празднование дня Святого Эндрю, особо почитаемого в Шотландии, и, таким образом, удовлетворялись и шотландский, и имперский патриотизм (19). Одним из следствий того факта, что с Британией и Британской империей связано столько валлийских и шотландских амбиций, является то, что ни в Уэльсе, ни в Шотландии не так много националистических движений, которые шли бы дальше лозунга «Мы ненавидим англичан».

Наибольшее количество негативных гетеростереотипов относится к ирландцам. Английское господство в Ирландии всегда было шатким, поэтому англичане вели себя там с надменностью. В журнале «Панч» 1880-х гг. появляются заметки о том, что в районах Лондона и Ливерпуля обнаружено «недостающее звено» в эволюции человека — «ирландский йеху»: «Когда говоришь с ему подобными, они несут какую-то чепуху... Ирландский йеху обычно обитает в пределах своей территории и покидает их, лишь чтобы добыть себе пропитание. Иногда, правда, это животное вдруг впадает в возбуждение и нападает на цивилизованных человеческих существ». В этом же журнале помещена карикатура с изображением ирландского Франкенштейна, ужасного и неотесанного чудовища (20).

Однако сам факт того, что Ирландия была явной колонией, где английские колонизаторы принадлежали к иной религиозной конфессии и «человеческой расе», и за ними стояла оккупационная армия, пошел Ирландии на пользу. Как только развалилась империя, Ирландия сумела сформировать индивидуальный образ в Европейском союзе, в отличие части британских островов, над которыми висел груз уже не существующей империи (21).

Как получилось, что англичанам сходили с рук все их предвзятые мнения? Дж. Паксман пишет, что, во-первых, они, бесспорно, доминировали на островах, владели самой преуспевающей империей в мире к XIX в., и их мало интересовало, что думали другие. А во-вторых, у многих кельтов был комплекс неполноценности по отношению к родным местам: англо-саксонской империи кельты могли противопоставить лишь исчезающие культурные достижения. Древняя цивилизация, к которой они якобы принадлежат, была культурой устной, и каких бы вершин она не достигала, их унесли с собой в могилу друиды (22).

ИМПЕРИЯ, МОНАРХИЯ, КЛАССЫ

По крайней мере с конца XIX до конца XX вв. монархия играла очень важную роль в становлении и отпавлении британскости. По П. Варду, империя сама по себе ничего бы не значила для британскости без института монархии. Королева, монархия были символами империи (Д. Кэннадайн пишет, что играли роль даже такие вещи, как платье Елизаветы II во время коронации 1953 года, где были изображены эмблемы доминионов, войска содружества; там же присутствовали премьер-министры Доминионов и Индии, и главы колониальных протекторатов) (23). Автор утверждает, что империя, а точнее спровоцированное самим ее существованием развитие дешевых коммерческих масс-медиа, позволили поднять престиж монархии, сделать ее популярной, сплотить вокруг нее население. Монархическая пропаганда, организация и освещение в СМИ различных пышных юбилеев, коронаций и прочих королевских (позиционировавшихся как собственно имперских) празднеств с течением времени все больше ставили монархию в центр национальной идентичности всех британцев (24). Как отмечает Р. Самюэль, вся внешняя имперская символика являлась отражением внутренней английской монархической — в архитектуре, монетах, печатях, почтовых конвертах и пр., также как и в сочетании символических мест и территорий, зданий, изображений, статуй, обрядов и обычаев (25).

П. Вард обращает внимание, что не только празднества сплотили британцев, но и особый институт благотворительности: члены королевской семьи все чаще с конца XIX в. стали «выходить в народ» и по-

особенному поощрять благотворителей, вообще людей, проявивших себя в чем-либо. Так, исследователь пишет об особом значении писем королевы Александры Датской во время II Мировой войны в знак признательности тем, кто пожертвовал деньги фонду ее мужа по оказанию помощи слепым солдатам: людей переполняла гордость за родину, ощущения величия монархов и значимости собственного вклада в развитие страны. Такого рода «физические контакты» способствовали формированию патриотизма, желанию защищать королевскую семью во всех владениях империи. Особенно много, безусловно, сделала для этого королева Виктория — незаурядная личность, ставшая символом империи, процветания и могущества Великобритании. Королева, как отмечает Вард, впервые за историю монархии сумела соединить публичное и приватное, управление, замужество и материнство (9 детей). Именно с этих пор стали говорить о ней не только как о правительнице, но и женщине, матери, а о королевской семье как о чем-то не только величественном, но и светлом, близком каждому британцу. Также королева сыграла важную роль в формировании новых идеалов английской, британской женскости — женщина как добропорядочная мать семейства, хранительница очага, благотворительница, активный общественный деятель (26).

Репрезентация монархии как главы всей «национальной семьи» лишь отчасти помогла преодолеть внутренние социальные и географические различия. Монархия ассоциировалась с Англией и английскостью (27). Тем не менее, монархия и империализм создавали условия для синтезирования различных этнических самосознаний. Например, использование символов шотландскости в общеимперской символике пошло от интереса англичан к «туристической Шотландии» (королева Виктория очень любила путешествовать по горам Шотландии, построила королевскую резиденцию в Балморале, а принц Альберт спроектировал дом в «шотландском баронском стиле», стал иногда носить одежду из шотландки, клетчатой шерстяной ткани) (28).

Многие историки склоняются к тому, что решающую роль в становлении идентичности сыграли выходцы из среднего класса. Именно они, по мнению Р. Прайса, были носителями имперского энтузиазма; они не входили в зону классовой лояльности высшего общества, с одной стороны, а с другой, сознательно не инкорпорировались в организацию рабочего класса, обращаясь к риторике коллективности, «национальности» империи. Аристократы же не слишком нуждались в империи и имперских войнах, так как имели достаточно, а необразованный рабочий класс интересовался в основном насущными материальными нуждами, вполне удовлетворяясь своей жизнью в рамках общины (29).

ИМПЕРИЯ И «ВОСТОК»

Поиск национальной идентичности в Великобритании не сводится к противопоставлениям этнических групп, издавна обитавших на Британских островах. Контекстом такой идентичности была огромная империя с населявшими ее «другими» народами.

С. Энлоу пишет, что во времена империи в колонизированных странах происходило выстраивание образа британца, англичанина. «Европейский “ориентализм” внушал мысль о беззащитности восточных культур, оправдывая имперское господство во имя «цивилизации». Получалось, что восточные женщины, страдающие в своей чадре, нуждались в защите со стороны европейских мужчин». Взаимоотношения с Востоком являлись фактором формирования особой модели мужественности у британцев. Во времена империи британские лидеры были заинтересованы в поддержке ее надлежащих форм, обеспечивающих прочность государства. В частности, по мнению исследовательницы, Крымская и Бурская войны привели к инициативам по «исправлению» форм мужественности. Основание движения бойскаутов в 1908 г., инициатором которого стал Р. Баден-Пауэлл, было реакцией на распространение венерических заболеваний, смешанные межрасовые браки и падение рождаемости, ведущие якобы к закату Британской империи. «Баден-Пауэлл и другие британские империалисты находили, что отличие от поведения восточных мужчин, а именно увлеченность спортом вкупе с почтением к уважаемой женщине, и есть залог успеха Британской империи» (30).

Как отмечает Л. Шнайдер, в конце XX в. считалось, что британское сообщество само по себе создает притягательный для иммигрантов культурный образец, способствующий интеграции, и этот взгляд на сущность британской идентичности представляет собой инверсию традиционного английского национализма, центральная идея которого состоит в культурном превосходстве и особой цивилизаторской миссии англичан. В современном «мультикультурном» варианте эта идея исходит из того, что английский национальный характер исторически формировался на основе комплекса универсальных гуманитарных идей (христианский гуманизм, либерализм и др.), которые являются благом не только для самих британцев, но и для подданных Британской империи, включая народы Азии, Африки и Вост-Индии (31). Д. Джуд также говорит об империи и мессианизме, в котором британские политики и интеллектуалы (Дж. Чемберлен, У. Черчилль, Р. Киплинг, С. Родс, Р. Баден-Пауэлл) видели средство сплочения различных народов, как о базовом компоненте национальной идентичности. Д. Кэннадайн пишет, что британская метрополия культивировала в колониях представления о социальной иерархии и господстве закона, а не об этничности. Тем са-

мым империя воссоздавала в различных частях света относительно гомогенный социальный, политический и правовой строй, спланивающий народы чувством принадлежности к единым ценностям, к единой гражданской нации (32).

С конца 1980-х гг. британские исследователи национальной идентичности (например, Р. Самюэль) все чаще настаивают на том, что признание расово-культурных различий внутри «новой» британской нации требует не столь уж значительных концептуальных изменений в понимании процесса формирования британского общества, поскольку вся британская история – это преемственность разнородных этнических групп (кельты, римляне, англы, юты, саксы, датчане, норвежцы, нормандцы, бретонцы, французы и др.), прибывавших на Британские острова и периодически сообщавших проблемный характер самой британской или английской идентичности (33).

Журнал «История сегодня» (History Today) на протяжении всех 1990-х гг. регулярно публикует заметки о генетических исследованиях предков современных британцев, статьи по генеалогии отдельных семей. Среди них появляются и статьи, рассказывающие о чернокожих британцах и их влиянии на идентичность британского общества, начавшемся еще с XVII–XVIII вв. (с того времени, когда африканцы в качестве слуг появились в семьях английских купцов). Примером может служить статья исследовательницы «семейной истории» К. Чэтер, которая среди своих предков первой половины XVIII в. обнаружила черного африканца-слугу Дж. Сципио. Чэтер подчеркивает, что в отличие от Нового Света, где господствующее белое меньшинство всегда испытывало страх перед массами черных рабов, в Великобритании XVIII в. цвет кожи не имел какого-либо правового значения. Они оказали влияние на формирование плюралистичности британской культуры, явились причиной множества достижений, в частности в области музыки и танца (34).

Д. Кэннадайн же в «History Today» писал, что в XIX–XX вв. отношение британцев к «цветному» населению колоний и доминионов базировалось на оценке индивидуальных достоинств человека. Британская метрополия, как считает автор, культивировала в колониях выношенные ею же самую представления о социальной иерархии и господстве закона, поэтому статус в местной иерархии играл гораздо более объединяющую роль, чем расовые различия. Как следствие, при всем «орнаментализме» (многоцветной мозаичности рас и культур), Британская империя на этапе своей зрелости воссоздавала в различных частях света относительно гомогенный строй, во многом копирующий британские порядки, спланивающий народы чувством принадлежности к единой нации — не этнической, но политической, гражданской. Со-

гласно автору, поэтому Великобритании удавалось столь длительное время поддерживать в своей империи дух национальной «кооперации» (35).

Первые же отклики на статью исследователя показали, что его концепция воспринимается многими британскими историками как чрезмерная идеализация империи и неправильное толкование сущности нации, с которой могли согласиться социальные верхи и правители колониальных стран, но не угнетавшиеся метрополией «народные массы». Историк из Кембриджа П. Бендэлл (родившийся в Калькутте) иронично замечает, что Кэннадайн устранил из «основной картины» истории Британской империи многочисленные «голодовки, мятежи и убийства», высокомерие англичан и их дистанцирование (в том числе в этническом, национальном отношении), чего, конечно, не сделал бы историк из Индии или Ганы (36).

В 2000 г. накануне всеобщих выборов в Великобритании публикуется доклад Б. Пареха «Будущее мультиэтничной Британии», явившийся результатом работы одноименной комиссии и вызвавший взрыв патриотического негодования граждан Великобритании. Наибольшее неприятие у общественности вызвали предположения автора доклада о том, что по самой своей сути так называемая «британская идентичность» всегда была глубоко расистским понятием.

Несомненно, Кэннадайн и Парех указали на сложность феномена империи, его объединяющую силу для британской идентичности, открыв в ее истории новое концептуальное измерение. Данное видение в значительной мере обусловлено реалиями самой Великобритании конца 1990-х гг., для которой поиск интегрирующей общество межэтнической и межрасовой парадигмы становится внутренней проблемой, государственной задачей. Однако авторские этнографические исследования показывают, что белое, особенно преклонного и юношеского возраста, население Британских островов довольно редко признает свою генеалогическую или национальную общность с африканцами или индийцами, и дело тут не в расизме, а в «элементарном здравом смысле» (37).

Несмотря на болезненность осмысления имперского прошлого, империя остается неким Эльдorado идентичности (успешной, глобальной, мультикультурной, полиэтничной) – во всяком случае, для ее английского населения (символом этого сегодня стал, например, футбол). Но век империи все дальше и дальше от сегодняшних британцев, тяготеющих к иному рода мультикультурности, локальности, экзистенциальной замкнутости. Возможно поэтому они особенно тепло (по сравнению с другими иностранцами) относятся к современным «колонизаторам» – американцам. Теперь империя американская, как когда-то

британская, простирает на весь мир свои коммерческие сети, демократический строй и идеологию американской мечты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. LBC 97.3 FM. 27 June.
2. Головнёв А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4(25). С. 46.
3. Разработкой особой структуры идентичности — памяти об умерших — посвящена работа Ю.Е. Арнаутовой. «От Мемория к "истории памяти"» // Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С.171–172.
4. Vaucom I. Out of Place: Englishness, Empire and the locations of identity. Princeton, 1999. P. 276, 277.
5. Для России опыт Британии полезен и актуален. Имперское прошлое обеих стран, положение на географической периферии Европы, наличие автохтонных национальных сообществ, особой позиции «титულიной нации» — все это позволяет провести впечатляющие параллели, как в истории, так и в современном «кризисе идентичности».
6. Смит Э. Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236.
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. Специальный выпуск. Память о войне 60 лет спустя. 2005. № 2–3; Halbwachs M. La mémoire collective. Paris. 1967.
8. Определения элит и их функций в обществе (Г. Лассуэла, В. Парето, Х. Хоркхаймера и М. Фуко) см.: Федотова Л.Н. Элита и масса в общественном мнении: проблема социальной элиты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 6. С. 7-18.
9. См.: Kumar K. Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective // Theory and Society. Vol. 29. №. 5. Oct. 2000. P. 576–577.
10. См.: Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. L., 2003. P. 171.
11. Цит по: Colley L. Britons. Forging the Nation. 1707–1837. L., 2003. P. 6.
12. Colley L. Op. cit. P. 1-6.
13. Цит. по: Паксман Дж. Англия: портрет народа. СПб., 2009. С. 71.
14. Ward P. Britishness since 1870. L.; N.Y., 2004. P. 20-21.
15. Kearney H. The British Isles: A history of four nations. Cambridge, 1989. P. 215.
16. Guibernau M., Goldblatt D. Identity and Nation // Woodward K.(ed). Questioning Identity: Gender, Class, Nation. L.; N.Y., 2000. P. 130-132.
17. Цит. по: Паксман Дж. Указ. соч. С. 72.
18. Robbins K. Great Britain: Identities, Institutions and the Idea of Britishness. Harlow, 1998. P. 213-214.
19. Buettner E. Haggis in the Raj: Private and Public Celebration of Scottishness in late imperial India // Scottish Historical Review. № 81. 2002. Pp. 212-239.
20. Punch. May 1882. P. 4, 6. См. также: Punch Anti-Irish propaganda (1882). Irish Frankenstein. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: [http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Punch_AntiIrish_propaganda_\(1882\)_Irish_Frankenstein.jpg](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Punch_AntiIrish_propaganda_(1882)_Irish_Frankenstein.jpg)
21. Паксман Дж. Англия... С. 80.
22. Там же. С. 82.
23. Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw their Empire. L., 2001. P. 103-105.
24. Cannadine D. The Context, Performance and Meaning of Ritual: The British Monarchy and the “Invention of Tradition” // E.J. Hobsbawm and T. Ranger (eds.). Inventing Traditions in Nineteenth-Century Europe (Cambridge, 1983; Italian, Portuguese, Spanish, German and Japanese translations.). P. 134-137.
25. Ibid. P. 103
26. Ward P. Op. cit. P. 20-22.

27. Ibid. P. 22.
28. Cannon J., Griffiths R. The Oxford Illustrated History of the British Monarchy. Oxford , 1998. P. 560, 639.
29. См.: Price R. Society, status and jingoism // Grossick G. (ed.) The Lower Middle Class in Britain. L., 1977.
30. Enloe C. Bananas, beaches and bases: making feminist sense of international politics. L., 1989. P. 49-50.
31. См.: Snyder L. Encyclopedia of Nationalism. N.Y., 1990. P. 90, 91.
32. Cannadine D. Ornamentalism // History Today. 2001. Vol. 51 (5). May. P. 12, 13.
33. Samuel R. Patriotism: the making and unmaking of British national identity. Vol. 1. L., 1989. P. 39.
34. Chater K. Where There`s a Will // History Today. Vol. 50 (4). Apr. 2000. P. 26-27.
35. Cannadine D. Ornamentalism. P. 12-13.
36. Bendall P. Beyond Ornament // History Today. Vol. 51 (6). June 2001. P. 61.
37. Излюбленная фраза англичан.

Dina N. Fedorova
BRITISH EMPIRE AND IDENTITY
(on materials of British historiography)

Abstract: In this paper, based on attracting a wide range of research literature, as the British and continental European, studied peculiarities of post-imperial mentality. The author comes to the conclusion that pain in understanding the colonial past, but at the same time emphasizes that the image of the British Empire is still the most important factor in the formation of British identity.

Keywords: post-imperial society; British identity; historical memory.

А.А. Орлова

Орлова Александра Алексеевна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УЭЛЬСА

Аннотация: Автор на фоне общей проблемы работы с историческими источниками на электронных носителях пытается ответить на вопрос о возможностях и пределах их использования в изучении новейшей истории Уэльса. Автор приходит к выводу, что специфика электронных текстовых источников заключается в том, что, во-первых, они уже опубликованы (в отличие от архивных), во-вторых, могут быть

прочитаны только с помощью технических средств, в-третьих, первичный электронный источник равноценен своему печатному варианту. И наконец, данный вид источников может быть широко применен в исследованиях по новейшей истории.

Ключевые слова: Интернет и историческая наука; исторические источники на электронных носителях; источники по новейшей истории Уэльса.

Исследование новейшей истории в настоящее время не может обойтись без такого источника информации, как Интернет. Тем не менее, при использовании электронных источников до сих пор возникают вопросы, связанные, к примеру, с цитированием. Подвергается критике объективности и достоверности электронного источника. Однако изучение новейшей истории не может обойтись без его использования электронных источников. На примере Уэльса продемонстрируем важность использования такого рода источников.

Конец XX в. – это период вхождения России в интернет-пространство, перенесение «третьей информационной революции», приведшей к новому способу коммуникации. Такое ключевое понятие как «информация» заняло первое место в деятельности общества. Всемирная паутина на данный момент является одним из главных хранителей информации, наряду с крупнейшими архивами и библиотеками мира.

Переход к информационному обществу повлек ряд изменений. Объем информации с рубежа XIX–XX вв. многократно возрос, что поставило на повестку дня такие вопросы, как сохранение, подлинность и ценность исторических источников. Особенно остро встает вопрос о сущности электронных исторических источников, передающих текстовую информацию. Источниковеды обнаружили, что в отношении этих материалов перестает работать традиционная методика анализа. Что же тогда остается? Как «читать» и понимать новые источники?

Впервые вопрос о роли и значении Интернета для историка обсуждался на конференции Ассоциации «История и компьютер» (АИК), которая состоялась в Москве в 1996 г. (1) В последующие годы обсуждение проблем взаимодействия всемирной паутины и истории продолжилось на конференциях и круглых столах. АИК было выпущено несколько сборников статей, которые публиковались по итогам дискуссий и конференций.

Проблематика взаимосвязи истории и Интернета также рассматривалась на круглом столе журнала «Новая и новейшая история» в 2001 г. (2) В центре обсуждения оказалась информатизация гуманитарных наук. Участники дискуссии обсуждали не только перенос ис-

точников со старых носителей на новые (электронные), но и проблему истинности и объективности таких источников.

Существует лишь узкий круг и исследователей, занимающихся вопросами исторической информатики и новых источников. В основном они сосредоточены вокруг АИК. Это – главный специалист по информатизации Государственного Исторического музея Ю.Ю. Юмашева, декан исторического факультета Алтайского государственного университета В.Н. Владимиров и заведующий кафедрой исторической информатики МГУ Л.И. Бородкин. В их работах представлены проблемы исторической информатики в целом, но как нам представляется отсутствуют глубокий анализ проблем источниковедческого характера.

Обобщение идей в области исторической информатики присутствует в работе Т.Н. Лукиных «Историография клиометрики» (3), где содержится глава «Источник, историк и Интернет». Основная мысль, высказанная автором, связана с позитивным влиянием сети на оцифровку исторических документов и создание баз данных.

Заметим, что критическое осмысление влияния Интернета на историю как науку в основном рассматривается с позиций исторической информатики. Но в поле нашего зрения не попало ни одной работы, посвященной электронным историческим источникам, хотя они активно используются в монографиях, диссертациях и других публикациях.

Специфика электронных источников

С развитием технологий хранение информации стало более удобным и доступным, но трансформировался процесс доступа к ней. Если раньше исследователь получал информацию, прочитав ее в рукописном или печатном тексте, то теперь между ним и текстом существует посредник – техника и, прежде всего, компьютер. В настоящее время при отсутствии такого посредника исследователь отрезан от информации, ведь она зашифрована не просто на другом языке (как могло быть с текстом в книге), а в другой знаковой системе.

Как отмечает В.Н. Владимиров, электронный (машиночитаемый) источник – это новый вид источника, который появился в связи с развитием технологий. Историческая информатика, которая ориентирована на работу с такими источниками, после периода своего становления стала еще одним разделом источниковедения (4).

Специфика электронного источника проявляется в том, что он не характерен ни для одного периода истории, кроме новейшей. Большинство электронных источников являются оцифрованными версиями уже имеющихся исторических источников. Другая (меньшая) часть – это полноценные источники, которые публикуются в интернете, на CD и DVD носителях. Их печатные версии являются равноценными. Количество последней категории источников все время увеличивается. За по-

следние пять лет оно возросло в несколько раз. Эта группа источников будет продолжать расти, т.к. публикация в интернете – это быстро, просто и доступно.

Ярким примером того, как переплетаются старые и новые традиции хранения источников, является сайт правительства Великобритании – <http://www.legislation.gov.uk>. На нем хранятся оцифрованные документы с 1800 г. по настоящее время. Сайтом руководит Национальный архив Соединенного Королевства, созданный в 2003 г. На данном сайте возможно найти законодательные акты разного времени всех частей королевства – Англии, Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса.

Равноценность электронных источников с их печатными вариантами является яблоком раздора между источниковедами, т.к. встает вопрос об аутентичности документа. В своей статье заместитель директора Информационного центра Главного архивного управления г. Москвы, к.и.н. В. И. Тихонов отметит, что источниковедческий анализ нового вида источников – это главная проблема. Он пытается найти закономерности в происхождении, существовании и анализе электронных документов. Центральным пунктом его работы стала аутентичность документа (5).

Долгое время вопрос о подлинности электронных документов не ставился, т.к. они не занимали важного места. Но с развитием технологий, когда выход в Интернет и обмен документами и информацией оказывается простым и доступным каждому, данная проблема требует решения. Особенную актуальность проблема приобрела с середины 1990-х гг., когда в большинстве стран стали появляться «электронные правительства». Виртуальные правительства предоставляют информацию о деятельности органов государственной власти и обеспечивают интерактивное общение с гражданами через всемирную паутину.

В 1998 г. в Великобритании в процессе деволюции появились автономные органы управления в Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии. Один из акцентов данной реформы состоял в том, что функционирование новых государственных органов будет прозрачно и открытым благодаря тому, что все решения, правовые акты и новости будут публиковаться в сети. Это было инновационным моментом, потому что ранее такого масштабного шага не предпринималось. Например, в Уэльсе по настоящее время действуют два сайта – <http://www.assemblywales.org/> (с 1999 г.) и <http://wales.gov.uk> (с 2006 г.). На них граждане могут найти всю необходимую информацию о Национальной Ассамблеи и Правительстве Национальной Ассамблеи. Публикация правовых актов на сайте ассамблеи приравнивается к печатному варианту в других официальных СМИ. Таким образом, сайт государст-

венного органа становится важным рычагом в решении проблем, в информировании и общении с гражданами.

Примерно в это же время во многих странах на государственном уровне стали обсуждаться и приниматься законодательные акты, регламентирующие работу во всемирной сети. Россия не стала исключением, хотя медленнее развивалась в создании законодательной базы. Стоит уточнить, что государственное управление и бизнес-сфера развиваются намного быстрее и интенсивнее, чем, например, архивная. Архивисты только приступили к созданию баз данных, к оцифровке, к теоретическому осмыслению вопроса хранения электронной информации.

Однако все это только косвенно решает проблему происхождения источника. Очевидно, что принцип опубликованности или неопубликованности источника теряет свою актуальность принцип, т.к. помещение любого материала в сеть уже представляет собой публикацию. Но остается проблема освоения информации, которая имеется в электронном виде.

Место электронных источников в источниковедческой классификации

Какое же место в классификации исторических источников может занять электронный источник? По классификации, данной Д.И. Ковальченко с упором на теорию информации, электронные источники принадлежат к типу письменных источников, так как передают знаки и символы посредством ЭВМ (6). По сути своей электронный текстовый источник – это новая форма письменного документа, новая форма его представления.

Классификация электронных исторических источников пока не очень разработана и представляет собой:

1) вторичные источники – это источники, которые опубликованы на сайтах, но имеют первоначальный текстовый вариант, созданный намного раньше появления в сети;

2) первичные источники – это источники, которые впервые или параллельно были опубликованы на сайте. Подобное деление источников встречается в работах, посвященных вопросам исторической информатики и информатизации гуманитарных наук (7).

Первичные источники представляют собой наиболее перспективное направление развития, т.к. являются отражением современной истории. В будущем они займут ключевое место в исследованиях. Уже сейчас встречаются научные работы, которые основаны на электронных источниках. За рамками нашей работы остается значительная часть электронных источников: видео, фоно- и фото- документы, размещенные в сети. Эта группа источников также приобретает несколько иной характер по сравнению с неvirtуальными аналогами.

Все электронные источники размещены на определенных носителях, будь это диски, серверы или флешки. В данном случае тип носителя не важен с точки зрения классификации, т.к. он может меняться, но информация будет оставаться идентичной. В основу видовой классификации необходимо положить принцип изложения информации: официальные и неофициальные документы. К первой группе относятся все электронные документы, которые размещены на так называемых «официальных» сайтах компаний, правительств, организаций, министерств и т.д. В этой группе источников содержится объективная информация, т.е. выверенная и одобренная. Другая группа содержит электронные документы, которые опубликованы на частных сайтах, страницах, форумах. Эта группа отражает субъективную личностную информацию.

Особенности критики электронного исторического источника

Традиционно критика исторического источника делится на две взаимодополняющие части: внешняя и внутренняя. Что нового мы встречаем, анализируя электронный текстовый документ? И что теряется при анализе этого вида документов?

Сосредоточимся на небольшой части электронных исторических источников, представленных в официальных документах на сайте Ассамблеи и Правительства Уэльса, а также Национального архива Соединенного Королевства. Эти документы отражают важную часть истории Уэльса после деволюционной реформы конца 1990-х гг.

Данная категория документальных источников наиболее полно показывает процесс перевода в электронный формат тех видов источников, которые ранее только публиковались. В настоящее время исследователь может опираться в своей работе на проверенные источники информации, которыми становятся официальные интернет-ресурсы. Если раньше таковыми были официальные газеты, бюллетени, то теперь «рупором» власти становятся сайты.

Мы уже отметили, что Великобритания одна из первых предложила перенести в интернет-пространство большую часть информации о деятельности новых органов самоуправления с целью прозрачности работы и удешевления бюрократических процессов (что, конечно же, было одобрено налогоплательщиками). Проанализируем содержание данных сайтов с точки зрения исследования по новейшей истории Уэльса с момента создания органов самоуправления.

На указанных сайтах представлены следующие категории электронных источников:

1) информационные статьи о Национальной Ассамблее Уэльса и Правительстве Ассамблеи, их деятельности и т.д.

2) новостные статьи и комментарии о событиях в Уэльсе, о деятельности ассамблеи и правительства;

- 3) законодательные акты, принятые Ассамблеей с 1999 года;
- 4) статистика и аналитика по работе органов самоуправления;
- 5) официальная переписка между органами государственной власти;

б) отчеты по законодательной и финансовой деятельности.

Исходя из традиционной методики анализа источника, наиболее значимым является установление подлинности источника с помощью определения времени и места создания, авторства и степени сохранности документа. Но остается ли это важным при изучении электронных источников? В сети все датировано. Если не учитывать вариант попытки фальсификации истории через официальные сайты, то с определением времени публикации не возникает проблем.

Время создания законодательных актов и отчетов в электронном виде ничем не отличается от обычных – оно указывается в тексте источника либо в общем списке документов. Они распределены по годам и по времени принятия. Например, Welsh Statutory Instruments 2011 № 2539 «Road traffic Wales» был принят 24 октября 2011 г., а вступает в силу 1 ноября 2011 г. (8) Новостные сообщения и переписка также датированы, либо в них указывается дата, раньше которой они не могли быть созданы. Например, «New Assembly inquiry looks at the effectiveness of European Structural Funding in Wales» от 1 ноября 2011 г. (9).

Сложнее определить время создания информационных статей о работе и деятельности органов власти. Нижней границей можно рассматривать момент создания Ассамблеи и правительства или время создания сайта. Но с каждым уходящим годом промежуток будет становиться все больше. Поэтому для электронных документов в ГОСТе прописано правило, когда указывается дата обращения к данному Интернет-ресурсу, что подтверждает факт его использования в исследовании (10).

Какова цель определения места публикации электронного источника, если он может быть доступен в любой точке планеты? С позиций установления его подлинности это необходимо. Как правило, место расположения сайта тесно привязано к месту, где находится учреждение, размещающее на нем информацию. Обозначение страны или города находится в реквизитах сайта или контактах. Принадлежность сайта к той или иной стране также указано в адресной строке браузера. Например, сайты <http://www.legislation.gov.uk> или <http://wales.gov.uk> по своему домену принадлежат Великобритании (.uk).

О каких общественных и исторических фактах могут рассказать эти документы? Открывая сайт Ассамблеи или правительства Уэльса, по адресу которых определяется государственная принадлежность к Великобритании, исследователь видит значительную часть обществен-

ной и политической истории региона. По информации сайта, Уэльс наделен правом принятия вторичного законодательства, что позволяет «уточнять» законы в интересах местного сообщества. С 2000 г. Уэльс имеет представителей в Комитете регионов при ЕС, что подтверждает активное лоббирование своих интересов посредством использования полномочий в ЕС.

Предварительные выводы

На сегодняшний день газеты и журналы читают намного реже, чем пользуются возможностью выхода в Интернет. В виртуальном пространстве можно найти самую свежую информацию с комментариями, аналитику, исследовательские работы. Влияние всемирной сети как массового источника информации намного шире, чем традиционных СМИ. Это приводит к выводу о том, что Интернет становится значительной частью истории, отражая процессы и события современного общества. Также Интернет является самым большим архивом информации и продолжает ее накапливать.

Пример Уэльса с его «электронным» правительством демонстрирует успешный опыт взаимодействия, с одной стороны, власти и граждан и Интернета, а с другой стороны, исследователя и Интернета. Благодаря доступности информации историк не теряет время, а черпает ее из сети для своего исследования.

В своей работе мы постарались ответить на вопрос о роли и специфике электронного исторического источника – электронного документа. Изучение данной проблемы только начинается, потому что масштаб хранимой в электронном виде информации увеличивается с каждым годом.

Специфика электронных текстовых источников заключается в том, что, во-первых, они уже опубликованы (в отличие от архивных), во-вторых, могут быть прочитаны только с помощью технических средств, в-третьих, первичный электронный источник равноценен своему печатному варианту. И наконец, данный вид источников может быть широко применен в исследованиях по новейшей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ассоциация «История и компьютер» URL: <http://kleio.asu.ru/aik/11.shtml>
2. Круглый стол «Историк, источник, интернет» // Новая и новейшая история. 2001. № 2. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/BONTONE/HISTORY.HTM>
3. Лукиных Т.Н. Историография клиометрики. Томск, 2003.
4. Владимиров В.Н. Историческая информатика: MODUS VIVENDI // Сайт Исторического факультета Алтайского государственного университета. URL: <http://hist.asu.ru/aik/duma.html>
5. Тихонов В. И. Когда наступит время «компьютерной палеографии»? // Историческая информатика в информационном обществе. VII конференции АИК Под редакцией Л.И. Бородкина. URL: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/7/18.html>

6. Ковальченко Д.И. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 135-136.
7. Круглый стол «Историк, источник, интернет» // Новая и новейшая история, 2001. № 2. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/BONTONE/HISTORY.HTM>; Лукиных Т.Н. Исторнография клиометрики.
8. Road traffic Wales // Сайт Национального архива Великобритании. URL: http://www.legislation.gov.uk/wsi/2011/2539/pdfs/wsi_20112539_en.pdf
9. New Assembly inquiry looks at the effectiveness of European Structural Funding in Wales // Сайт Национальной Ассамблеи Уэльса URL: <http://www.assemblywales.org/newhome/new-news-fourth-assembly.htm?act=dis&id=225163&ds=11/2011>
10. Особенности составления библиографических ссылок на электронные источники // ГОСТ 7.0.5. М., 2008. С.

Alexandra A. Orlova

Electronic documents as a historical source on the recent history
WALES

Abstract: The author on the background of the general problem of historical sources on electronic media tries to answer the question about the possibilities and limits of their use in the study of the modern history of Wales. The author concludes that the specifics of electronic text sources is that, firstly, they have already been published (in contrast to the archive), and secondly , can be read only by technical means , thirdly , the primary electron source equivalent to their printed versions. Finally , this type of sources can be widely applied in studies of recent history.

Keywords : Internet and historical science ; historical sources on electronic media ; sources on the recent history of Wales.

А.А. Сердюков, М.Б. Ковалевская

Сердюков Анатолий Андреевич – доцент кафедры Отечественной истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, директор музея истории УрГПУ в 2000-2008 гг.

Ковалевская Маргарита Борисовна – главный хранитель фондов музея истории УрГПУ.

**«МУЗЕЙ – РЕАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, КОТОРАЯ РАБОТАЕТ
НА УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС...»**

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы возникновения Музея истории Свердловского государственного педагогического

института – Уральского государственного педагогического университета, характеризуется его вклад в учебную и воспитательную работу. Особое внимание уделено роли профессора Б.А. Сутырина в организацию и развитие музея.

Ключевые слова: музей истории вуза; Уральский государственный педагогический университет; профессор Б.А. Сутырин.

Эти слова принадлежат профессору кафедры всеобщей истории исторического факультета УрГПУ Б.А. Сутырину. Сказаны им на заседании Совета Музея истории УрГПУ 3 марта 2006 г. при обсуждении вопроса «О формировании фондов музея». В них отражены и современный статус музея истории университета, и его роль в учебно-воспитательном процессе в нашем вузе.

Б.А.Сутырин внес свой, и немалый, вклад в организацию, открытие и развитие Музея истории СГПИ - УрГПУ. Работа по созданию музея началась еще при ректоре Е.Л. Шувалове. Точкой отсчета стало (решение) постановление общеинститутского партийного собрания от 13 апреля 1977 г., в котором говорилось: «В целях воспитания студентов на лучших традициях старших поколений создать музей истории Свердловского педагогического института» (1).

Процесс создания музея занял десять лет. Столь длительное время в его организации было обусловлено, кроме прочих причин, необходимостью сбора требуемых для будущей экспозиции документальных, вещественных и фотоматериалов, их научной обработки и подготовки к экспонированию, а также решением многих организационных и хозяйственных вопросов.

Работа по созданию музея заметно оживилась в 1984 г., особенно после того, как ректором пединститута стал Б.А. Сутырин, профессиональный историк, опытный педагог, руководитель (с 1968 по 1984 г. он работал проректором по учебной работе в Уральском госуниверситете им. А.М. Горького – УрГУ). 13 июня 1984 г. было принято специальное постановление парткома СГПИ «О создании музея института». В нем ведущим подразделением, отвечающим за создание музея, определялась кафедра истории КПСС (завкафедрой П.В. Гришанов). Был утвержден состав комиссии по созданию музея во главе с её председателем – проректором по научной работе А.М. Лушниковым. Секретарям партийных организаций факультетов предлагалось до 15 ноября 1984 г. представить музейной комиссии материалы по истории факультетов и кафедр. Партком обратился с просьбой к ректору решить вопросы, связанные с финансированием и материальным обеспечением создаваемого музея. Планировалось «...первую экспозицию открыть к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне», т.е. к 9 мая 1985 г. (2).

В октябре 1985 г. партком института рассмотрел вопрос «О работе комиссии по созданию музея института». Завкафедрой истории КПСС П.В. Гришанов, выступивший с информацией по данному вопросу, сообщил, что «в прошлом году по решению парткома мы открыли раздел музея, посвященный ветеранам Великой Отечественной войны», остановился на проблемах, сдерживавших дальнейшую работу по организации музея: несвоевременное финансирование, вопросы штатного расписания, подписание нового договора с художественными мастерскими (3).

Раздел экспозиции, посвященный ветеранам Великой Отечественной войны, был размещен в учебном корпусе по ул. К. Либкнехта, 9 (ауд. 21).

Большую работу по сбору материалов провела группа «Поиск» (рук. М.А. Субботина). В преддверии 40-летия Победы в Великой Отечественной войне на зданиях института, где в годы войны размещались госпитали, установили мемориальные доски, а в самом институте (ул. К. Либкнехта, 9) открыли памятные доски педагогам нашего вуза, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны.

Следующее заседание парткома, на котором обсуждался вопрос о ходе работы по организации музея, состоялось 10 июня 1987 г. На нем было обстоятельно проанализировано выполнение намеченных мероприятий по подготовке музейной экспозиции к открытию. В процессе обсуждения отмечались не только успехи в сборе музейных предметов и их научной обработке, но и серьезные недостатки, сдерживающие оформление и монтаж экспозиции – такие как задержки с выполнением заявок на приобретение оргстекла, различных тканей и других оформительских материалов. Ректор Б.А. Сутырин, с целью обеспечения быстрого открытия музея, предложил заслушивать информацию директора музея Н.С. Головиной о ходе выполнения намеченных мероприятий на оперативке, чтобы таким образом, при необходимости, можно было в экстренном порядке разрешать возникающие проблемы.

Партком обязал Совет музея (председатель – проректор по научной работе А.М. Лушников) подготовить и представить на утверждение конкретный график работ по подготовке к открытию музея; административно-хозяйственной части (проректор по АХЧ Н.Г. Колчин) поручалось оказывать необходимое содействие в решении хозяйственных вопросов. Контроль за выполнением намеченных мероприятий возлагался на секретаря парткома Г.А. Захарова (4).

На заседании парткома 4 сентября 1987 г. было принято окончательное решение – открыть музей истории института 4 ноября 1987 г. Оно было выполнено. В приказе ректора института Б.А. Сутырина от 4 ноября 1987 г.

«Об открытии Музея истории Свердловского ордена «Знак Почета» государственного педагогического института» говорилось: «В результате длительной поисковой и организационной работы коллектива ветеранов войны и труда, преподавателей и сотрудников института собран и оформлен к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции обширный материал по истории СвГПИ, его отдельных подразделений. В связи с завершением важного этапа этой работы приказываю:

Считать днем открытия музея истории СвГПИ 4 ноября 1987 года...

Руководителям всех подразделений института оказывать музею всестороннюю помощь в дальнейшей поисковой работе и расширению экспозиционных материалов и выставок. Оформить и до 01.06.88 г. сдать в музей института альбомы по истории своих подразделений.

Всем коллективам института считать музей истории института важным центром гражданско-патриотического воспитания. Деканатам факультетов, учебной части предусмотреть плановые посещения абитуриентами и студентами института музея и ознакомления с его экспозицией» (5).

За большую организационную работу по сбору материалов и созданию музея награждались почетными грамотами и денежными премиями руководитель группы «Поиск» М.А. Субботина и ст. лаборант кафедры истории КПСС Н.С. Головина. Грамоты и благодарственные письма получили ветераны войны и труда, преподаватели, сотрудники и студенты, принявшие участие в организации музея.

По инициативе ректора Б.А. Сутырина музей разместили в главном учебном корпусе (пр. Космонавтов, 26), в одном из лучших помещений, предназначавшемся ранее для заседаний Ученого Совета института.

Становление и последующее развитие музея проходили также не без участия Б.А. Сутырина и как ректора СГПИ – УрГПУ (1984 – 1995 гг.), и как завкафедрой всеобщей истории исторического факультета УрГПУ (1995 – 2004 гг.), и как профессора той же кафедры (с 2004 г.). Являясь на протяжении многих лет членом Совета музея, он словом и делом поддерживал деятельность музея, оказывал помощь в разрешении важнейших проблем. Так, после модернизации музея в канун 70-летия университета (отмечалось в 2000 г.), встала острая проблема с выделением специального помещения для хранения фондов музея и работы с ними. Обосновывая необходимость решения данной проблемы, Б.А. Сутырин, с присущей ему убедительностью, говорил при обсуждении вопроса «О состоянии фондовой работы» на заседании Совета музея 5 апреля 2005 г.: «...необходимо относиться бережно к

тому, что имеем. Можем утратить то, что имеем, и не будет возможности это восстановить: уходят люди, ухудшается память...» (6).

На заседании Совета музея 3 марта 2006 г. Б.А. Сутырин с еще большей решительностью доказывал, что без выделения музею дополнительных площадей он (музей), как профессиональная структура университета, функционировать дальше не сможет: «Самая большая беда музея – ему тесно, у него нет помещения (для фондов), если не будет принято решение по площадям, то музея, как такового, не будет. У нас будет только вывеска... Музей – реальная структура, которая работает на учебно-воспитательный процесс. Он дает больше для воспитания студенчества, чем некоторые наши бумажные планы или не очень подготовленные воспитательные мероприятия» (7).

Сегодня музей истории УрГПУ – реальная структура университета, отвечающая всем требованиям профессионального учреждения данного типа. Он располагает современной экспозицией, в которой выставлено на всеобщее обозрение более 1200 экспонатов, выставочным комплексом (ежегодно оформляется более десятка выставок, посвященных важнейшим событиям в жизни страны и университета: памятным датам подразделений, юбилейным датам ученых и отличившихся работников университета); имеет развитую материальную базу. В фондах музея, которые размещаются в специально оборудованном помещении, хранится более одиннадцати тысяч музейных предметов. Среди них есть и материалы об административной и научно-педагогической деятельности профессора Б.А.Сутырина: документы, видеозаписи, научные и научно-методические труды профессора и издания, рассказывающие о нем.

Экспозиционно-выставочные и фондовые материалы, отражающие историю, традиции, достижения ученых-педагогов и всего коллектива нашего вуза – вот та база, которая позволяет музею вести активную работу по гражданско-патриотическому воспитанию студентов и школьников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 240, Оп. 1. Д. 137. Л. 119
2. Там же. Д. 221. Л. 76.
3. Там же. Д. 213. Л. 119.
4. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 217. Л. 107 -110.
5. Информационный бюллетень УрГПУ. Вып.144. Ноябрь 2007. С.63.
6. Фонды музея истории УрГПУ. Протокол заседания Совета музея от 5 апреля 2005 г.
7. Там же. Протокол заседания Совета музея от 3 марта 2006 г.

Anatol A. Serdukov, Margorita B. Kovalevskaja
**"MUSEUM - the real structure, which works on the educational
process ..."**

Abstract: This paper discusses the main steps of the Museum of History of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute - Ural State Pedagogical University, characterized by its contribution to the training and educational work. Particular attention is paid to the role of Professor BA Sutyurin the organization and development of the museum.

Keywords: Museum of the History of the university; Ural State Pedagogical University; Professor BA Sutyurin.

Кругликова Г.А.

Кругликова Галина Александровна – доцент кафедры истории России исторического факультета Уральского педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент.

**ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(к постановке проблемы)**

Аннотация: Автор привлекает внимание к роли культуры в образовательном и воспитательном процессе современной России. Он приходит к выводу о том, что Россия может интегрироваться в систему общечеловеческих ценностей как равноправный участник мировых процессов, используя накопленный богатейший культурный потенциал страны., и что плодотворный синтез общемировых гуманитарных ценностей с конкретно-историческими, культурными феноменами отдельных регионов или стран может дать положительный результат.

Ключевые слова: культурная компетентность; российская система образования; личность и культура.

Современный этап развития общества характеризуется общим кризисом, охватившим все сферы его жизнедеятельности, и сопровождается усилением бездуховности, разрушением нравственных ориентиров, распадом духовных ценностей. Между тем, прогресс развития общества неизменно связан с постоянным формированием человека как субъекта на всем протяжении его жизни. Новые задачи, возникающие во всех сферах жизни общества, требуют постоянной перестройки об-

щественного сознания, максимально полного и научно обоснованного учета и использования т.н. человеческого фактора.

Роль культуры в образовании, воспитании человека и гражданина трудно переоценить. В советской России понятия культурный и воспитанный человек всегда ставились в один ряд, были почти синонимами. А воспитанный человек не сквернословил, не считал возможным демонстрировать свои вредные привычки и пагубные пристрастия, конечно, не был вандалом и разрушителем, а был патриотически настроенным гражданином общества. Сегодня мы много говорим о роли личности, о развитии каждого индивидуума, что, как считаем, должно укрепить научный и культурный потенциал страны, создать гражданское общество, которое рискует стать ущербным при отсутствии культурной базы. Таким образом, воспитание культурой – очень важная и трудная задача. Работа, требующая немалых знаний, усилий, серьезного организационного подхода, терпения, а порой – самоотверженного труда.

Проблема личности всегда находится в центре исследований культуры. Это естественно, ведь культура и личность неразрывно связаны. С одной стороны, в культуре формируется определенный тип личности. Общее историческое прошлое, историческая память, пространственно-временные отношения, мифология, религиозные доктрины, общепринятые ритуалы, биосоциальный опыт, система общезначимых моделей-образцов, особенности географического пространства, особенности социальных институтов, групповая совесть, преобладающие экономические модели, коллективные мнения и ощущения, предрассудки, семейные образцы, исторические традиции, идеалы и ценности, отношение к чужим ценностям — вот далеко не полный список тех факторов, которые влияют на формирование личности в культуре.

С другой стороны, личность воссоздает, изменяет, открывает новое в культуре. Без личности нет культуры, так как личность не только движущая сила и создатель культуры, но и главная цель ее становления. По мнению М.Б. Туrowsкого «самореализация человека осуществляется в культуре, и только в культуре в том смысле, конечно, что сама культура протекает в истории. Хотя история содержательно есть личностный процесс, но все-таки собственно личностный процесс — это процесс культуры, а история выступает как сфера объективации культуры» (1).

Важно отметить, что взаимовлияние культуры и личности невозможно без систем общения в культуре. Эта система общения состоит из систем передачи, распространения и хранения информации; системы социальной и межкультурной коммуникации. В этой связи культурная политика, проводимая государством, свидетельствует об объективно

возросшем влиянии человека на исторический процесс и той колоссальной ответственности за него перед человечеством.

Культурная политика концентрирует в себе опыт общественной деятельности, оформляет и закрепляет уровень развития творческих сил человека как субъекта общественного развития. Предметный мир, созданный человеком, система закреплённых традиций, опыт общественного поведения несут в себе программы развертывания реальной жизнедеятельности человека.

Вопросы взаимоотношений культуры и личности важно изучить для того, чтобы использовать накопленный опыт в деле сохранения историко-культурного наследия страны. Одной из форм активности человека является поведение. Культура поведения личности представляет собой сферу культуры человеческой деятельности и является неотъемлемой частью культуры человеческих отношений.

История даёт нам множество примеров взаимоотношений человека и культуры, к сожалению не всегда положительных. По подсчётам немецких учёных, из культурных ценностей, созданных человечеством за всю историю цивилизации, около 75% погибло. Не случись этого, человек и история, наверное, были бы совсем другими. Культура беззащитна перед такими бедами, как землетрясения, наводнения, пожары, войны. Но особенно она беззащитна перед нетерпимостью, основанной на «идее», «теории», «программе» насильственного переустройства общества. Такая нетерпимость способна лишить нацию самой почвы культуры, как буря уносит с поля плодородный слой. Что это «бывает», Россия XX века могла убедиться на собственном опыте. Но, видимо, всецело поглощенная действием, она все еще не увидела себя со стороны и поэтому все еще, похоже, не смогла извлечь урока.

Активное участие личности в политической жизни общества имеет многоплановое значение. В цивилизованном обществе политика осуществляется для людей и через людей. Какую значительную роль ни играли бы социальные группы, массовые общественные движения, политические партии, в конечном счёте, её главным субъектом выступает личность.

И здесь хотелось бы поднять ещё очень важную проблему – ответственности человека за то, что он делает. Как показывает практика, механизма, который позволил бы контролировать действия собственника по отношению к объекту культуры, пока что не существует. Где гарантия того, что, получив памятник культуры в собственность, хозяин не перенесет вопросы его сохранения на второй план, отдав предпочтение своим частным интересам? Современная ситуация в данном вопросе изобилует множеством примеров как в центре, так и на местах. Нередко

памятники культуры оказываются безнадежно испорчены. И что тогда? «Вернуть все назад» здесь возможности нет.

Одной из главных задач культурной политики России должно стать то, чтобы вокруг объектов историко-культурного наследия формировалась особая среда. Здесь важную роль играет стратегия сохранения и развития архитектурного наследия, народных художественных промыслов и ремесел. Ее реализация имеет непосредственное отношение к созданию культурной среды и должна опираться на заинтересованность людей в сохранении традиций. Это и воспитание, и занятость населения, и не только доход для конкретного человека, мастера. Это – вклад в развитие территории, в сохранение истории.

Воспитание личности на основе отечественного духовно-культурного наследия немыслимо без восстановления ясного, вдумчивого, любящего взгляда на российскую историю. В этом случае всеобщее развитие человека как субъекта культурной политики является важным условием тесной связи политических институтов с гражданским обществом, контроля за деятельностью политико-управленческих структур со стороны народа.

Результатом такой осознанной деятельности является формирование гражданской позиции, которая по мере развития личности занимает все более значимое, ведущее место в ее структуре. Она характеризует личность с точки зрения способа и характера взаимоотношений индивида с определенной действительностью. Гражданская позиция проявляется и формируется в конкретных делах. Возможность проявить свое отношение к людям, обществу, найти способы практической реализации себя во взаимодействии с окружающим миром человек получает в деятельности. Поэтому мероприятия, связанные с выявлением, сохранением историко-культурного наследия региона, страны позволяют практически реализовать потребность личности в практической деятельности.

3 мая 2011 г. в Совете Федерации состоялось заседание Совета по государственной культурной политике при председателе Совета Федерации на тему «О повышении роли национально-культурных автономий в сохранении и развитии духовной культуры народов России» (2). На лицо внимание высшего руководства страны к сохранению и дальнейшему развитию историко-культурного наследия страны.

Важно отметить, что в историко-культурном наследии России особо привлекает богатый опыт функционирования местного самоуправления, который необходимо творчески применить в наши дни, в повышении активности народа в решении конкретных вопросов жизни, развития демократии на принципах Европейской Хартии о местном самоуправлении. Богатое историко-культурное наследие поможет в новых

условиях формированию социальной компетентности молодежи. Оно требует нового подхода в гуманитарном образовании, особенно во внедрении национального, регионального и муниципального компонентов в учебно-воспитательный процесс и в социализацию личности.

Средний Урал был одним из первых регионов России, где вопросам развития культуры был придан статус регионального приоритетного проекта. Именно у нас была принята и начала действовать областная программа «Развитие культуры в Свердловской области на 2011–2015 годы» (3).

Хотя содержание общего образования формируется из сочетания многих предметных областей, на самом деле по совокупности речь идет о комплексном обучении человека самой тривиальной и одновременно самой экзотической из всех специальностей – профессии полноценного члена общества. Подобный комплекс систематических знаний и представлений, умений и навыков, традиций и ценностных ориентации может быть назван системой культурной компетентности личности.

Разумеется, существенную часть элементов такого рода культурной компетентности человек усваивает еще с детства и постоянно корректирует ее и ходе общения с окружением на протяжении всей жизни. В формировании представлений человека о правилах бытового общежития и нормах социального взаимодействия с другими людьми решающую роль играют навыки, полученные в процессе воспитания в семье. Социальную, историческую и художественную фактуру, в которой эти правила воплощаются и выражаются, человек изучает главным образом в средней школе, вычитывает в художественной, философской и иной литературе, усваивает из произведений искусства, получает по каналам СМИ и т.п. По существу, почти все смысловое наполнение сказок и назидательных поучений для детей, содержание уроков истории, литературы и других гуманитарных предметов в школе, точно так же, как и основное содержание большинства религиозных учений и существенная часть философии, посвящены описанию поучительных примеров правильного и предпочтительного социального поведения и отношения к людям (это называется «добром») и неправильного, осуждаемого поведения (называемого «злом»).

Совершенно очевидно, что содержание образования и черты выстраиваемой культурной компетентности человека должны соответствовать социокультурному типу данного общества и воспроизводить личность, более или менее модальную для данного типа.

Таким образом, перед отечественным образованием встает очень сложная задача определения того, какого рода культурная компетентность требуется ныне живущим и следующим за нами поколениям россиян, т.е. какой социокультурный тип общества с соответствующими

параметрами социальной солидарности и личностной идентичности наше образование должно обеспечивать.

Культурно-правовой статус личности представлен целой системой взаимосвязанных прав, свобод и обязанностей, закрепленных в статьях 26, 43, 44 Конституции РФ (4). Каждому в нашей стране гарантируется свобода творчества, право на участие в культурной жизни. И каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. И все эти нормы должны получить системное закрепление в новом федеральном законе. Конституционная защита прав на свободу творчества, участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, может быть установлена только путем определения государственной гарантии реализации этого права: выбора в качестве принципиальной позиции государственного протекционизма в сфере культуры и государственной поддержки культуры и ее творцов.

Другая проблема, которую важно решить новым законом, – формирование единой культурно-образовательной политики, которая заключается не только в образовании в сфере культуры, но и, что не менее важно, культура в сфере образования. Превращение каждой общеобразовательной школы в центр культурного развития не менее важно, чем включение детских школ искусств, других учреждений художественного образования в систему образования в сфере культуры и искусства.

В соответствии с тем, на какие сферы жизнедеятельности направлены интересы индивида, в каких формах и насколько социально ценно и лично значимо он реализует себя, можно говорить об успешности и социальной значимости проявления гражданской позиции личности.

Разумеется, современная Россия еще очень далека от такого уровня социокультурной трансформации. Сегодня мы фактически вернулись к решению задач середины прошлого века: формированию устойчивой национальной политико-экономической системы. Отсюда и актуальные параметры личностной культурной компетентности современных россиян, которые должна закладывать образовательная система, в принципе близки к эпохе становления буржуазных наций. Вопрос в том, кто и как это будет делать: национал-патриоты (вне зависимости от цвета их знамен) или люди, трезво отдающие себе отчет в том, что культура - это одно из самых универсальных оснований для массового насилия?

В России ситуация с этими вопросами усложняется в связи с фактически деградировавшей прежней системой социальной структуры общества, сломом прежних путей каналов осуществления социальной мобильности населения, трансформацией прежних элит и не наладившейся системой их воспроизводства, а также еще практически и сфор-

мировавшейся новой структурой социальных страт. В этих условиях говорить каких-либо параметрах общенациональной культурной компетентности для большинства российского населения не приходится. В отсутствие среди населения России сколь-нибудь заметного «среднего слоя» – по материальному достатку и социальным притязаниям – проблема формирования параметров общенациональных стандартов социальной адекватности и культурной компетентности приобретает несколько виртуальный характер. Даже такое важное средство выравнивания черт культурной адекватности, как государственные образовательные стандарты, в очень небольшой степени способны повлиять на эту ситуацию, поскольку в качестве общенациональной нормы задает параметры гуманитарной эрудиции интеллигентской субкультуры.

В условиях модернизации вопрос о необходимости закрепления в национальной культуре нравственных установок и моделей поведения, которые предопределяют успешное развитие личности и нации в целом, становится все более актуальным. Развитие единого культурного пространства, включающего в себя многообразие всех культур и эффективный межкультурный диалог, – одна из главных задач современной политики. Важность роли культурной традиции в обновлении ценностно-смысловой деятельности россиян – вот то основание, на котором выстраивается стратегическая концепция культурной политики, ориентированная на решение масштабных социокультурных задач таких, как улучшение качества жизни людей, социальная интеграция, упрочение социального согласия, достижение солидарности.

В государственной политике в сфере культуры очень важно откликнуться на потребности нового века – века информационных технологий, экспериментальных новаций в искусстве, новых творческих форм досуга. Основы такой политики заложены в принятой Правительством РФ концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) (5). В ней определены пути и способы обеспечения в долгосрочной перспективе устойчивого социально-экономического развития страны, в том числе и в сфере культуры.

Несомненно, Россия может и должна интегрироваться в систему общечеловеческих ценностей как равноправный участник мировых процессов, используя накопленный богатейший культурный потенциал страны. Только плодотворный синтез общемировых гуманитарных ценностей с конкретно-историческими, культурными феноменами отдельных регионов или стран и может дать желаемый результат. Это путь, безусловно, самый трудоемкий, но именно в его утверждении и состоит предназначение России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Туровский М.Б., Туровская С.В. С позиции субъекта культуры // Антропология субъективности и мир современной коммуникации : Сб. статей / М., 2010. С. 56.
2. URL: <http://www.regions.ru/news/nations/2353757/>
3. URL: http://www.mkso.ru/normative/ocp_kultura
4. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
5. URL: <http://strategy2020.rian.ru/g1/>

Galina A. Kruglikova

PERSONALITY AS A SUBJECT OF CULTURAL POLICY IN MODERN RUSSIA (to the problem)

Abstract: The author draws attention to the role of culture in the educational and upbringing process in modern Russia. He comes to the conclusion that Russia can be integrated into a system of universal values as an equal member of the world processes using accumulated rich cultural potential. , And that a fruitful synthesis of global humanitarian values with specific historical , cultural phenomena of individual regions or countries could have a positive result.

Keywords: cultural competency ; Russian education system ; identity and culture .

III. Публикации документов

С.В. Смирнов

Смирнов Сергей Викторович – доцент кафедры новой и новейшей истории Института наук и искусств Уральского федерального университета, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент.

«ЕДЯТ ЛЮДИ ЛЮДЕЙ И СОБАК...» (Письма с Донбасса в Харбин 1933-1934 гг.)

Аннотация: Публикация двух писем 1933-1934 гг., адресованных старообрядцу Н.И. Кукобе в Харбин от родственников, оказавшихся в Донбассе. В письмах содержится информация о тяжелейших условиях, в которых оказались работники Донбасса в первой половине 1930-х гг.

Ключевые слова: голод на Украине 1932-1933 гг.; стройки первых пятилеток.

В настоящей публикации мы хотели бы представить читателям два письма, отправленные в 1933-1934 гг. с Донбасса (Донецкая область) в Харбин (Северная Маньчжурия). Адресатом писем являлся Кукоба Никон Иванович, из старообрядцев.

В настоящей публикации мы хотели бы представить читателям два письма, отправленные в 1933-1934 гг. с Донбасса (Донецкая область) в Харбин (Северная Маньчжурия). Адресатом писем являлся Кукоба Никон Иванович, из старообрядцев.

Н.И. Кукоба родился в 1888 г. в дер. Бударка Волчанского уезда Харьковской губернии в зажиточной крестьянской семье. После окончания школы служил в волостном правлении, помощником писаря. В 1914 г. был мобилизован в действующую армию, где проходил службу младшим писарем в штабе одной из пехотных бригад. Вернувшись домой в 1918 г., Кукоба занялся сельским хозяйством. С началом коллективизации в 1929 г. Никон Иванович, опасаясь раскулачивания, с младшим сыном выехал на Дальний Восток, откуда в марте 1930 г. бежал в Маньчжурию, перейдя с сыном границу в районе гор. Иман. В

Советском Союзе у Кукобы остались родители, жена и два старших сына. В Маньчжурии Кукоба первоначально работал на пасеке на ст. Маоэршань, затем на конфетной фабрике Азадовского в Харбине. В 1933 г. он открыл собственную кондитерскую мастерскую, которую и содержал до осени 1945 г. В октябре 1945 г. Кукоба был арестован органами СМЕРШ и вывезен на Урал (Востураллаг, Тавда), где заочно приговорен к 10 годам исправительно-трудового лагеря. После освобождения в 1955 г. жил в Акмолинской области (Казахстан).

Первое из представленных писем принадлежит перу двоюродного брата Кукобы – Д.Ф. Фиранову, проживавшему с семьей на ст. Алмазная Донецкой области, и повествует о страшной ситуации, сложившейся на Украине в 1932-1933 гг., – печально известном голодоморе. Письмо зашифровано принятым у старообрядцев способом на основе буквенного церковно-славянского счета. Это письмо по получении Кукоба передал председателю Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ) присяжному поверенному В.И. Колокольникову и оно было опубликовано в газете «Харбинское время» в конце 1933 или начале 1934 г.

Второе письмо, написанное обычным способом, принадлежит близкому другу Кукобы – старообрядцу Ф. Хомякову, вероятно, также бежавшему из родных мест и скрывавшемуся, чтобы переждать раскулачивание и коллективизацию. Письмо хорошо отражает характерные для того времени умонастроения людей его круга.

Письма содержатся в материалах судебно-следственного дела № 33820 на Н.И. Кукобу, хранящегося в фондах Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО).

Господи Иисусе Христе Сын Божий Помилуй Нас.

Пущено письмо 21/VI 33 г.

Письмо от известного вам брата Д.Ф. Фиранова.

Здравствуй многоуважаемый б-ц Н.И. [братец Никон Иванович].

Вопервых строках моего письма спешу уведомить вас в том, что я пока жив и здрав. Н.И. мы сейчас живем хорошо. Не дай Бог Н.И. Ваша семья вся почти померли от голода. Иван Яковлевич [отец Н.И. Кукобы – С.С.] умер уже давно. Ваша мама уже лежит без памяти. Вера ходит вся пухлая от голоду. Виктора [сын Н.И. Кукобы – С.С.] мы забрали до себя еще до Пасхи. Он был уже пухлый. Сейчас он работает в хлебном кооперативе. Хлеба им с Наташей хватает. А Коля [сын Н.И. Кукобы – С.С.] уехал в Грузию и помочи он своим не оказал никакой. Когда жил здесь у нас, то был очень хороший человек. Как ушел от

нас, то стал всегда пьянствовать. Стал как урка. Мы им послали посылку, ее обратно вернули. Вы Н.И. не думайте, что одна ваша семья померли. Нет уже многих. Совсем позабыли даже. Целыми семьями по-вымирили, поставили черные кресты. Едят люди людей и собак. Не пытайте.

Сегодня Наташа едет домой за Верой. Мы хотим ее взять и поддерживать.

Пишите письма нам, как вы там живете, ни лучше ли нас.

Адрес

Донбасс 3, Кадиевка, улица Артема, дом № 168

Марфе Филипповне Хомяковой, Фиранову.

Кланяемся мы вам все и вам всем и Изотику и вам Н.И.

Вы не думайте ехать сюда сейчас, проходит паспортная по всему Союзу.

С тем до свидания.

Кадиевка.

21/VI 33 г.

Копия верна

С. И. Х. Д. П. Н.

Пущено письмо 21/11/33г.
Листом от всестройного банка
Брайта Д. Ф. Гуреева
Здравствуй много уважаемый

И. И.
Вопреки старшей колло
мания Индигу и Уверовиде Вас.
в том, что я пока еще издает
И. И. Мы сей час живем в доме
Корсаго (505-418 8703) И. И. 21/11/2005г.
2 2008 ^{время} ^{написания} 807010510008 ^{или} ^{всего} 807010510008

И. И. 400405100 И. И. 807010510008 И. И.
300701051008 807010510008 607010510008
4015 305208300 857 8014083008 807010510008
22089 804000003018 21300 370307041. Вильгельм
4008 801000308 470 21058 5155 400 80120008
7050 86130 400205 80 8000030018 2005 8001200
7050 100187030015300 2 600205 8040 807010510008
1001300825, 203055300 800055008 800055008
6003051840 с Хоразми 6002130015300.
И. И. 2070308 4005 80130 2 31004007810
8 80704070908 7050 200 807010510008
508 20120708. Хоразми 800055008
УМАС это была 800055008 и 800055008

2

Копия верна
 и вам всем и извини себя
 А. П.
 ДЕН И 44004013005 56007308
 200401 2005840, 200 90100700020130
 20120080201003008 2003 по верну
 20020107000

Самую хорошую
 Д. П. 30

Копия верна

Минус 1 меш
 в Кларинге Мундо

как ушел от нас. Это сати
 всегда и не забывает. Стаи как
 зрела. 4061240 070000301308
 200980013000000 20055 700000000000
 2101 2005408 200 20050000000000
 400405 405070000000 200 20050000000000
 099718008 41045 90101 2005301401
 07026140101308 8022 2003001507028308
 9000000000 2000000 2000000 500000 07048
 00000000 2007000000 005 8005000000000

Самую хорошую
 За верой и истиной се взирав
 и подгуляете.

Темные числа наши, как
 вон там и вон там и и и и и и и

141005200
 440505200200 3. 2014852001 40030
 11003005401 707040 N 168

4011005005 5001308 90702505
 60050701300 2208

16 февраля

Дорогой Никон Иванович!

Вчера мне сообщили ваш адрес, который давненько старался достать. Конечно я не уверен, что Вы получите сие письмо ибо так давно за Вас ничего не было известно. Я вернулся в родные места только в первых числах июля 1933 г., где увидел сатанинскую работу, которая косила жатву уготованную по делам. Встречал старых – малых, друзей – врагов с поникшей головой. Увидел мерзость запустения, где стояла постройка – там бурьян в человека: так как скота стало мало, а косарей еще меньше. Смотреть было тяжело, а еще тяжелее слушать за то что много наших братьев пали жертвой в поле, не вернуться в дом свой уж теперь им боле. Спустя неделю, с истощенным желудком ушел искать себе дело, где как всегда были препятствия куда-либо поступить, и не смотря на трудности поступил в Б... [не читается – С.С.] завод, где проработал около 4 ½ месяца т.е. до конца отправки всей свеклы в завод с приемных пунктов, а теперь сижу на квартире Хавроши с женой и одним мальчиком.

Что стряслось с Вашим семейством, полагаю вам известно, и напоминать Вам слишком тяжело. Будучи еще в отдаленных местностях, я кое-что из писем родных узнал за Ваше геройство и в душе восхищался, Да Хранит Вас Великая Господня сила от всех несчастий.

Сейчас выжидаю теплоты, а потом пойду странствовать по добыче куска хлеба. Опролетарился до Адамовского костюма, как это можно выразиться, но надо сознаться голода особо не чувствовал.

Эх, дорогой Никон Иванович так это хочется Вас увидеть и поделиться впечатлениями, просто скорбит душа. Сегодня ведь Пятница Масленицы, людишки бегут на Николаевку побазарить, на которой вернее всего найдут одну водку для отравления мозгов, ибо другого не будет продукта.

Молодежь конечно ничего не думает – живя спустя рукава, что другой раз раздражает.

Сегодня получил письмо от дочки Нины, которая печалится за судьбу свою, а именно за то, что ее мужа Лапина отправляют на Дальний Восток, как выражаются в пекло до японцев. Что же – он герой, жалети не приходится, ибо защищать нужно свои области от внешних врагов.

Шлю Вам привет и лучшие благопожелания.

Любящий Вас

Ф. Хомяков.

Sergey V. Smirnov
"People eat people and dogs ..."
(Letters from the Donbass in Harbin 1933-1934.)

Abstract: The publication of two letters of 1933-1934. Addressed NI Old Believers Kukoba in Harbin from relatives caught in the Donbass. The letters contained information about the difficult conditions in which workers were Donbass in the first half of the 1930s.

Keywords: famine in Ukraine in 1932-1933.; construction of the first five.

IV. Историко-литературные опыты

А.В. Гладышев

Гладышев Андрей Владимирович – доцент кафедры нового и новейшего времени Саратовского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

ПИСЬМА НА РОДИНУ

Аннотация: Автор, прибегнув к эпистолярному жанру, описывает особенности русского восприятия исторических и культурных реалий Франции. Особое внимание уделено обсуждению проблем истории Франции времен Старого порядка и Революции в ходе международного коллоквиума, состоявшегося в Гренобле.

Ключевые слова: историко-культурные достопримечательности Гренобля; историография Франции Старого порядка и Революции.

Письмо №1

Как может пройти ваша командировка, если она началась с того, что из аэропорта в город вас вез таксист-транссексуал? Конечно, многие из вас вообще не видели настоящих транссексуалов – здоровущих мужиков ростом под два метра с длинными кудрявыми волосами, весьма впечатляющими по размеру сиськами и тоненьким писклявым голосом кастрата - и потому, как и я, вполне могли бы растеряться: как к нему следует обращаться «месье» или «мадам» (сам он, как потом выяснилось, предпочитает: «мадам»). У нас еще, кажется, нет таксистов-транссексуалов (может быть, я конечно не столь уж и часто езжу на такси?) и потому это первое впечатление от встречи с Парижем оказалось довольно волнительным. Но давайте не будем из этого маленького казуса делать «примету» и занесем пункт «встреча с таксистом-транссексуалом в аэропорту Шарль де Голль-2» в графу «случайность».

Теперь об апартаментах... Где-то в Париже, между каналом Сен-Мартен и Восточным вокзалом, есть небольшая улочка носящая имя известного деятеля Парижской коммуны 1871 г. Эжена Варлена. На пятом этаже одного из построенных еще в XIX веке домов и расположилась небольшая двухкомнатная квартирка, в которой ваш покорный

слуга нашел отдохновение и кров. Об «ассансёрах» - лифтах – отдельно. Отдельно, потому, что вместе никак нельзя. Просто не получится физически. Узенькая винтовая лестница круто взмывает куда-то в темноту (капиталисты экономные, от того и богатые), обвивая шахту лифта. Мило, чисто, консьерж, всем «бонжур», но сразу понимаешь – маленькая страна. Лифт таких размеров, что двум гетеросексуально ориентированным мужикам просто неловко ездить в нем, не втягивая живот. То ли французские батоны – багеты – подгоняли под размеры лифта, то ли лифт под длину батона, но получилось и там и там 50 см, а в ширину – и того меньше, около 30. Хоть официально и считается, что в этом лифте могут ехать одновременно 3 француза (во всяком случае, так гласит табличка), но без умения открывать попой дверь вам там и вдвоем делать нечего. Одним словом, я бы свою подружку в лифт с соседом не пустил... Но то ж Франция!

Сама квартира, особенно ее меблировка, больше напомнили мне музей или лавку антиквара. Даже не верится, что все это не только можно трогать руками, но и использовать по прямому назначению. Двухспальная кровать «а ля Людовик XVI», какая-то то ли «банкетка», то «оттоманка» в стиле «ампир» (в силу своей девственности в вопросах антикварной мебели я не могу быть сейчас более точен), столики, комодики, тумбочки, настольные лампы, вазочки, коврики, два камина и зеркала, зеркала, зеркала... Как чуть позже выяснилось, хозяйка оставила список, заверенный в мэрии Парижа, с полным перечнем всей мебели и ее состояния на момент сдачи квартиры обладателям российских паспортов. Натертый воском паркет не только приятно холодит пятки, но и навевал смутную тревогу: не придется ли съезжая с квартиры дополнительно что-то платить хозяйке в качестве компенсации за безвозвратно утраченный продукт французских пчел. Вообще-то это в духе французов, сдающих квартиры (не знаю уж только ли по отношению к русским или же в принципе): предварительно объявляется одна цена, когда вы с вокзала появляетесь в квартире, хозяйка немного «набавляет» (а, куда вы денетесь?!), а в день отъезда вас еще могут попросить оплатить счет либо за электричество, либо за постельное белье, либо за воск для паркета...

Слышимость в старых парижских домах, как в советских панельных. Навязчивые звуки французского аккордеона за стеной навели моего друга А.В., устало возлежащего на оттоманке времен наполеоновской империи и попивающего (без фанатизма!) «Бордо», на размышления о родине: «Представляешь, как херово было здесь русским эмигрантам?». Но эта преждевременная ностальгия была, наверное, оттого, что из окна открывался вид во внутренний дворик, где сиротливо росли три березки...

Впереди нас ждал Гренобль...

Письмо № 2

В Визиле – небольшом городке под Греноблем – на 22-23 сентября было намечено проведение международного colloquium по вопросам советской и французской историографии Старого порядка и Революции, организованного Обществом робеспьеристских исследований, Музеем Французской революции и Институтом истории Французской революции при поддержке Генерального совета департамента Изэр и РГНФ. Это официально. Инициаторами же этого праздника прогрессивной мысли франковедов были Александр Чудинов и Серж Абердам. Российская делегация оказалась весьма представительной (за что спасибо отчасти РГНФ): А. Чудинов, С. Кондратьев, З. Чеканцева, Л. Пименова, Н. Копосов, И. Филиппов, А. Гордон, Д. Бовыкин и автор этих строк. Бурная встреча на Лионском вокзале: «Ах, ах! А, ты помнишь, а ты помнишь?!». Наверное, в Москве так не радуются встрече соотечественника как в Париже; здесь уже присутствует подсознательное ощущение групповой идентичности: «мы» - здесь, а «они» остались в России, и те, кто сейчас здесь – *сейчас* «свои». От чувств некоторые даже позволили себе расцеловаться на французский манер – приложиться щекой поочередно к правой и левой щеке своего визави, не важно, какого он пола.

До Гренобля добирались на так называемом TGV – французской разновидности скоростного поезда. Двухэтажные вагоны, билеты двух классов. Но класс определяется не этажом, а, как и у нас в России, типом вагона. Не надо уточнять в каком классе ехала наша делегация? На втором этаже – мест 60, как в наших электричках, только сидения мягкие, откидные подставки под ноги, откидные же, как в самолете, столики, возможность оставить громоздкий багаж в специально отведенном месте при входе в вагон. Привычного для российских железных дорог перестука на стыке рельсов почти не слышно. Скорость впечатляющая: от Парижа до Гренобля доехали меньше чем за три часа (см. карту), с одной промежуточной остановкой на 2 минуты. Но не думайте, что можно проехать «зайцем»: если надо, поезд могут остановить на каком-нибудь богом забытом полустанке специально для того, чтобы посадить нарушителя, о чем, извиняясь за доставленное беспокойство, пассажирам любезно будет объявлено по громкой связи.

Пейзаж за окном пасторальный. Поля и луга, непременно отгороженные от железной дороги сеткой, чтобы живые кони не мешали железным мчаться со скоростью более ста километров в час. Все зелененькое (едем на Юго-Восток Франции), издалика чистенькое; замкнутое

пространство создает иллюзию уюта. Местность в основном холмистая, нет тех бескрайних просторов паханной, целинной или просто заброшенной земли, которые терзают взор путешественника по Поволжью. По холмам то там то сям разбросаны каменные домики с красными черепичными крышами и всюду коровки, коровки... Пастушка со свирелью не хватает, а, так – картинка!

В Гренобль мы прибыли часов в 8 вечера и разместились в «Альпийском отеле», что в двух кварталах от вокзала. Не знаю, по какой причине, но мне первому было предложено пройти на «ресепшн» и получить номер (поэтому-то, наверное, мне единственному и достался номер с ванной и биде, а не душем). Сразу же у стойки портье меня радостно приветствовал какой-то господин, которого я было принял (любопытно было бы это объяснить с точки зрения аберрации сознания) за хозяина отеля. Он долго тряс руку, улыбался, вероятно, принимая меня, так как я шел первым, за особо важную персону. Как тут не вспомнишь «Ревизора»? Потом выяснилось, что это был Сергей (именно так, а не «Серж» - на то есть свои интимные причины) Бьянки, второй человек в иерархии Робеспьеристского общества, очень жизнерадостный и темпераментный продукт смешения итальянской и русской крови.

Отель класса «две звезды» описывать нет смысла, за исключением одной экзотичной детали, которая, на мой взгляд, хорошо отражает разницу культур, менталитетов человека Запада (француза) и человека Востока (русского). Человек, привыкший щуриться в поисках горизонта и не имеющий нужды экономить на пространстве, не склонен экономить и на воде. Француз же умывание под *проточной* водой сочтет варварской расточительностью; все раковины и в домах, и в номерах отелей снабжены специальными заглушками: набрал раковину воды – и плещись себе! Не знаю, может быть, то не мывшиеся месяцами кочевники так берегли воду, нынешние же «россияне», конечно, этими заглушками пренебрегают. Но в «Альпийском отеле» явно не ждали гостей с Востока: в ванной комнате кран был расположен таким образом, что струя воды буквально лишь на один палец отступала от стенки раковины. Плескаться из раковины удобно, но набрать в таких условиях хотя бы пригоршню *проточной* воды – надо изловчиться!

Это небольшое расхождение во взглядах на культуру водопользования было успешно преодолено благодаря культуре винопития. Серж Абердам повел нас ужинать в соседний ресторан, где под белые и розовые вина провинции Дофинэ (см. карту Франции) мы поглощали, кто улиток, кто лягушек. Россияне, не бойтесь! Они съедобные: если не знать, что ешь, то можно подумать, что «цыплята сегодня уж больно мелковаты, но, зараза, как-то необыкновенно вкусны!» Я как-то пару лет назад сам готовил в Париже лягушек, не ведая никаких рецептов –

по наитию, и теперь мне было любопытно сравнить, какими они выйдут из под рук гренобльских профессионалов. Кстати, не думайте, что лягушками во Франции кормят на каждом шагу. В Париже еще надо поискать ресторан, который был бы вам по карману и в котором вас угостили бы этим «чисто французским блюдом». Сеть бельгийских ресторанчиков «Леон де Брюссель», предлагающих широкий ассортимент «мулей» - мидий – это пожалуйста. А, вот, лягушки... Я даже не знаю, что вам порекомендовать.

Сон наевшегося гренобльских квакушек чуток и беспокоен: все-таки не стоит чрезмерно баловаться непривычными для желудка блюдами вдали от дома. Тем более что назавтра надо было рано вставать: впереди нас ждал Визиль...

Письмо № 3

Визиль – «двери» в Гренобль - расположен в 16 км от бывшей столицы зимних олимпийских игр. Городок стоит на той дороге, по которой некогда шел в шинели нараспашку, в окружении лишь нескольких десятков верных гвардейцев еще только начинавший свой «полет орла» бежавший с Эльбы Наполеон. Сегодня городок известен как природный и культурный центр национального значения.

Туристы, приехавшие в Гренобль покататься на горных лыжах (за редким исключением, этим занятием здесь можно заниматься круглый год), могут попутно посетить в Визиле парк животных (просторный вольер предусмотрительно отгорожен от остальной части парка сеткой), розарий, прогуляться по растительному парку, занимающему около сотни гектаров, постоять на берегу речушки, в прозрачных водах которой видны здоровущие зеркальные карпы и юркая форель, покормить уток и лебедей, да просто поглазеть на мелководье многочисленных каналов пересекающих парк в различных направлениях. Небольшой водопадик, старинная водяная мельница, даже сам вход в парк через громадные каменные ворота, запирающиеся на ночь - все призвано создать настроение... И все это в почти сплошном кольце зеленых гор. Братцы! Да это ж Альпы!.. Ну, хорошо - «предгорья» Альп. Посреди всего этого великолепия природы – замок, основание которого было, как водится, заложено еще в далеком средневековье, а стены изрядно обновлены в XVII веке, когда перешли во владение герцога Ледигьера, друга Генриха IV и последнего коннетабля Франции. С конца XVIII в. (1780 г.) замком владела буржуазная фамилия Перье, в 1788 г. здесь заседало Собрание трех сословий Дофинэ.

Перо выпадает из ослабевших рук и слова отказываются ложиться на бумагу, ибо все они слишком бедны, чтобы передать чистоту горного воздуха или величие замковых башен...

Сегодня в замке расположен Музей Французской революции и Центр документации-библиотека им. А. Соболя (так он официально называется с 2005 г.). Центр документации был открыт в замке в 1983 г., музей - в 1984 г. и история их открытия весьма любопытна.

С 1924 по 1972 гг. замок был отведен под резиденцию президента Французской республики. Но, когда не любивший горы президент Франции Жорж Помпиду выразился в том смысле, что никогда его ноги не будет на ступеньках Визиля, в 1973 г. замок перешел во владение Генерального совета департамента Изэр и должен был быть продан под отель. Эти планы дошли до «великого и ужасного» А. Соболя, который воспользовался своими связями в парламенте, и замок за символическую сумму в один франк был продан в виду приближающегося 200-летия Революции под музей.

Сегодня библиотека Центра насчитывает около 25 000 томов. В основе собрания лежат переданные сюда библиотеки А. Соболя, Ж. Годшо, Ж.-Р. Сюратто, Р. Барни. Богатое собрание книг и документов по истории искусства конца XVIII и особенно по истории Революции: в библиотеке имеется 3 500 книг, изданных за период с 1750 по 1810 гг.

Музей Французской революции – это скульптура, фарфор, мебель, костюмы, предметы обихода эпохи революции. Живопись – в основном XIX века. В зале, где мы обедали, живопись какая-то антиреволюционная, «не марксистская»: то сцена ужасного убийства бедняжки принцессы Ламбаль, то знаменитая история «Вставайте, Капет!» с изможденным и каким-то сине-серым малолетним Людовиком XVII, подвергавшимся издевательствам со стороны своих стражей, то какой-то дикий, распоясавшийся Марат, взывающий к упитанному Дантону и унылому Робеспьеру, то Шарлотта Корде в белых одеждах (как символ чистоты?) со спокойствием взирает на только что заколотого ею в ванне Марата, то благородная Мария Антуанетта с достоинством едущая на гильотину... Приятного вам аппетита, ситуаны и сеньоры!

Но дух старины есть дух старины! Будете в Визиле, пройдите по тесным каменным переходам стоящего на скале замка, где за каждой кованой дверью вас, кажется, поджидает история, где шпага Сийеса соседствует с трубочкой неизвестного санкюлота. Мы же сейчас не будем задерживаться у знаменитой скульптуры «Карманьола» и поспешим в зал заседаний. Впереди нас ждут господа и камарады французы...

Письмо № 4

Остап Ибрагимович! Только ты и сможешь мне поверить. В последнее время с Вовелем стало совершенно невозможно спорить, он

превратился в «лапу» и «душку» и во всем соглашается со своими оппонентами. Другое дело Мазорик! Пороховой дым прежних битв еще шкочет его поздри. И, если Мазорик только говорит о необходимости рано или поздно «собирать камни», то Вовель к этому, кажется, уже приступил...

Но, кроме шуток, состав коллоквиума получился весьма представительный. Помимо Вовеля и Мазорика, которые уже ближе к «юрисдикции» сидящего на плече Одина ворона Хогина, целый ряд французских коллег осеняют крылья другого ворона - Могина. Жан-Клеман Мартен, директор Института французской революции, президент Общества робеспьеристских исследований Филипп Бурден и его заместитель Сергей Бьянки, профессор Валансьенского университета Тамара Кондратьева, хранительница Национального архива Франции Франсуаза Хильдешаймер, Кристиан Жуо, Кристоф Бланки (кажется, это он сегодня во многом определяет политику редакции «Аннал историк де ля револуьсон франсэз»), главный историк во французском аналоге нашей «Тимирязевки» Серж Абердам, директор Музея Французской революции Ален Шевалье, Роже Дюпюи (крупнейший в мире специалист по Вандее после С.Е. Летчфорда) и другие великие.

Не буду пересказывать доклады, вы, наверняка, прочитаете их, и не раз. Остановлюсь (кратко) на дискуссии... Дискуссия была необыкновенно плодотворной:

Жан-Клеман Мартен призвал делать «больше бемолей в исторических оценках»... С этим предложением все нелишенные музыкального слуха молча согласились. Тогда для «разогрева» Игорь Филиппов сообщил, что в фамилии Люблинская ударение следует делать не на «ю», а на «и», ибо муж ее был польским евреем из Люблина... Мазорик возмутился по поводу того, зачем сводить всю «левую» историографию исключительно к советской. Л. Пименова, чутко уловив нюансы методологии, совершенно справедливо попеняла всем, кто «часто пишет, но практически не исследует» (этим, добавлю от себя, весьма грешат и саратовские «ученые»). Серж Абердам обозвал Поршнева «пастором советской науки»... Мазорик выразил удивление, почему Поршневу всегда казался человеком открытым, а на этом коллоквиуме его представляют догматиком... Копосов заочно согласился со своей женой Хапаевой в том, что кризис глобальной истории связан с другим пониманием времени и т.д. Мазорик назвал социальную историю тем «мертвецом, который не дает нам покоя»... З. Чеканцева возразила, что «кризис» историка – это состояние, когда он не может справиться с настоящим... Мазорик поинтересовался в том смысле, умер ли Поршневу или нет, ибо странно, что мы до сих пор пережевываем то, что он там сказал 40 лет назад... Копосов призвал историографов больше внимания

уделять «явлениям коллективной самокастрации». Мазорик уточнил: Кобб на слоне лет стал все больше сползать к национализму и проэволюционировал от левого монархиста до правого анархиста... Серж Бьянки рассказал историю про то, как Далина кто-то из французских коллег попросил написать отзыв на свою книгу о культурной революции, а тот, прочитав ее, заметил: «Все хорошо, но термин "культурная революция" надо бы заменить. Уж больно Китай напоминает». Когда же ему возразили, что, мол, это вообще-то ленинское выражение, Далин согласился: «Ленинское? Ну, тогда все в порядке»... Вовель похвалил доклад Чудинова, а К. Мазорик всем напомнил, что знал Адо лет 30... И т.д. и т.п.

Да, ну их всех к чёрту! Есть хочется. Скорей бы отужинать да вернуться в Гренобль, ибо нас ждет впереди Последняя Ночь...

Письмо № 5

Для приготовления «кира» вам понадобится «касис» и сухое белое вино, лучше шампанское «брют» (французы вообще не понимают, как шампанское может быть «полусухим» или «полусладким?»). «Касис» - нечто вроде ликёра из чёрной смородины. Плесните его на палец-два в узкий стопятидесятиграммовый бокальчик и долейте доверху шампанским – получите этот самый «кир». Нечто вроде аперитива, в ожидании ужина. Подавать можно с разнообразными тартинками, предпочтительно с улитками, запеченными в маленьких корзиночках из слоеного теста и посыпанными зеленью. Особенно хорошо он пьется на балюстраде Визильского замка, когда солнце медленно закатывается за отроги Альп и лебеди, озабоченно курлыкая, торопятся устроиться на ночлег. Еще тепло, но уже чувствуется прохлада от реки, берущей начало где-то в швейцарских ледниках. Вот, служащие отворили двери во внутренние покои, откуда пахнуло старинной мебелью и картинами. Последние посетители покидают парк, тишина и спокойствие опускаются на замок. Лишь вековые сосны и платаны тихо поскрипывают на ветру, да из обеденной залы доносится легкий, но обнадеживающий перезвон бокалов и приборов, расставляемых к ужину официантами.

Ужин (как, впрочем, и обед) организован по типу «шведского стола»: подходи, и тебе положат, чего попросишь. Если не знаете, как называется тот или другой деликатес, просто ткните в его направлении пальцем и скажите «са». Помните об одном (умоляю, помните!): *фугагра* необходимо запивать только белым эльзасским «Сотерн»! Иначе всё пропало. Иначе зря французский гусь сидел в мешке без движения и усиленно питался, отращивая свою печень! Вино это дорогое, так что советую сразу проникнуться («добавки» не дадут). Отведав его, лучше

понимаешь, почему Франция столь упорно добивалась возвращения Эльзаса, потерянного после франко-прусской войны. Что касается собственно фуагра, то его рекомендуется намазывать на тоненькие слегка обжаренные треугольнички хлеба, добавляя по вкусу сопровождающее ее желе. Блюдо это весьма плотное и сытное, не переусердствуйте – собственно ужин еще впереди.

Красные вина Дофинэ не отличаются богатством букета. Скорее они вызывают образ альпийского пастуха, прыгающего по горам за козами с сыром за пазухой. Но секрет их в том, с какими блюдами они сочетаются! Да еще, пожалуй, в них как-то по-особому тепло отражается свет громадных хрустальных люстр зала приемов Визильского замка. Несколько круглых столов на шесть персон каждый, попеременно русская и французская речь, приглушенный смех, умение оперировать исключительно холодными закусками, и печальный пастор, взирающий на вас со стены, печальный то ли от дум о душе Марии Антуанетты, то ли от иных каких дум, о том, что ждет нас впереди...

Письмо № 6

Осознал я себя в стеклянном шаре, плавно скользящем на высоте 200 м по ниточке каната над бурными водами быстрого Изера. Это был не сон и от того слегка потели ладони, и вспоминалась мама, которой я, как всегда, перед отъездом не успел сказать самого главного. На пол я старался не смотреть: под ногами ничего не было. Нет, конечно, кое-что рассмотреть было возможно. Сквозь стеклянный пол шара я мог наблюдать куда-то спешащих людей-муравьишек, их игрушечные домики и машинки. Но для душевного равновесия человека, не привыкшего к полетам, все же предпочтительнее зафиксировать взгляд на стремительно заходящем солнце, которое, окрашивая раскинувшийся под ногами город в багровые и оранжевые тона, непредсказуемо играло тенями, что придавало всему происходящему со мной немного infernalную интонацию. Гренобль стремительно тонул во мгле, а я возносился к мерцающей в последних отблесках заката горе Бастиль.

Когда переправа на фуникулере с левого берега Изера на правый завершилась без потерь в личном составе, перед нами открылась волнующая панорама ночного Гренобля. Описать представшую нашим глазам картину бесконечно сложно, ибо эмоций много, а словарный запас автора с тургеневским не сравним. Ну, а коль «от нашего описания луга не пахнет», будем придерживаться «фактов» (пусть и не тех, что призывал искать Леопольд фон Ранке, но хотя бы тех, что удовлетворяли Яна Вансину и Томпсона)...

Гренобль расположен на высоте примерно 200 м над уровнем моря, мы же поднялись еще метров на 300. Здесь на склонах горы с показательным названием Бастиль расположилась цитадель Рабо, где ранее находились казармы местного гарнизона, а ныне открыты ресторанчики и сувенирные лавочки. Маленькая гора Бастиль – область больших открытий. Это неотъемлемый образ Гренобля. Это не самая доминирующая высота, но только отсюда виден на востоке Монблан, а на юге - Обиу. Отсюда вы можете наблюдать снежные вершины хребта Белладонна.

Танцоры, певцы, музыканты, комедианты – днем все для туристов, которым предлагаются несколько пеших маршрутов. Вы можете осмотреть бастионы, полюбоваться смешением альпийских и средиземноморских растений, а наиболее смелые могут продолжить прогулку в горы и через 3-4 часа полюбоваться Мемориалом альпийским стрелкам. Но еще лучше вам примерно за 15 евро отужинать «У пэр Грас». Ночью здесь царство философов и романтиков. Непроизвольно вы начинаете говорить вполголоса, чтобы не помешать соседу думать о чем-то возвышенном, неподвижно устремив взгляд на море огней, разлившееся в чаше окружающих его гор.

Возращение в цивилизацию ознаменовалось небольшой прогулкой по центру старого Гренобля, которая, как нетрудно догадаться проницательному читателю, закончилась в одном из пунктов общественного питания...

На площади Святого Андрея (судьба!), прямо напротив дворца эпохи Ренессанса, где до Революции заседал парламент провинции Дофинэ, расположилось старейшее кафе города «Кафе Табль ронд». Оно было открыто еще в 1739 г. В этом историческом месте за «круглым столом» в свое время побывали многие великие - Тальони, Тальма, Сара Бернар, Фернандель, Софии Демарэ – и еще больше люда относительно простого, который известен только узкому кругу специалистов. Местные легенды доносят до нас разные случаи, связанные с этим кафе. Французы умеют из всего сделать рекламу. Якобы, в этом кафе в свое время побывал Бернадот (будущий революционер, маршал Наполеона и король Швеции). И не просто побывал, а, как гласит, рекламный проспектик, «соблазнил местную официантку»... Нас же обслуживали молодые парни... Но давайте верить в чудеса: лет через пятьдесят вы увидите мимоходом в это кафе и прочитаете среди вышеуказанных имен...

Только никогда (даже расчувствовавшись от знакомого имени) не заказывайте там фондю! Это просто швейцарским пастухам на смех! Фондю – смешение различных сортов сыра – подается в кастрюльке на спиртовке: медленный огонь должен поддерживать сыр в расплавленном состоянии. Вы же макаете в него кусочки хлеба, картошки, постной

ветчины и накручиваете сыр на вилку... Это сытно и довольно весело. Когда же вам подали фондю всего лишь в теплой фарфоровой мисочке, то поневоле приходится так спешить (сыр быстро застывает), что еле успеваешь запить его стаканчиком белого вина (это то же хитрость, полезная для пищеварения – именно *белого* вина!).

Потом гуляли по городу, все куда-то порастерялись и неугомонный Н. Копосов (автор бестселлера «Как думают историки?») и знаменитых «Кошек»), узнав, что я еще никогда не пробовал «граппу» (а, как этой же ночью выяснилось, и множество других напитков заграничного производства) обрел во мне верного и безотказного партнера, которому все было в диковинку: и послушать байки, и выпить чего-то нового и труднопроизносимого. Выяснилось, «граппу» нужно пить непременно охлажденной: бокал с этой итальянской чачей должен лежать под углом в 30 градусов в емкости со льдом и только тогда вкус ее будет безукоризненно правильным. На мой вопрос ребром: «Продолжаем здесь или же обойдем, сколько можем», Копосов, воодушевлено (наверное, от моей сообразительности) бросил: «Гениально»... Гренобль оказался городом довольно большим, со множеством работающих круглую ночь заведений. Ночь летела нам под ноги, мы бежали впереди догоняющего нас солнца... Утро неумолимо твердило: пора назад, пора «домой», в Париж, в Париж...

Andey V. Gladyshev
LETTERS TO HOME

Abstract: The publication of two letters of 1933-1934. Addressed to Old Believers Kukoba in Harbin from relatives caught in the Donbass. The letters contained information about the difficult conditions in which workers were Donbass in the first half of the 1930s.

Keywords: famine in Ukraine in 1932-1933.; construction of the first five.

Л.С. Слободяник

Слободяник Лада Сергеевна – докторант Высшей школы экономики (г. Прага).

ПРАЖСКАЯ ОСЕНЬ 1787 ГОДА В ЖИЗНИ В.А. МОЦАРТА

Аннотация: Автор в изящной литературной форме попыталась реконструировать обстоятельства пребывания В.А. Моцарта в Праге в 1787

г., куда он приехал для постановки оперы «Дон Жуан». Дано описание Праги 80-х гг. XVIII в. Особое внимание уделено жизни Моцарта в поместье Душковых Бертрамке и личности Йозефины Душковой.

Ключевые слова: В.А. Моцарт; постановка оперы «Дон Жуан»; Йозефина Душкова; история Праги.

Счастье – это когда тебя понимают
Г. Полонский

Знакомы ли вы с пражским дождем? Говорят, что самый романтический и нежный дождь идет только в Париже. Может быть... И все же парижский дождь по-своему капризен, своеволен и напорист. Дождь в Праге же всегда спокоен, тих, как будто приглушен. Он не стучит по крышам, мостовым, не баламутит листву деревьев, нет, он тихо шелестит, шуршит, нашептывает, как рыцарь нашептывает даме своего сердца слова любви... Пражский дождь...

Быть может, теплым октябрьским вечером 1787 года у приоткрытого окна своей комнаты в усадьбе Бертрамке стоял Моцарт и слушал шелест пражского дождя.

Это не был его первый приезд в Прагу. Он уже побывал здесь в январе. Он приехал по приглашению нового пражского театрального антрепренера Паскуаля Бондини. В моду вновь стали входить «итальянские» оперы, а итальянец Бондини, с детства привыкший дышать пылью кулис, как нельзя лучше смог справиться с задачей постановки на пражской сцене «Женитьбы Фигаро»². Премьера с небывалым успехом прошла в декабре 1786 года. Пражане всю зиму только и говорили что о великом творении «герра Моцарда». Везде – в тавернах, парках и на улицах, в домашних театрах и на концертах – звучали великолепные мелодии из оперы Моцарта, мелодии, превратившиеся в поистине народные песенки и польки. Поэтому ничего удивительного не было в том, что у Бондини родилась идея пригласить знаменитого композитора в Прагу. И в январе тот приехал...

² «Женитьба Фигаро» (*Le nozze di Figaro ossia la folle giornata*) — опера-буфф Моцарта на итальянском языке, написанная на либретто Лоренцо да Понте по одноимённой пьесе Бомарше.

Опера-буффа (итал. *opera buffa* — «шуточная опера») — итальянская комическая опера. Возникла в XVIII веке на основе интермедий и народно-бытовой песенной традиции. Для этого жанра характерны небольшие масштабы, 2-3 действующих лица, весёлая буффонада, подвижность действия, пародия, яркая, живая жанровая мелодика, ясность стиля. Опера-буффа основывалась на бытовых сюжетах, нередко приобретавших сатирическую окраску.

А сейчас он был в Праге уже во второй раз. Уже во второй раз... Как порой трудно предугадать повороты судьбы. Моцарта многое связывало с Богемией³, с чешской культурой и с чешской музыкальной традицией. Еще маленьким мальчиком Вольфганг побывал в Мораве, в городе, который сейчас носит название Оломоуц⁴. Туда семья Моцартов была вынуждена уехать из-за начавшейся в Вене эпидемии оспы. Юный композитор, к сожалению, тоже не избежал болезни, но влиятельный друг его отца, граф Подстатский, ректор оломоуцкого университета, оказал семье в нужную минуту поддержку, и мальчика вылечили. Восемь недель они провели в этом небольшом, но уютном городке, а затем перебрались в Брно, где остались на Рождество. В тот раз Моцарт так и не побывал в Праге.

Зато вскоре судьба свела его с замечательным чешским композитором Йозефом Мысливечком. В XVIII веке для молодого талантливого музыканта не было, как бы сейчас сказали, перспективным оставаться в провинциальной Праге или другом небольшом богемском городке. Оставаться значило прозябать. Чешские народные мелодии считались чем-то отсталым и деревенским, равнение шло на итальянскую традицию. И поэтому все стремились вырваться из родных мест на «европейскую» волю. Верхом желаний было найти место при королевском дворе Италии, Швеции, Голландии или уехать в Вену. Йозеф Мысливечек не был исключением. Он родился в пражской семье, в семье простого мельника, но когда у него обнаружился музыкальный талант, он уехал в Италию, где карьера его неуклонно шла в гору и где его называли Тот самый *Il Voeto*⁵. Моцарт познакомился с ним еще в конце марта 1770 г. в Болонье. Молодой Мысливечек в ту пору был на вершине славы, его буквально носили на руках, и его оперы ставились во Флоренции, Пар-

³ Следует напомнить, что на территории современной Чехии ранее располагалось Королевство Богемия. Формально оно было образовано в 1212 году императором Священной Римской империи Фридрихом II после подписания Сицилийской золотой буллы, входило в состав Священной Римской империи вплоть до её распада в 1806 году, затем стало частью Австрийской империи. Богемия была ликвидирована только в 1918 году, вместе с падением Австро-Венгрии.

⁴ *Оломоуц* (чеш. Olomouc) — город в Чехии, центр Оломоуцкого края, находится в восточной части Чехии, в центре исторического региона Моравия на обоих берегах реки Моравы. В городе живёт около ста тысяч жителей. Город Оломоуц основан в 1253 году. В своё время он был столицей Моравского государства. В настоящее время Оломоуц считается одним из красивейших старинных городов Чехии с богатой культурной жизнью. Часто говорят, что Оломоуц — это вторая Прага, только более тихая и спокойная. В Оломоуце находятся резиденция архиепископа, второй старейший в республике университет — университет Палацкого, штаб сухопутных войск Чехии и целый ряд культурных и государственных учреждений. Особой изюминкой города Оломоуца стали просторные площади с фонтанами, построенными в стиле барокко в начале XVIII века.

⁵ *Il Voeto* — в переводе с итальянского означает «чех».

ме, Турине, Венеции, Риме, Неаполе. Однако он не занесся от такого успеха, и при знакомстве с 14-летним Вольфгангом смог по достоинству оценить его необыкновенный талант. Так началась их дружба. Дружба, которая сыграла большую роль не только в признании Моцарта в мире музыки, но и в самом творчестве великого композитора, так как именно Мысливечек наряду с И.Х.Бахом и Й.Гайдном⁶ оказал очень сильное влияние на творческий почерк Вольфганга. Особенно хорошо это чувствуется в мелодике его концертов. А некоторые пассажи в произведениях Мысливечка и Моцарта практически невозможно отличить друг от друга.

Мысливечек неоднократно звал своего друга в Прагу, даже предлагал написать для него рекомендательное письмо к графу Пахте⁷, и кто знает, как бы сложилась жизнь Моцарта, если бы он тогда принял это предложение. Но пока у Вольфганга поездка в Богемию в планы не входила. Слишком много обязанностей, дел и проблем удерживало его в Зальцбурге.

Да и чем его могла привлекать провинциальная, тихая Прага, где не было королевского двора, а капеллы пражских аристократов и так были полны талантливых музыкантов. Хотя в конце XVIII века Прага была вторым по величине городом империи Габсбургов, населения там было около 80 тысяч человек, а домов насчитывалось около 3 тысяч, превосходила ее по масштабам только имперская Вена, все равно это была провинция. Не глухая, но провинция.

Да и настоящим городом Прага стала только 12 февраля 1784 года, когда четыре района: Старый город, Пражский град, Мала Страна и

⁶ *Иоганн Христиан Бах* – композитор эпохи классицизма, одиннадцатый и самый младший сын Иоганна Себастьяна Баха. Также известен как «Лондонский Бах», или «Английский Бах», так как прожил некоторое время в Лондоне. Талантливый композитор, он показал себя позже и как музыкант. Сочинял кантаты, камерную музыку, клавирные и оркестровые композиции, оперы и симфонии.

Франц Йозеф Гайдн – австрийский композитор, представитель венской классической школы, один из основоположников таких музыкальных жанров, как симфония и струнный квартет. В области инструментальной музыки он по справедливости считается одним из крупнейших композиторов второй половины XVIII и начала XIX веков.

⁷ *Графы Пахта* – один знатных чешских родов. Граф Арношт Карел Пахта был большим любителем музыки и себе на службу принимал только тех, у кого было музыкальное образование. Так ему удалось собрать музыкантов, которые впоследствии создали знаменитую Цитлибскую школу композиторов.

Граф Ян Йозеф Пахта также был неравнодушен к музыке. Легенда гласит, что однажды к нему на бал зашел Моцарт и надолго остался гостем в его доме, написав по заказу хозяина свои знаменитые «Шесть немецких танцев К 509».

Новый город⁸, ранее обладавшие разными функциями и привилегиями, были объединены декретом императора в одно, выражаясь современным языком, муниципальное образование. После этого Прагой стал управлять мэр с помощью двух заместителей и трех советов – по делам законодательным, финансовым и криминальным. Но все равно город был настолько мал, что вдоль городской стены его можно было обойти всего за четыре часа. Да, в то время вокруг Праги еще стояли стены, и был крепостной вал: отголоски страшных войн – Гуситской и Тридцатилетней, которые оставили немало шрамов на городском ландшафте – некоторые части города по-прежнему лежали в руинах, многие церкви и монастыри стояли пустыми, полуразрушенными. По-прежнему единственным мостом, соединяющим берега Влтавы, был мост Карла IV, построенный еще в XIV веке. И по-прежнему, чтобы пройти по нему и попасть в другую часть города, необходимо было заплатить специальную пошлину.

Поскольку город был окружен стеной, то попасть внутрь можно было только через ворота. Их было четыре. Моцарт въезжал в Прагу через Новые ворота, находившиеся недалеко от площади Республики в Новом городе. Путешественники, прибывавшие из Берлина или Дрездена, попадали в город через Страховские ворота, из Мюнхена – через ворота Уезд. На границе с Виноградными Горами, там, где сейчас стоит Национальный музей, располагались Конские ворота⁹. Сегодня об этих воротах напоминают лишь их названия, которые уже растворились в именах городских улиц и переулков.

В XVIII же веке Прага напоминала больше средневековый городок, чем один из центров Восточной Европы. Ее узкие кривые улочки были темными и грязными, освещались всего несколькими сотнями

⁸ *Старый город* (чеш. Staré Město) – исторический район Праги, расположенный в излучине реки Влтавы, благодаря чему хорошо защищен.

Пражский град (чеш. Pražský hrad) – крепость города Праги в районе Градчаны, аналог восточнославянского кремля, сегодня административный район города, резиденция президента Чехии, ранее — чешских королей, некоторых императоров Священной Римской империи, президентов Чехословакии, имперских протекторов Богемии и Моравии). Самая большая по площади президентская резиденция в мире, возможно, также самый большой в мире замок.

Мала Страна (чеш. Malá Strana) – Пражский малый град, исторический район Праги, расположенный ниже Градчан и соединенный с ядром города Карловым мостом.

Новый город (чеш. Nové Město) – исторический район Праги, был основан в 1348 году Карлом IV на месте еще более древних поселений, и его история насчитывает более 650 лет. Район был заложен, чтобы объединить Старое Место и Вышеград – древнюю крепость, расположенную на холме над Влтавой к югу от центра города.

⁹ Об истории Виноградных Гор см.: Слободяник Л.С. Опьянение чешским прошлым, или немного из истории Королевских Виноградников // Запад, Восток и Россия: историк и время: Вопросы всеобщей истории – Вып. 11/ Екатеринбург, 2009. С. 169-177.

масляных ламп. Только в 1787 году улицы начали подметать, и делали это заключенные. Ночами здесь было тихо. Да и мало кто осмеливался выходить из дому после полуночи. Ночная тишина нарушалась только криками караульного, стоящего в дозоре на крепостном валу.

Но все же понемногу город начинал меняться. После объединения районов Праги был создан специальный комитет по ее благоустройству. Начали заполняться рвы вокруг старых укреплений, была создана дорога вдоль улицы Фердинанда¹⁰, доходящая прямо до Влтавы. Вскоре стало очень модным нанимать карету и кататься вдоль новых улиц по расширяющемуся городу, а потом заходить в кофейню и выпивать там чашечку турецкого кофе, к которому пражане очень пристрастились. Но тем, кому все же кофе не нравился, в тех же кофейнях предлагался чай, пуанш, лимонад, миндальное молоко и шоколад.

Правда, несмотря на эти изменения, Прага продолжала оставаться провинцией. А молодой Вольфганг мечтал о свободе, о самостоятельной жизни, о славе, о признании при дворе, о любви. И все эти мечты и надежды он связывал с блистательной Веной. Он был уверен, что должен жить именно там. Он полагал, что если человеку удастся добиться успеха в Вене, то он добьется его везде.

Нет, Прага Моцарта совсем не влекла, не влекла, невзирая на то, что она была родным городом не только его учителя Мысливечка, но и других его друзей и коллег. На протяжении всей жизни в его окружении было множество чешских музыкантов и певцов. Например, много лет его хорошим другом был Йозеф Фиала, прекрасный виолончелист, гобоист и неплохой композитор, который тоже, как и Вольфганг, несколько лет служил у зальцбургского архиепископа, а затем вслед за Моцартом перебрался в Вену и даже первое время жил у него, и тот помогал ему найти достойное место. Другим большим другом Вольфганга был известный чех Бенедикт Жак, великолепный тенор, который стал первым исполнителем роли принца Тамино в опере-зингшпиле Моцарта «Волшебная флейта».

Можно еще долго перечислять чешских друзей великого композитора, но, говоря о жизни Моцарта в Праге, необходимо еще сказать о супругах Душковых – Франтишке Ксавьере, композиторе и прекрасном пианисте, и Йозефине, обладательнице великолепного сопрано.

Йозефина Душкова родилась 7 марта 1754 года в семье состоятельного пражского аптекаря Антонина Адальберта Хампехера. А ее мать Мария Доменика Коломба была родом из Зальцбурга. Родственники Йозефины по материнской линии были известны и влиятельны. Например, ее родной дед, господин Вайснер, одно время был зальцбург-

¹⁰ Улица Фердинанда – сегодня улица Национальная (чеш. Národní).

ским казначеем, а потом и мэром этого города. Отец Йозефины был коренной пражанин. Он владел аптекой в доме «У белого единорога», стоявшего на Староместской площади, и перестроенного в 1725 году в барочном стиле. Сама семья жила в доме «У черного солнца», который и сейчас стоит на улице Целетна, одной из центральных пражских улиц, проходящей от Пороховых ворот на площади Республики до Староместской площади¹¹.

17 октября 1776 года 22-летняя Йозефина вышла замуж за 45-летнего Франтишека Ксавьера Душека, преподавателя пения и игры на фортепьяно и известного композитора. Брак был неравным не только из-за разницы в возрасте, но и из-за разницы в материальном положении молодоженов. Пан Душек хоть и был пианистом, признанным во многих странах, известным преподавателем, любимым своими учениками, и тонким композитором, не мог, в отличие от своей супруги, похвастаться хорошим происхождением. Семья его была бедной и жила в маленьком городке Хотеборже¹². Родители были подданными графа Шпорка¹³, который вовремя разглядел в мальчике способности и помог ему получить образование: сначала в иезуитской семинарии, а затем под руководством прекрасного венского пианиста Георга Кристофа Вагенсайля.

В 1777 году супруги Душковы приехали с визитом к бабушке Йозефины в Зальцбург, где и состоялось их знакомство с Моцартом. Вернее, заочно Йозефина, конечно, его знала хорошо, да и поскольку их семьи жили в одном городе, еще двухлетней малышкой она присутствовала на крестинах Вольфганга. И вот почти через двадцать лет они встретились, и Вольфганг сразу был очарован этой неординарной женщиной, ее манерами, ее умом, но больше всего ее голосом, а также ее выразительной и очень эмоциональной манерой исполнения. Йозефине тоже понравился этот немного нескладный, но удивительно живой, та-

¹¹ *Староместская площадь* (чеш. Staroměstské náměstí) – старинная площадь Праги, расположенная в историческом центре города. Место известно ещё с XII века, когда площадь была большим рынком, стоящим на перекрестке европейских торговых путей. В XIII веке площадь стала называться Старым рынком, а с XIV века – Староместский Рынок. В XVIII веке площадь сменила несколько названий – Староместский плац, Большая Староместская площадь, Большая площадь. В 1895 году она получила сегодняшнее официальное название.

¹² *Хотеборже* (чеш. Chotěboř) – небольшой город, расположен на юго-востоке от Праги. Сегодня его население составляет около 10 тыс. человек.

¹³ *Граф Ян Карел Шпорк* – из старинного чешского знатного рода, сын Франтишека Антонина Шпорка, был большим любителем и ценителем музыки. Его отец был известным меценатом, который покровительствовал многим талантливым художникам того времени.

лантливый юноша, и она заверила Леопольда Моцарта, что его сына всегда будет ждать самый дружеский прием в ее пражском доме.

Да, Моцарта и Богемию связывало не так уж мало. И он мог бы и раньше побывать в ее столице. Но все что-то не складывалось, а главное, не было настоящего желания приехать туда. Мысли Вольфганга были заняты другим – устройством своих семейных дел, ведь скоро он стал мужем Констанции Вебер, против брака с которой так категорично выступал его отец. Ему необходимо было не только самому прокладывать свой путь в «большую музыку», бороться с конкурентами и завистниками, но и просто зарабатывать на хлеб насущный.

Ему было трудно. Гораздо труднее, чем он предполагал. Вокруг него было много недоброжелателей, в число которых, кстати, напрасно вписывают Антонио Сальери.

Сальери не было нужды ненавидеть Моцарта. Он настолько пришелся по вкусу императору, он так умел ему польстить, так хорошо улавливал смену его настроений, что его положение было очень прочным. Да, он не гнушался «прислуживаться», а вот Вольфганг не умел и не хотел быть слугой, он достаточно настрадался под игом зальцбургского архиепископа. В то же время и сам император не разделял интереса Моцарта к немецкой музыкальной традиции и не понимал многое из того, что он писал. Так что говорить сейчас о постоянном месте при дворе было просто смешно. А денег не хватало. Жена часто болела, да и несколько экстравагантный образ жизни, к которому Вольфганг уже успел привыкнуть в Вене, давал себя знать. Приходилось участвовать в подписных симфонических концертах, давать частные уроки, ожидая новых заказов на оперы.

Понимая, что так ждать он может очень долго, Моцарт решил написать оперу на понравившийся ему самому сюжет. И он выбрал пьесу Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро»

И вот 1 мая 1786 года состоялась большая венская премьера его «Фигаро» в Венском придворном оперном театре. Публике опера пришлась по душе и ее популярность росла не по дням, а по часам. Однако император Иосиф II, которому не понравилось, что в опере, как и в исходном произведении Бомарше, высмеивается аристократия, посчитал нужным несколько умерить восторги публики, и опера была снята с репертуара в ноябре этого же года. Директор театра Франц Ксавьер Розенберг-Орсини¹⁴ не возражал. Ни у него, ни у группы молодой компо-

¹⁴ Франц Ксавьер Розенберг-Орсини – представитель знатного австрийского рода из юго-восточной Штирии, одного из территориальных княжеств Священной Римской империи и коронной земли Австро-Венгрии.

зитор симпатий не вызывал, его музыка во многом была сложна и непонятна, да и сам он был слишком несговорчив.

Вскоре и венская капризная публика, жадная до новинок и разнообразия, начала искать себе новых фаворитов, и Моцарт снова был позабыт. Да, успех его «Фигаро», пусть и не долгий, в сущности, не изменил его положения. Вольфганг все отчетливее стал понимать, что надежда чего-то добиться по-настоящему здесь, в Вене, слаба, и что будущее его неясно и тоскливо.

Тем временем, в Праге предприимчивый Паскуаль Бондини, ставший вместо немца Карла Вара, попавшего в немилость к императору, консервативно настроенного в пользу итальянской оперы, не упустил возможность осуществить постановку «Женитьбы Фигаро» на пражской сцене. И успех оперы превзошел все его ожидания. Вот тогда-то ему и пришла в голову гениальная идея увеличить сбор театра, пригласив в Прагу самого автора.

И наконец в январе 1787 года Вольфганг побывал в главном городе Богемии. Правда, его друзья Душковы в это время были на гастролях, и ему пришлось остановиться у графа Туна¹⁵. Но зато он уже смог познакомиться и с самим городом, и с его жителями. Он побывал в Клементинуме¹⁶, тогда еще университетской библиотеке, посетил великолепную усадьбу с прекрасным виноградником – Каналку и познакомился с ее хозяином графом Каналом де Малабайла, человеком больших знаний и тонкого ума¹⁷. Он успел побывать на нескольких балах у барона Франтишека Йозефа Бретфельда фон Кроненберга, большого любителя и ценителя музыки. Но главное, он увидел и ощутил, что его музыку поняли, признали и полюбили. Это оказалось лучшим лекарством от всех бед, невзгод и тревог, которые он испытал, и которые еще ждали его впереди. Да, не зря он все же решился на эту поездку.

А тем временем Паскауль Бондини, видя успех оперы «Женитьба Фигаро», удесятирившийся с приездом композитора в Прагу, предложил Моцарту написать новую оперу специально для следующего пражского театрального сезона. И хотя он пообещал ему выплатить гонорар всего в 100 дукатов, Моцарт радостно согласился.

¹⁵ *Граф Тун* – представитель тирольского дворянского рода Тунов-Гогенштайнов, известных меценатов, покровителей искусств, людей в высшей степени просвещенных и образованных.

¹⁶ *Клементинум* (чеш. Klementinum) — комплекс барочных зданий иезуитского коллегиума, который занимает национальная библиотека Чехии. Расположен в пражском квартале Старе-Место. С 1622 г. в Клементинуме располагалась библиотека Карлова университета.

¹⁷ Подробнее о графе Канале и его усадьбе см.: Слободяник Л.С. Опьянение чешским прошлым, или немного из истории Королевских Виноградников.

Ему так понравилось в этом небольшом, но таком уютном городе, что уже не терпелось еще раз приехать туда. Тем более что весной после возвращения из Праги в Вену Моцарт еще более ясно осознал, какой холод окружает его в столице. В теплой атмосфере зимней Праги он словно оттаял и почувствовал себя тем, кем всегда и был, но кем его никогда не признавали – поистине талантливым музыкантом и композитором, чья музыка трогает сердца людей, находит в них самый горячий отклик. Венская публика, конечно, признавала в нем виртуоза, но вот музыку его она не понимала и не принимала. Ситуация усугублялась его отношениями со двором. Император мог бы устроить его судьбу, но гордость и независимый характер Вольфганга только усиливали антипатию, которую Иосиф II начал испытывать к композитору еще в самом начале их знакомства.

Моцарт все это понимал, и ему ничего не оставалось, как постараться смириться со своей судьбой. Утешением ему служила мысль о том, что он будет писать оперу для города, где он нашел такой теплый прием, и где его музыку смогли оценить по достоинству. Но работать он не мог начать, пока не было готово либретто. Было решено в основу оперы положить историю о Доне Жуане. Образ Дона Жуана впервые появляется в пьесе Тирсо де Молина «Севильский обольститель, или Каменный гость»¹⁸. Однако основой для либретто послужила опера «Дон Жуан» Джованни Гаццаниги на либретто Джованни Бертати, поставленная в Венеции 5 февраля 1787, и пьеса «Мщение из гроба» Антонио де Саморы (кон. XVII в.) Написать либретто к опере взялся Лоренцо да Понте¹⁹, который был автором либретто и к «Женитьбе Фигаро», и весьма опытным либреттистом. Поэтому работа продвигалась быстро, и в самом начале июня Моцарт смог приняться за оперу.

¹⁸ «Дон Жуан, или Наказанный развратник» (*Don Giovanni ossia Il dissoluto punito*) — «весёлая драма» (итал. *dramma giocoso*) в двух актах В. А. Моцарта на либретто Лоренцо да Понте.

¹⁹ *Лоренцо да Понте* – известный либреттист, поэт, переводчик, автор 28 либретто к произведениям 11 композиторов, включая оперы Моцарта и Сальери. Родом из городка Ченедо Венецианской республики (сейчас Витторио-Венето). В 1773 году был посвящён в сан священника и несколько лет преподавал в семинарии Тревизо. Однако его радикальные взгляды и распутное поведение привели к изгнанию из Тревизо, а затем и из Венеции, где, по легенде, среди его близких знакомых был сам Казанова. В 1782 году Лоренцо да Понте прибыл в Вену и по ходатайству придворного композитора Антонио Сальери получил место театрального поэта при императорском театре. Здесь да Понте написал три самых известных либретто, положенные на музыку Моцартом: «Женитьба Фигаро», «Дон Жуан» и «Так поступают все». На его счету также либретто к операм Сальери («Талисман», «Богач на день», «Аксур, царь Ормуза», «Пастырь верный», «Цифра»), Йозефа Вайгля, Висенте Мартина-и-Солера и других композиторов. В 1790 г. да Понте потерял работу и уехал в Триест, где познакомился с англичанкой Нэнси Грал, которая вскоре стала его женой. В 1805 году да Понте эмигрировал в Америку.

Она послужила ему утешением в еще одном страшном для него горе – 28 мая умер его горячо любимый отец. Да, между ними могли быть и были несогласия, да, отец был человеком авторитарным и иногда слишком жестким, но Вольфганг был бесконечно благодарен ему, ибо понимал, что все, что тот делал, он делал ради него. И, в сущности, всем, чего он, Моцарт, добился, достиг, он был обязан своему отцу. Чтобы унять в себе боль от этой утраты, Вольфганг с головой погрузился в работу, и к началу октября большая часть оперы была закончена. Осталось написать лишь увертюру, дует Церлины и Мазетто, арию Мазетто *No capito, signor sì* в первом акте и доработать финал акта второго. Все это он собирался сделать в Праге²⁰.

И так в начале сентября Моцарт отправился в свое второе пражское путешествие. В этой осенней поездке его сопровождала только его любимая жена Констанция, которая вновь ждала ребенка. Своего трехлетнего сына они оставили под присмотром няньки в небольшой деревушке под Веной.

Моцарт ждал новой встречи с Прагой. Он сам себе до конца не признавался в том, какое прочное место этот тихий небольшой город успел занять в его сердце. Зимой он не успел еще разглядеть его как следует – все время был занят то в театре, то на балах или раутах. Да и погода не располагала к прогулкам и осмотрам окрестностей. Но тот радушный прием, который ему оказали, то непередаваемое ощущение душевного комфорта, которое он испытал в январе, не отпускало его, и ему очень хотелось испытать его вновь.

К тому же осень выдалась удивительно теплой и мягкой. Дождей было мало. Ветер, прогретый лучами ласкового солнца, прятался в кронах деревьев – золотистых, иногда ржавых, иногда огненных, и шуршал уже опавшими сухими пестрыми листьями. Еще было слышно пение птиц, не спешащих улететь в южные края. Природа казалась умиротворенной, она словно отдыхала от бурной весны и суматошного лета. И эта умиротворенность передавалась и Моцарту. И на его душе впервые за долгие годы было хорошо и спокойно.

Поездка их прошла без приключений и в самом начале октября они прибыли в Прагу. Там Вольфганг и Констанция остановились в небольшом, принадлежавшем супругам Душковым доме под названием «У трех золотых львов» на углу Угольного рынка²¹. Дом этот как нельзя

²⁰ Во время своего второго пражского визита Моцарт написал еще ряд очень важных в его творчестве произведений – Маленькая ночная серенада соль мажор (к 525), Соната для фортепьяно в 4 руки до мажор (к 521), Соната для скрипки и фортепьяно ля мажор (к 526), а также большинство песен.

²¹ Сейчас это место по-прежнему носит название Угольный рынок (Uhelný trh) – пересечение улиц Мартинска (Martinská) и Скоржепка (Skořepka).

лучше подошел Моцарту не только потому, что хозяевами были его друзья, но и потому что он был очень удобно расположен – совсем недалеко от Сословного театра²², где должна была проходить работа над постановкой оперы. Сюда он мог прийти между репетициями, пообедать и отдохнуть, а иногда и переночевать, если в театре приходилось задерживаться далеко за полночь, и не было сил ехать в Бертрамку, загородную виллу Душковых, где в течение теплых месяцев жили Йозефина и Франтишек Ксавьер.

Между тем, 8 октября в Прагу приехал и либреттист да Понте, поселился совсем рядом с Моцартом – в соседнем доме на Угольном рынке. Он должен был помогать Вольфгангу при репетициях, исправляя неточности, недочеты, убирая неподходящие речитативы.

Репетиции «Дон Жуана» отнимали очень много времени, но Моцарт работал без усталости и очень кропотливо – с каждым певцом он аккуратно проходил его партии, с каждым музыкантом разбирал самые трудные пассажи. Иногда приходилось проходить одно и то же место по несколько десятков раз.

Но были в этой тяжелой работе и забавные моменты. Одна певица никак не могла вскрикнуть достаточно естественно и сильно. После многих тщетных повторений Моцарт пошел на сцену, подкрался к ней сзади, неожиданно и довольно грубо схватил ее за руку — она вскрикнула, как нельзя лучше. «Вот так хорошо, – засмеялся Моцарт, – вот так и надо кричать». А у одного трубача тоже никак не выходило одно трудное место, и Моцарт направился к нему, чтобы объяснить, как этот пассаж должен звучать. Трубач обиделся: «Того, что вы хотите, нельзя

²² *Сословный театр* (чеш. Stavovské divadlo) начали строить в 1781 году на площади Карла (ныне Фруктовом рынке – чеш. Ovocný trh). До появления в Праге Сословного театра театральных зданий, где ставились оперы, было всего два. Первым был так называемый «Котцен»-театр, муниципальный театр на верхнем этаже бывшего здания рынка, на улице Ритиршка (чеш. Rytířská). Вторым театром был театр Туна, находившийся на улице, ныне называемой Палатной или Парламентской (чеш. Sněmovní), там, где сегодня расположено здание чешского парламента. Под руководством Паскуале Бондини, известного антрепренера, прославившегося своими постановками в Дрездене, театр Туна стал серьезным конкурентом театру Котцен. К несчастью, впоследствии в театре Туна разгорелся пожар, и его пришлось закрыть.

Здание Сословного театра – великолепного сооружения классицистического стиля – возводилось под руководством обербургграфа королевства Богемия Франтишека Антонина Ностиц-Ринка. Проекта был разработан пражским придворным архитектором Антонином Хаффенкером, благодаря которому театр был построен всего за два года. По замыслу графа Ностица, в театре должны были ставиться итальянские оперы и немецкие пьесы, но вскоре к ним добавились и чешские произведения. В самом начале театр был рассчитан на 1000 зрителей, но потом их число сократили до 659 – для удобства самой публики. До 1798 года театр был известен как Театр графа Ностица, затем он был куплен сословиями Чешского королевства и получил название Королевского Сословного театра.

сделать, и не вам меня учить играть на трубе». «Боже меня избави от этого, – воскликнул Моцарт, – дайте мне ноты, я их исправлю». И он изменил это трудное место.

А вообще Моцарт ужасно уставал все эти дни. Иногда он приходил в свою комнату в пражском доме Душковых и буквально падал на кровать, чтобы хоть немного освежить себя сном. Но в то же время благодаря такой трудной, но безумно интересной работе, благодаря той атмосфере понимания и сотрудничества, которая создалась в театре, благодаря супругам Душковым, чей дом и вилла на этот месяц стали его домом, и где его всегда ждала теплая приятная атмосфера, хороший стол, веселая компания, содержательные беседы, и главное, любовь к музыке и уважение к его творчеству, он никогда еще не чувствовал себя таким энергичным и бодрим. Вдохновение не покидало его.

Иногда, когда все же после трудного дня у него еще оставалось немного сил, он шел пешком в Бертрамку. Солнце начало рано садиться, и к тому времени, когда он пускался в путь, на глубокой синеве неба уже начинали проступать звезды. Вечера были теплыми, почти летними, лишь ветер чуточку охлаждал кожу, освежая его усталое лицо. Он шел по узким кривым улочкам, и слабое эхо разносило стук его каблучков о булыжник, покрывавший мостовые. Он вдыхал аромат осенней листвы, еще сырой от прошедшего утром дождя, и улыбался. Он был счастлив. Дойдя до Влтавы, он любовался блеском звезд, отражающихся в ее глади, а затем, заплатив пошлину, он медленно шел по старому мосту и слушал, как этот и без того тихий город, совсем замер и спит.

Хотя нет, спали не все. В его любимой маленькой кофейне «У Штайница» в районе Мала Страна под Карловым мостом еще бурлила жизнь. Он приходил, его, конечно, все узнавали, но никто не мешал ему сесть за угловой стол и выпить своего любимого пунша. Все уважали его желание отдохнуть и просто помолчать.

Потом он снова пускался в путь и, пройдя ворота Уезд и свернув налево, продолжал идти по каштановым аллеям и вдыхать запах осени и умиротворения. Сумерки сгущались над его головой, опавшие листья шуршали под его ногами, а впереди его ждал уютный приветливый дом. Через полчаса он добирался до ворот Бертрамки, слева от которых для него всегда была открыта маленькая дверь. В доме ему были отведены две комнаты – спальня и кабинет, где он мог заниматься. Здесь был огромный сад, где он мог уединиться, и, сидя за большим каменным столом, ловить потоки вдохновения. Бывало он приходил в самом разгаре какой-нибудь дискуссии, вспыхнувшей между гостями светского салона Йозефины Душковой. И его звали присоединиться к разговору, выпить бокал вина или пунша, а то и прогуляться по аллеям ночного сада. Чаще всего он принимал приглашение и непринужденно вливался в общую

беседу, рассказывая о смешных случаях, произошедших во время репетиций.

Он чувствовал себя очень хорошо в этом доме, в этой усадьбе с таким забавным названием «Бертрамка». Правда, здесь, на ее месте не всегда была усадьба. Ранее вся область на юго-запад от пражских ворот Уезд принадлежала картезианскому монастырю. Но во время Гуситских войн он был уничтожен. Почвы же здесь были благодатные, и поэтому Карл IV распорядился разбить тут виноградники²³. А в XVI веке богатые пражане постепенно начали застраивать это место летними дворцами, усадьбами, а также более серьезно заниматься хозяйством.

Около 1700 года у подножия Черного холма вырос дом, который лишь в половине XVIII века получил название «Бертрамка» по имени хозяина - Франтишека из Бертрама. Усадьба часто меняла хозяев, и только в апреле 1784 года ее приобрела Йозефина Душкова. Поговаривали, что на самом деле это был подарок от ее тайного любовника, большого любителя музыки и мецената, графа Клам-Галласа²⁴. Но это были всего лишь сплетни. Сохранилась купчая на имя Душковой, где значилось, что она сама заплатила за усадьбу 1700 золотых. Да, она могла это себе позволить, ведь как певица она была известна всей Европе, и считалась одним из лучших сопрано своего времени. Ее голос поражал своей силой, гибкостью и широтой диапазона. Все это сочеталось с удивительной эмоциональностью исполнения. Ей с легкостью удавалось все, но особенно хорошо - речитативы. Многие выдающиеся композиторы и музыканты, как, например Людвиг Ван Бетховен, считали ее великолепной, неотразимой, несравненной певицей. Однако наряду с ними были и те, кому манера исполнения Душковой не была по душе. Так сам Леопольд Моцарт был далеко не в восторге от нее, считая, что она перебирает с эмоциями на сцене и выглядит слишком экспрессивной и даже смешной.

Но об одном, даже очень талантливом, человеке не может быть двух одинаковых мнений. И пусть у Душковой никогда не было постоянного ангажемента, но пела она не только в Праге, но и в Дрездене и Лейпциге, в Вене: принимала участие в концертах для императорского двора, иногда участвовала в оперных представлениях.

²³ Об истории пражских виноградников см.: Слободяник Л.С. Опьянение чешским прошлым, или немного из истории Королевских Виноградников.

²⁴ *Граф Христиан Филипп Клам-Галлас* – представитель знатного чешского рода, ведущего свое происхождение от рода Кламов, проживавших в герцогстве Каринтия, одном из территориальных княжеств Священной Римской империи и коронной земле Австро-Венгрии. Его сын граф Христиан Кристоф был также известным меценатом, покровителем Людвиг Ван Бетховена.

Да, благодаря тому, что популярность Йозефины нарастала, она могла себе позволить многое. Что она и делала. Например, она просто обожала живопись. И при ней Бертрамка славилась коллекцией картин. Да и собирать эту коллекцию было для Йозефины легко – ее друзьями и обожателями были многие известные живописцы того времени. Они, а также молодые, подающие надежды музыканты, поэты, писатели, аристократы, меценаты были ее гостями здесь, в Бертрамке. Салон Йозефины Душковой был самым притягательным местом Праги. В его атмосфере – атмосфере творческого либерализма – можно было свободно обменяться мыслями, поговорить и поспорить с умными, хорошо образованными людьми, людьми, которых объединяло главное – любовь к музыке.

Сама усадьба располагала к созерцанию, размышлениям и мечтам. Бертрамка словно взбиралась на пологий холм. От ворот вверх вели дорожки – одна к дому, другая к хозяйственным постройкам – хлевам, конюшне, сараям с зелеными воротами, над которыми «гнездились» несколько голубятен. Третья дорожка вела прямо в роскошный сад, за которым раскинулся виноградник. В саду дорожку обступали фруктовые деревья, слева от дорожки были разбиты великолепные цветники, справа плескался большой пруд, за ним пестрела оранжерея, а на вершине холма звал к себе маленький павильон. В этом павильоне для Моцарта по распоряжению Йозефины всегда были приготовлены, бумага, перо и чернила, чтобы он мог в минуту вдохновения превратить мелодии своих мыслей в ноты. В этом же павильоне была написана ария «*Bella mia fiamma, addio*» (Прощай, мой прекрасный огонек). Вольфганг давно обещал Йозефине написать для нее концертную арию, но никак не мог выполнить обещания. И тогда она решила запереть его в павильоне, чтобы он мог наконец сосредоточиться. Моцарт не ожидал такого очаровательного коварства от своей подруги, но согласился исполнить обещание. Только при одном условии, чтобы она спела ее *prima vista* - с листа. Моцарт свое обещание выполнил, а Йозефине удалось выполнить условия Моцарта. Кто знает, может быть, так же появилась на свет и ария «*Resta o cara*» (Останься, дорогая) - с речитативом, по начальным словам которого произведение получило название. Многие тогда задавались вопросом, а не влюблен ли был Вольфганг в прекрасную хозяйку Бертрамки. Может быть. Кто знает? Мало кто мог устоять перед этой красивой, всегда безупречно элегантною женщиной, женщиной, обладающей незаурядным умом, женщиной, чей голос покорял сердца самых привередливых знатоков музыки. Но, в первую очередь, Вольфганг в ней видел настоящего друга, который понимал и вдохновлял его. За годы жизни в Вене он научился ценить таких друзей. Ведь только с ними он мог быть самим собой. К тому же рядом была его жена Констан-

ция. Он был к ней очень привязан. Эта женщина поддержала его в самом начале его самостоятельной жизни, и пусть она не могла понять его так, как Йозефина, но зато всегда была рядом. И он уже не мыслил себя без нее.

И вот, вдохновившись прогулкой по саду со своей любимой женой, Вольфганг возвращался в очаровательную, уютную виноградной лозой виллу со стрельчатой, покрытой черепицей крышей. Там он уединился в одной из двух комнат, которые ему с супругой отвели на первом этаже. Комната была небольшой, но очень уютной. Стены были закрыты французскими шпалерами²⁵ цвета спелого зеленого яблока, покрытыми флоральным узором – мелкими листочками и цветами. Простой невысокий потолок был украшен фестонами²⁶ а-ля Людовик XVI. В углу находился большой камин из серого мрамора, в котором уютно потрескивали поленья, согревая своим теплом комнату долгими осенними вечерами. Так, уединившись, Вольфганг садился в кресло и мог долго сидеть и смотреть на огонь, и мысли его при этом путешествовали по стране музыки. Ведь необходимо было еще дополнить оперу несколькими ариями и увертюрой. А времени до премьеры оставалось не так уж много. Ее и так уже один раз переносили. И только на днях окончательно определились с датой – 29-м октября.

День за днем Моцарт вместе с да Понте и режиссером Гвардасони²⁷ без отдыха трудился над постановкой, над работой с оркестром и исполнителями арий, над требующими доработки частями оперы. Этот месяц – такой трудный, но такой счастливый, пролетел, словно один день. Готово было практически все. Почти все. Кроме увертюры. Вольфганг все как-то не мог собраться с мыслями и закончить ее. В уме он, казалось, продумал ее завершение, но вот еще не сел и не закрепил его на нотной бумаге. Он был все время занят не менее важными делами. Но ведь увертюра считалась «визитной карточкой» произведения, и чуть ли не самой важной частью оперы. Необходимо было как можно скорее ее дописать. Однако вдохновение – капризная вещь, и снизошло оно на Вольфганга лишь накануне премьеры – вечером 28-го октября. После своей обычной прогулки по теплому осеннему саду Бертрамки, он заперся в своем кабинете вместе с Констанцией, которую попросил читать ему, чтобы дремота не смогла помешать ему писать. Ведь в семь утра должен был придти переписчик и забрать ноты, чтобы сделать ко-

²⁵ *Шпалеры* – стенные безворсовые ковры с сюжетными и орнаментальными композициями, вытканые ручным способом в технике т. н. репсового уточного переплетения.

²⁶ *Фестон* – декоративный элемент, орнаментальная полоса с обращенным вниз узором в форме листьев, цветов, ступенчатых зубцов, равнобедренных треугольников, и т. д.

²⁷ *Доменико Гвардасони* – итальянский тенор, режиссер-постановщик и импресарио. Помимо оперы «Дон Жуан» поставил в Праге еще одну оперу Моцарта «Милосердие Тита».

пии для всего оркестра. Оркестранты и так нервничали оттого, что получают их в самый последний момент. Утешала их только мысль о том, что под руководством пана Моцарта они научились исполнять его произведения практически безупречно, и поэтому должны были легко «прочитать» его увертюру. По крайней мере, они на это надеялись.

Тем временем по городу уже шли слухи о том, что великий Моцарт только сейчас заканчивает свою увертюру. Пражане сгорали от любопытства, успеет ли их кумир дописать ее в срок или нет.

И Вольфганг не разочаровал своих поклонников – к семи часам утра увертюра была готова.

Вечером, в половине пятого, к Словному театру начали подъезжать кареты. Их было столько, что скоро вся площадь перед театром оказалась заставлена ими. Утром прошел дождь, и мостовые, увы, были все в грязи. Но любителей музыки это не смущало – они смело пробирались через лабиринт карет к театру. Там уже творилось нечто невообразимое – партер и балконы до отказа были заполнены публикой. Казалось, что зал вот-вот лопнет по швам от такого количества зрителей. Как говорят, яблоку некуда было упасть, однако, это не касалось слуг, которые и в такой тесноте умудрялись разносить на балконах пиво и сосиски, а в партере лимонад и миндальное молоко.

Часы уже показывали несколько минут шестого, а занавес не поднимался. Неужели что-то важное задерживает спектакль? Неужели переписчики не успели скопировать увертюру? Но вот откуда-то возник какой-то расторопный молодой человек с пачкой нот, легкое движение прошло по оркестру, и в этот момент за дирижерским пультом появился великий композитор. Зал взорвался оглушительными аплодисментами, на которые тот ответил изящным поклоном, затем дал знак, что можно начинать и...

Через три часа спектакль был окончен²⁸.

Такого успеха Вольфганг еще не переживал никогда! Аплодисментам и восторженным крикам публики не было конца, а ноги его утонули в море цветов. Эмоции так переполняли его, что на глаза выступили слезы. И в благодарность за такой искренний восторг и признание он смог сказать одну только фразу: «Мои пражане меня понимают».

²⁸ В премьеры принимали участие Луиджи Басси (Дон Жуан), Джузеппе Лолли (Командор, Мазетто), Тереза Сапорити (Донна Анна), Антонио Бальони (Дон Оттавио), Катарина Мичелли (Донна Эльвира), Феличе Понциани (Лепорелло), Тереза Бондини (Церлина).

Так в совершеннейшей эйфории прошло еще несколько дней. И каждый день был и похож, и непохож на предыдущий. Все смешалось в яркий kaleidoscope впечатлений. Вольфганг был счастлив. Небывалый по силе вихрь успеха вскружил ему голову. Его обожали, им восхищались, и, главное, понимали его музыку! Как ему хотелось продлить эти мгновения лучезарной радости и полного счастья.

Но день отъезда приближался неумолимо. Да, дела и заботы, оставленные им в Вене и почти забытые им, вновь напомнили о себе. Да и Констанция соскучилась по дому. Пора было собираться в путь.

Со слезами на глазах он простился со своими друзьями, с Бертрамкой, с театром, с самим городом, который за этот месяц стал для него таким родным. Паскуаль Бондини вновь предложил ему написать оперу специально для Праги. Моцарт обещал ему над этим подумать.

И вот, сидя в карете, слушая, как шелестит дождь, и, глядя на осенний пейзаж за окном, он думал. Думал о том, что еще ни разу в жизни он не был так счастлив, не чувствовал себя так хорошо, как этой пражской осенью. И сердце шептало ему, чтобы он принял предложение Бондини, ведь тогда он снова мог бы приехать сюда. Но что бы это дало ему? Успех? Да! Но где? В Праге, милой его сердцу, но все же такой тихой и такой провинциальной, и не идущей ни в какое сравнение с капризной и надменной, блистательной Веной. Достичь успеха там – вот о чем он всегда мечтал. А здесь... Это было бы простым прозябанием. И он решил не принимать предложение Бондини, решил еще раз рискнуть и попытаться укротить своевольную венскую публику. Решил погнаться за мечтой и отказаться от простого и тихого счастья.

Лишь 7 мая 1788 года состоялась венская премьера «Дон Жуана». И опера публике не понравилась. Слишком сложной и неприятной показалась ей музыка, музыка, написанная для Праги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jeřábek L. Bertramka v době Mozartově a nyní. Praha., 1930.
2. Patera J. Bertramka v Praze. Mozartovo památné sídlo. Praha, 1948.
3. Salfellner H. Mozart and Prague. Český Těšín, 2003.
4. Volek T. Mozart a Praha. Praha, 1973.

Lada S. Slobodjanik **Prague Autumn 1787 in LIFE of V.A. MOZART**

Abstract: The author in an elegant literary form tried to reconstruct the circumstances of stay VA Mozart in Prague in 1787, where he went to the opera "Don Giovanni". A description of Prague 80s. XVIII century. Particu-

lar attention is paid to the estate of Mozart's life and personality Dushkova Bertramka Josefina Duskova.

Keywords: VA Mozart; production of the opera "Don Giovanni"; Josefina Dushkova; History of Prague.

Н.Ф. Шестакова

Шестакова Надежда Федоровна – студент 4 курса исторического факультета Уральского государственного педагогического университета.

ИНТЕГРАЦИЯ УЭЛЬСА В АНГЛИЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В XIII–XVI ВВ. НА ПРИМЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ ВАЛЛИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: Статья посвящена правовым аспектам интеграции Уэльса в Английское королевство в течение XIII–XVI вв. Проанализирована традиционная валлийская правовая система, основанная на законах Хивела Доброго и прослежены особенности ее трансформации в связи с проникновением английских правовых норм в эпоху позднего средневековья. Автор приходит к выводу, что хотя Акты об Унии 1536 и 1543 гг. олицетворяли собой конец независимости Уэльса., вместе с тем валлийцы достигли полного равенства перед законом наравне с их соседями – англичанами. Долгий период беззакония сменил устойчивый период мирной жизни.

Ключевые слова: Средневековый Уэльс; законы Хивела Доброго; интеграция Уэльса в Английское королевство.

Правовая система в истории каждого народа является одной из наиболее традиционных и важных сфер его жизни. Она выступает основным регулятором общественных отношений. Правовое общение в отличие от лично-властных отношений являет собой пример справедливых индивидуальных и групповых взаимоотношений, которые обеспечены определенными гарантиями – согласием относительно способов и процедур урегулирования возникающих споров, уважением к установившимся традициям и нравам, другими элементами сложившейся культуры. Уравнение всех участников правового общения в пользовании правами при помощи законов государства является ступенью в эволюции и развитии права от правового обычая к правовому закону (1). Наибольший интерес представляет собой эволюция валлийской право-

вой системы в период Средних веков, ее интеграция в английскую правовую систему, попытка определения правового статуса Уэльса как английской колонии.

На протяжении многих веков до завоевания английским королем Эдуардом I в 1282 г. Уэльс являлся конгломератом независимых княжеств. Несмотря на политическую разобщенность, валлийцы представляли собой единый народ, имеющий собственный язык, древнюю самобытную культуру и правовой обычай. Система обычного права сформировалась в средневековом Уэльсе к X веку. Считается, что начало валлийской юрисдикции положил кодекс законов Хивела Доброго²⁹.

В связи с развивающейся феодальной системой, Хивел решил упразднить устаревшие обычаи и создать Кодекс Законов. Законодатель преследовал и другую цель, заключавшуюся в преднамеренной попытке создания идеологии национального единства. Считая Рим центром законодательной мудрости, правитель Уэльса решает его посетить в надежде проконсультироваться с ведущими юристами того времени по вопросу о кодификации законов и ознакомиться с законами других стран Европы (2). По возвращению Хивела, в Белом доме на реке Таф в Диведе был собран совет, в состав которого вошло 6 человек с каждого коммота княжества: 4 мирянина и 2 священнослужителя (3). Согласно «Хронике принцев» законы были систематизированы и кодифицированы в 945 г. (4). Кодекс был многократно скопирован и его копии отосланы в княжеские дворцы Уэльса (5). К сожалению, за исключением Гвинеда нигде не было постоянного валлийского суда, и истолкование закона кимров было возложено на частных судей, нанятых тяжущейся стороной. Доказательства, которые бы свидетельствовали, что работа по кодификации законов была проделана именно Хивелом, отсутствуют. До нашего времени не сохранилось ни одной рукописи, восходящей к его времени.

В валлийском праве существовали две категории законов: «законы двора», и «законы страны». Первая часть была посвящена регулированию правовых отношений внутри королевского двора. В ней перечислялись привилегии короля, королевы, наследника престола и 24 вельмож.

Во второй части законов говорилось об убийствах, кражах, стоимости домашних и диких животных и пр. Центральное положение в ней занимала идея рода и племени. Валлийское уголовное право основное внимание уделяло выплате разного рода компенсаций и штрафов, сопряженных с совершением преступления. Родственники тех, кто причинил смерть, повреждения или обиду, должны были заплатить пострада-

²⁹ Хивел Добрый – сын Каделла, внук Родри Великого, правитель княжества Дехейбарт.

давшим виру, или «галанас». Для свободных размер виры, зависел от знатности рода. Квалифицированными убийствами считаются отравление и жестокое убийство. Довольно значительное место в законе отводилось институту соучастия. Закон выделял девять видов соучастия. Первым из соучастников считался заказчик, вторым – тот, кто давал совет убийце, третьим – тот, кто одобрял убийцу. Для каждого из трех указанных лиц была предусмотрена возможность очистить себя с помощью присяги сотни мужчин, в противном случае требовалась выплата 180 пенсов. Четвертым соучастником являлся наблюдатель, пятым – товарищ убийцы, шестым – пришедший к дому жертвы вместе с убийцей. Эти лица несли двойственную ответственность: для очищения требовалась клятва двухсот мужчин или, в случае признания соучастия в преступлении, выплата 360 пенсов (дважды по 180 пенсов). Седьмым соучастником признавался тот, кто содействовал насилию, восьмым – тот, кто удерживал жертву до появления убийцы, девятым – тот, кто видел убийство и не оказал помощь жертве. Эти трое могут прибегнуть к очистительной присяге трехсот мужчин или должны были выплатить 540 пенсов (трижды по 180 пенсов). Закон указывает, что эти суммы являются штрафами, то есть выплачиваются лорду, а не потерпевшей стороне. Родственники получают компенсацию от убийцы, то есть главного виновного, а не от соучастников (6).

Закон предусматривает возможность кровной мести, заменяемой выплатой «галанас». Все компенсационные выплаты, сопряженные с преступлениями, ложатся на плечи преступника и его родственников. Размеры выплат, установленные законом, и число «компургаторов», т.е. привлекаемых к очистительной присяге, требовали участия всего рода. Закон устанавливал четкий порядок выплаты «галанас». Первая треть ложилась на плечи самого преступника, а также на его отца, мать, братьев и сестер. Они делили эту сумму на три части: первая треть приходилась на отца и мать, вторая — на братьев и сестер, а третья — на самого преступника. В случае смерти убийцы указанные лица платили за него.

В области гражданского права особенностью валлийских законов было то, что после смерти владельца земля в равных долях отходила всем его сыновьям – как законным, так и незаконным. В Уэльсе законнорожденные и незаконнорожденные дети имели равные права. Закон Уэльса предоставлял довольно высокий статус женщинам, в особенности в том, что касалось имущества замужней женщины и её прав на детей.

«Законы Хивела Доброго» получили широкое распространение по всей территории Уэльса, стали мощным символом валлийского национального самосознания и эмблемой валлийской идентичности.

С завоевания Уэльса английским королем Эдуардом I в 1282 г. и с изданием Рудланского (Валлийского) статута 1284 г., начинается второй этап в эволюции валлийского права. Этот этап характеризуется интеграцией Уэльса в систему английского права.

Следует подчеркнуть, что «Валлийские статуты» были лишены черт грубого насилия, которые нередко допускают победители в отношении побежденных стран и народов. Наоборот, английский король стремился сохранить те особенности старых законов и обычаев Уэльса, которые не нарушали его суверенных прав. Эдуард I сохранил и поддержал первичное звено социального порядка на землях, принадлежавших валлийскому этносу – коммот. Коммот являлся социальной организацией, самоуправляющейся единицей, с помощью которой структурировалось валлийское общество. Он был призван как защищать интересы его жителей, так и осуществлять необходимые с точки зрения центральной власти мероприятия (7). Согласно статуту 1284 г. создавалось пять новых независимых административно-политических единиц – графств – Дэнбих, Ритин, Бромфилд, Йель и Чирк. Графства были дарованы баронам в качестве награды за помощь, оказанную королю в завоевании. Таким образом, была создана новая аристократическая Марка. Относительно небольшая часть земель оставалась в руках короны. Сноудония, согласно статуту, делилась на графства: Англси, Карнарфон и Мерионет, которые находятся под контролем власти Шерифа Северного Уэльса. Из кантрефа Инглефилд было сформировано графство Флинт, которое находилось под юрисдикцией Честера. Правосудие Южного Уэльса отправлялось шерифами графств Кармартен и Кардиган. Данную систему можно рассматривать как зародыш административного и конституционного единства в управлении земель Уэльса в период Позднего средневековья (8).

Статут 1284 г. свидетельствует о том, что Эдуард правил в период своего рода юридического Ренессанса. В Уэльсе устанавливалась судебная система английского образца: назначались судебные сессии, на которых проводились судебные разбирательства, появились Окружные и Военные суды. В каждое новое графство королем назначался шериф, который был обязан следить за порядком, подавлять восстания, собирать налоги, вершить суд, два раза в год совершать объезд коммотов, а также помощник шерифа и коронер. В обязанности последнего входило выяснение причины смерти человека, произошедшей при необычных или подозрительных обстоятельствах. В каждом коммоте он получал от специально определенных двенадцати жителей информацию об уголовных и гражданских правонарушениях, совершенных на территории коммота. Шериф приватно принимал у себя в резиденции тех жителей коммота, которые имели намерения сообщить о наиболее опасных пре-

ступлениях, касающихся предательства короля, королевы и их детей, воровства, грабительства, убийств, поджогов. Мотивировалась конфиденциальность тем, что открытое сообщение побудит преступников исчезнуть с территории коммота, что затруднит их поиски. Двенадцать доверенных жителей, выбранные шерифом, давали клятву в справедливости и честности своих намерений, они обязались не произносить ложных речей, не передавать невиновных людей под стражу. В каждом графстве Окружным судом согласно предписанию короля выбирался коронер. Он также давал клятву преданности шерифу и королю и обещал честно выполнять свои обязанности. В случае убийства коронер должен был вызвать шерифа или его помощника для проведения судебного слушания (9). Прежде чем принять участие в судебном заседании шерифу полагалось выслушать отчет коронера, ознакомиться с уголовными делами графства, разобраться, было ли совершенное убийство умышленным или же оно носило случайный характер. На судебном слушанье должны были присутствовать родственники убитого и человек, который его обнаружил. Коронер, проводя расследование преступления, обязан был разобраться в фактах, в мотивах убийства, выяснить, чем руководствовался убийца, и, наконец, вычислить преступника. Преступника после вынесения вердикта передавали в руки королевской стражи и доставляли в тюремную камеру.

Таким образом, на территории Уэльса в силу вступало уголовное английское право. Но действие валлийского закона было сохранено в некоторых гражданских процессах, особенно в определенных аспектах земельного права. Никакие изменения не были внесены в области наследования. Земли умершего валлийца по-прежнему делились поровну между всеми наследниками-мужчинами. В дальнейшем они могли перераспределяться на условии равенства наследников. Однако, судя по всему, это не очень нравилось английской феодальной верхушке.

Чиновники пфальцграфства, взявшие на себя управление завоеванными пограничными землями, не испытывали ничего, кроме презрения, к законам Уэльса. Для них (чиновников) кодекс законов Хивела Доброго казался архаичным и диким. Как, спрашивали они, от них можно ожидать осуществления законодательства, которое трактует гражданскую войну как законную деятельность? И как они могут сохранять порядок в неспокойных землях без применения смертной казни в качестве наказания?

Чувство обиды вызывало у жителей Уэльса мнение, что все валлийское не заслуживает внимания. В годы сразу после завоевания любой житель Четырех кантрефов, которому довелось вести тяжбу в судах пфальцграфства, стал страстным борцом за независимость. Каждое отклонение от древних традиций, каждое официальное административное

нововведение казалось оскорблением. Пфальцграфы разделяли землю на непривычные административные единицы и призывали людей являться в отдаленные суды перед судьями, не понимавшими их язык и использовавшими закон, который казался для них непостижимым (10). Система была чересчур централизованной и сложной, чтобы стать понятной для валлийцев. Чиновники пренебрегали местными обычаями, чтобы отправлять правосудие для англичан, вырубали леса валлийцев, дабы проложить дороги, реквизировали скот и повозки, с целью строительства замков, жаловали земли английским купцам, ради того, чтобы те возводили на них города, в которые не допускались бы местные торговцы. Судьи короля Эдуарда проводили в жизнь закон и порядок, отправляли правосудие так, как их этому учили, но они также стремились извлечь из этого выгоду. Многие низшие чины брали взятки и осуждали невиновных. В свете их поведение пафосные разговоры о моральном превосходстве английского закона вызывали отвращение у жителей Уэльса.

И все же на протяжении всего XIV века всюду по Уэльсу было засвидетельствовано постепенное принятие английского закона, как в теории, так и на практике. Эту победу английского закона гарантировал не королевский указ или постановление, а доступность английских предписаний, регулярное применение английских процедур и терминологии в местных судах, многократность присутствия английских судей и адвокатов на сессиях в Уэльсе. Валлийцы нередко сами укоряли процесс интеграции Уэльса в английскую правовую систему. Так, население Гауеро уже в конце XIII в. выступило за замену законов Хивела (11). В основном Родной валлийский и английский обычаи поразному решали вопрос о передачи земли. В более позднее время в Уэльсе английский и валлийский законы показали удивительную способность заимствовать методы друг у друга. Пытаясь разрушить систему наследования, которая существовала в Уэльсе, Эдуард I исключил из числа наследников незаконнорожденных детей, которые были практически в каждой валлийской семье, однако разрешил наследовать дочерям, что способствовало потере земель кланом при выходе замуж наследницы.

Большим оскорблением для валлийцев стали введения, осуществленные Ланкастерами, когда земли мятежников были захвачены королем, обедневшие люди были обложены высокими налогами. Дискриминационное законодательство Генриха IV в 1401-1402 гг. ограничило свободу валлийцев на приобретение земли и ограничило равенство их с англичанами в законе, превратив их во второстепенных граждан.. В 1439 г. валлиец Уильям Гриффидд подал прошение в английский Парламент с просьбой, чтобы ему предоставили разрешение на покупку

и продажу земли согласно английскому закону, а также право на обладание всеми привилегиями наравне с англичанами. Передача собственности только единственному наследнику, ограниченность в покупке и продаже земельной собственности остро сказывались на чувствительном и честолюбивом, социально мобильном в стадии становления дворянстве, которое процветало в XV в. Лишь в 1504-1507 гг. Генрих VII ликвидирует в Северном Уэльсе ограничения, введенные ланкастерским уголовным кодексом. Жителям этих областей было позволено свободно покупать и продавать землю, как в самой Англии, так и в английских горюдах Уэльса. Они были освобождены от обременительных архаичных финансовых платежей и им было разрешено завещать землю по обычаю старшему сыну.

В XV столетии было засвидетельствовано широко распространенное беззакония, что нашло отражение как в литературных источниках, так и в официальных документах. Многие солдаты, выжившие в войне Алой и Белой розы, примкнувшие затем к отрядам валлийского повстанца Овайна Глиндур, становились преступниками. Нарушение порядка было особенно отмечено в отчетах, в которых говорилось о большом количестве личных нападений, изнасилований и убийств, поджогах и организационных набегах на целые города, о грабеже на дорогах, о похищениях, о нападениях на торговцев и пиратстве в устье реки Северн (12).

Победа Генриха Тюдора над Ричардом III в битве при Босворте породила в валлийцах большие надежды. Валлийцев воодушевляло то, что на английском престоле в Лондоне, наконец, оказался истинный валлиец по происхождению и воспитанию, сын пророчества, наследник Овайна Глиндур, который был предназначен для того, чтобы воплотить мечту о торжестве валлийцев на всей территории британского острова. Конечно, многие валлийцы получили патронаж и высшие должности. Генрих VII ликвидировал законодательство Генриха IV периода 1401-1402 гг. В области уголовного и гражданского права правительство даже чересчур стало полагаться на местную общепринятую практику. Все больше землевладений Марки становились собственностью Короны, в то время как три Пфальцграфства округов Пембрук, Гламорган и Флинт управлялись непосредственно сувереном. И все же некоторые землевладения оставались в частных руках. В 1493 г. Артуру, Принцу Уэльскому, передали широкую судебную власть в Уэльсе. Совету Уэльса в Ллуйдло было поручено провести в жизнь законность и правопорядок в пограничных областях, предотвратить побег правонарушителей и преступников из одного графства в другое. Такая политика была непоследовательной и в значительной степени неэффективной. Было очевидно, что требуется радикальная стандартизация подхода –

ликвидация Марки и учреждений однородной административной структуры. Это в конечном счете было достигнуто Актами об Унии 1536 и 1543 гг.

Закон 1536 г. был составлен секретарем Генриха VIII Томасом Кромвелем. Марка была разделена на семь графств: Динбих, Флинт, Тревалдуин, Майсивед, Брихейниог, Мэнуи, Морганнуг и Пенвро. Согласно Акту, единственный закон Уэльса – это закон Англии, и для его соблюдения в каждом графстве назначался мировой судья. Уэльсу предоставлялось 26 мест в парламенте. Акт 1536 г. признавал английский единственным употребляемым языком в судах Уэльса. Те, кто продолжал пользоваться валлийским языком, не могли занять официальную должность. Исключение было сделано для южного Пенвро, Южного Гуира, частей Бро Морганнуг и некоторых других районов Пограничья, где валлийский продолжал оставаться единственным языком большинства населения. Но английские власти жаждали уничтожения валлийского языка. Их целью было создание единообразной администрации, которая подразумевала под собой появление англоговорящих валлийских управленцев. В 1536 г. значительное число валлийской знати уже свободно владело английским языком. В следующие годы это количество быстро возросло, и не прошло и двух столетий, как английский занял в среде дворян место валлийского языка (13).

Законом 1543 г. были внесены не значительные изменения границ. Им же была учреждается Большая сессия — порядок судопроизводства в Уэльсе, основанный на четырех выездных сессиях суда, каждая по трем графствам: о. Мон, Кайрнарвон, Мейрионит; Флинт, Динбих, Тревалдуин; Абертайви, Кайрвиртин, Пенвро; Майсивед, Брихейниог, Морганнуг. Указ 1543 г. также признавал Совет в Ллуддло важным органом исполнительной и законодательной власти. Он действовал как апелляционный суд и как контролирующий административный орган, ответственный за составление парламентских актов и назначение высших чиновников графства – шерифов и мировых судей. Его власть распространялась на 13 валлийских округов и 5 пограничных графств. Но в последних 5 графствах в 1604 г. было разрешено покончить с данной юрисдикцией. Действие совета было временно приостановлено в 1641 г. и вновь возобновлено в 1660 г., наконец, он был полностью упразднен в 1689 г. Кроме того, указ увеличивал число валлийских членов Парламента до 37 мест, учреждая избирательный округ в Хулфорте. Валлийцы могли наслаждаться юридическим равенством с англичанами, уголовное законодательство 1401-1402 гг. было полностью ликвидировано. Злоупотребления на таможне были устранены. Важным являлось то, что земля должна была наследоваться без ее дробления или деления между всеми сыновьями прежнего владельца. Уэльс не был

полностью поглощен Англией в правовой сфере. Уэльс сохранял свою собственную систему судов, которая была значительно расширена. Страна была разделена на четыре части (14). Суды больших сессий в каждой части включали три округа. Региональная канцелярия и казна были установлены в Уриконе и в Денбихе. В то время они уже существовали в Карнарфоне и Кармартене. Эта система была отменена лишь в 1830 г.

С одной стороны, Акты об Унии 1536 и 1543 гг. олицетворяли собой конец независимости Уэльса. Валлийский язык был запрещен в официальных и юридических сферах; английские законы заменили родные валлийские законы Хивела Доброго, тем самым увеличив раскол между дворянством; лондонская культура затмила валлийскую культурную жизнь; Уэльс перестал рассматриваться как отдельное административное юридическое лицо. Но, с другой стороны, действие Союзного акта широко приветствовалось, особенно дворянством, коммерческими классами, адвокатами и религиозными реформаторами. Валлийцы достигли полного равенства перед законом наравне с их соседями – англичанами. Долгий период беззакония сменил устойчивый период мирной жизни. В Уэльсе наблюдался экономический рост. Много валлийцев стекалось в Лондон, где они наживали себе состояние в качестве адвокатов, торговцев, владельцев торговых лавок, пивоваров и мастеров (15). Акты об Унии 1536 и 1543 гг. рассматривались как источники эмансипации или притеснения, способствующие роковому разрыву валлийцев с прошлым. Акты были неотъемлемыми частями тюдоровской политики в Уэльсе. Томас Кромвель в формулировке законов не намеривался разрушать валлийский язык и валлийскую национальную идентичность, скорее всего он хотел с помощью английского языка создать объединенное централизованное королевство. Законы Союза 1536 и 1543 гг. могут быть истолкованы как кульминация в расширении власти английской короны на территории Уэльса. В XVI в. правовая ассимиляция Уэльса и Англии была завершена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М., 2007. С. XII.
2. Probert W. Ancient laws of Cambria. L., 1823 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://books.google.com/books?id=ObY0AAAAIAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>
3. Законы Хивела Доброго // Сайт Национальная библиотека Уэльса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://digidol.llgc.org.uk/METS/lhw00003/physical>
4. Brut у Tuwysogion // Сайт Национальной библиотеки Уэльса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://digidol.llgc.org.uk/METS/BYT00001/frames?div=0&subdiv=0&locale=en&mode=thumbnail>

5. Lloyd J.E. A history of Wales from the earliest times to the Edwardian conquest. Vol. I. L., 1912 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org/details/ahistorywalesfr02lloygoog>
6. Лошкарева М.Е. Преступление против личности в средневековом валлийском праве // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cymraeg.ru/troseddau.html>
7. Минеева Т.Г., Романовская В.Б. «Валлийские статуты» Эдуарда I и формирование правового статуса колоний в период высокого средневековья // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2009_3/34.pdf
8. Jones J.G. The history of Wales. Cardiff, 1990. P. 32.
9. Bowen I. The statutes of Wales. L., 1908. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org/details/statuteswales00bowegoog>
10. Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб, 2001. С. 93.
11. Davies R.R. Conquest, coexistence, and change Wales 1063-1415. Oxford, 1987. P. 423.
12. Jones J.G. Op. cit. P. 46.
13. Храпов Д. История Уэльса // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cymraeg.ru/hanescymru/pennod04.html>
14. Ibid. P. 49.
15. Ibid. P. 50.

Nadezda F. Shestakova

INTEGRATION OF WALES In the kingdom of England in XIII-XVI centuries. THE EXAMPLE OF EVOLUTION Welsh LEGAL SYSTEM

Abstract: This paper is devoted to the legal aspects of the integration of Wales in the English kingdom during the XIII-XVI centuries . Analyzed traditional Welsh legal system based on the laws of Hywel the Good features and traced its transformation from the entry of British rule of law in the late Middle Ages . The author concludes that although the Acts of Union in 1536 and 1543 . epitomized the end of independence for Wales. , however Welsh achieved full equality before the law on a par with their neighbors - the British. Long period of lawlessness replaced sustained period of peace.

Keywords: Medieval Wales ; laws of Hywel the Good ; integration of Wales in the English kingdom .

VI. Рецензии

О.С. Поршнева, М.А. Фельдман

Поршнева Ольга Сергеевна – профессор кафедры истории России Института фундаментального образования Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

Фельдман Михаил Аркадьевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральской академии государственной службы, доктор исторических наук, профессор.

НЕВЗЯТАЯ ВЫСОТА. ЗАМЕТКИ О МОНОГРАФИИ³⁰

Публикация представляет собой рецензию на работу А.В. Горловского, посвященную политическим настроениям рабочих Петрограда в 1918-1920-х гг. По мнению авторов рецензии, задача изучения психологии рабочих Петрограда, обозначенная в заглавии работы, не была реализована. Монография отразила противоречивость методологической оснащённости историков уже ушедшей эпохи. Вынесенное в заголовок слово «психология» не нашло не только раскрытия в историческом контексте, но и определения своего значения. Вне структуризации остался и термин «политические настроения». Задача, поставленная автором монографии, оказалась декларированной, но не решенной.

Ключевые слова: Рабочие Петрограда; Русская революция; историческая психология.

Монография А.В. Гоголевского «Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918 – 1920 гг.» посвящена важной проблеме – исследованию политических настроений рабочих крупнейшего промышленного центра России, ставшего эпицентром революционных событий 1917 г.

³⁰ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918 – 1920 гг. СПб: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2005.– 219 с.

В первой главе «Рабочие Петрограда как субъект политических настроений» раскрывается масштаб воздействия Гражданской войны на промышленность Северной столицы: так в ведущей отрасли города, метало промышленности, бездействовали от 77 % предприятий в апреле 1918 г. до 2/3 – к началу 1920 г. (1). Процессы, характерные для Петрограда, были свойственны, хотя и в меньшей степени, для советской России в целом, где в 1918 г. не работали 38% предприятий, в первом полугодии 1919 г. – 37%, во втором – 43 %, и в первом полугодии 1920 г. – 45 % (2).

Анализ документов Совета комиссаров Северной области позволил автору заключить: свертывание производства не сопровождалось массовыми увольнениями. Значительная часть увольняемых рабочих переходила на военные заводы. Для того чтобы сохранить работников, предприятиям по приказу сверху сокращались плановые задания и продолжительность рабочего дня. Для квалифицированных рабочих сохранилась возможность найти работу по специальности. Наибольшие трудности с трудоустройством возникали у малоквалифицированных работников (3).

В научной литературе общепризнан вывод о деклассировании значительной части рабочих в Советской России к 1921 г. Но, как подметил А.В. Гоголевский, нет полной ясности относительно того, что же собственно понимается под этим понятием и какова логика фактов, ведущая к деклассированию (4). В советской историографии было распространено мнение, согласно которому, причина утраты классовообразующих признаков для рабочих крылась в экономической разрухе и свертывании производства. Автор называет еще одну причину деклассирования – приход необученных пополнений (5).

А.В. Гоголевский обращает внимание на утверждения, содержащиеся в документах Петроградского комитета меньшевиков о том, что «костяк питерского пролетариата рассыпался в прах», а большевиков поддерживали «деклассированные, не занятые трудом и живущие на иждивении у государства рабочие» (6). Любопытно, что близкие к этому оценки встречались и у В.И. Ленина, неоднократно признававшего: «поскольку разрушена крупная промышленность, поскольку заводы и фабрики встали, пролетариат исчез» (7).

В этой части монографии читатель ожидал появление развернутого анализа статистики, дающего аргументированный ответ на поставленный вопрос о масштабах деклассирования; и прежде всего – какая же часть квалифицированных рабочих все-таки оставалась на предприятиях в годы Гражданской войны. Однако такой материал в монографии отсутствует, оставляя без комментария и оценки меньшевиков, и ленинские слова.

Прояснить ситуацию с «крахом пролетариата» должна была глава о взаимосвязи социальных условий и жизненных настроений. Отметив, что по мере разрушения товарно-денежных отношений удельный вес заработной платы в бюджете рабочих неуклонно сокращался (8), А.В. Гоголевский подчеркивает: стало правилом массовое изготовление рабочими в цехах, либо вне предприятия (нередко в частных мастерских), поделок (ходовых рыночных материалов) на продажу (9). И вновь подобное, бесспорное в принципе, утверждение не опирается ни на макро-, ни на микроисследования. Вывод о деклассировании рабочих, проявившемся, по определению автора, как тенденция в 1918 г., и широко распространившимся в 1920 гг. (10), к сожалению, становится умозрительным.

В монографии предпринята попытка рассмотрения социального состава рабочих промышленности Петрограда, но приведенные варианты структуризации мало чем отличаются от существовавших десятилетиями в советской историографии. Относительно новым моментом можно считать утверждение А.В. Гоголевского о том, что и в Петрограде основную, подавляющую массу рабочих составляли крестьяне, связанные с землей (11).

В такой ситуации в монографии основным критерием деления рабочих на социальные группы фактически стала степень восприятия политических идей. Можно допустить, указывает автор, что наименее склонными к восприятию политических идей и общественно-политической деятельности объективно оказались рабочие Питера, сохранившие связь с землей. (По данным Всероссийской промышленной переписи 1918 г. 10,8 % рабочих Петрограда располагали землей как источником дохода). Следовательно, априори делает вывод А.В. Гоголевский, что именно эта часть рабочих объективно относилась к наименее развитым слоям (12). Между тем, из монографии становится понятным, что речь идет о восприятии большевистской агитации, а не политических идей вообще.

К столь же «маловосприимчивым» рабочим автор относит следующие strata рабочих: слой чернорабочих – (почти 28% процентов от всех рабочих); слой женщин-работниц, насчитывающий к 1921 г. 43,8 % состава рабочих Петрограда); пополнения в порядке трудовых мобилизаций и повинностей (13). Однако обратим внимание на то, что автором названы *неоднородные* социальная, профессиональная, гендерная группы. Что касается «пополнений», то судя по тексту, эта категория временно объединила представителей самых различных strata. Связь же названных групп с восприятием политических идей, к сожалению, в монографии только декларирована.

Стремясь оперировать конкретным материалом, автор обращается к вопросу о партийности рабочих, обоснованно отмечая: одним из показателей политизации рабочего класса было его членство в правящей большевистской партии. В 1919 г. удельный вес коммунистов среди промышленных рабочих в Петрограде составил 2, 5 %. Немногим он отличался и в 1920 г.: 2 % (по 24 предприятиям) (14). По мнению членов Петроградского комитета партии большевиков, это был «критически тонкий слой пролетариата» (15).

Но какая социальная группа внутри рабочего социума была наиболее представлена среди рабочих-партийцев? И этот вопрос в монографии остается без ответа. Ценное наблюдение о соотношении рабочих-коммунистов у станка и в советских учреждениях (осенью 1918 г. оно составляло, соответственно, 47 % и 53%) (16) оказывается вырванным из исторической динамики за 1917–19 гг. Между тем, именно этот материал мог выявить активность поддержки рабочими советского государства в различные периоды Гражданской войны.

Вне логической связи в монографии содержатся сведения о наличии 1535 рабочих, занятых в Советах и различного рода учреждениях, осенью 1918 г. (в том числе, 540 рабочих – непосредственно на депутатской работе в Советах) (17) и 4970 – в январе 1920 г. (18) Что означал такой рост рабочей прослойки в управленческом аппарате Петрограда? Усиление реального влияния рабочих или чисто количественный рост управленцев? Что из себя представляла в социальном плане группа рабочих-депутатов Советов? Чем она отличалась от основной массы рабочих? Каковой оказалась судьба рабочих-депутатов? К сожалению, эти вопросы звучат риторически.

Согласно материалам Всероссийской промышленной переписи 1918 г., удельный вес петроградских рабочих, занятых в государственных и общественных учреждениях, равнялся 4,9% (19). Логичным было бы сравнение этого показателя с аналогичными в губерниях России. По данным профессиональной переписи августа 1918 г., доля занятых в общественном управлении составляла в Ярославской губернии – 3,2 %, в Иваново-Вознесенской – 1,5 %, в Тульской – 2 %. На Урале (материалы были представлены только по Вятской губернии) этот показатель составил 4 % (20). Характерно, что к концу Гражданской войны показатель удельного веса рабочих Вятской губернии, покинувших производство и работавших в различных управленческих структурах, составляет также 4 % (21). Таким образом, можно допустить, что, по крайней мере, 4 % рабочих промышленности России (т.е. порядка 120 тыс. человек) покинули трудовые коллективы и влились в управленческую элиту *всех уровней* советского общества в первые годы советской власти.

Как пишет А.В. Гоголевский, наибольшую склонность к общественно-политической деятельности проявляли в первую очередь квалифицированные рабочие, имевшие существенный производственный стаж. Однако по данным монографии, среди рабочих, проявивших подобную активность, квалифицированные рабочие составляли только 43,5 % (22), *т.е. меньшинство*. Факт, заметим, весьма показательный и оставшийся вне оценки в исторической литературе.

По утверждению автора, в годы Гражданской войны формирования массовых настроений на заводах и фабриках Петрограда происходило, прежде всего, вокруг распределения продовольствия. Источники обеспечения фабрично-заводских предприятий продовольствием были весьма разнообразны, и включали различные виды пайков (23); самостоятельные закупки продуктов предприятиями, включавшие оплату предприятиями разницу нормированных и рыночных цен (24). Можно отчасти согласиться с автором, что, гарантируя рабочим выживание, государство фактически «прикрепляло» их к предприятию (25), но это утверждение не учитывает реального социального деления рабочих на лиц, имевших и не имевших земельные участки, включая огороды; сохранивших связь с деревней, и чистых пролетариев.

Ограниченность возможностей властных органов показывает такой факт: если для поддержания жизни рабочего требовался паек энергоемкостью не менее 2300 калорий, а для работы высокой интенсивности – 3600 калорий, то фактически же по карточкам рабочий в среднем, (включая обеды в столовых), получал в 1918 г. суточный паек энергоемкостью 646,9 калорий; в 1919 г. – 1393,9 калорий, в 1920 г. – 1577, 2 калорий (26). Справедливости ради надо отметить возрастание энергоемкости суточного пайка рабочих на протяжении 1918-1920 гг. В сочетании с системой особых (бронированных, красноармейских и др.) пайков (27) это вело к появлению (прежде всего на военных заводах), по сути, привилегированного слоя рабочих, к тому же в большей степени зависимого от властных структур.

Монография со ссылкой на материалы большевистских партийных комитетов и официальную печать указывает, что трудности с продовольствием вызывали у многих рабочих чувство отчаяния, скептицизма, неверие в возможность властей исправить положение (28).

Глава, посвященная взаимоотношениям рабочих и политических партий предполагает анализ: какие слои рабочих оказали наибольшую поддержку большевикам, *добровольно* вступая в ряды РКП (б) и Красной армии? Сколь масштабным оказался слой рабочих-выдвиженцев в советский и партийный аппараты на протяжении 1918–1920 гг.? Какая часть из них очутилась в низовом, среднем и высшем звене управленцев? Не менее важно: сколь долгим оказался срок пребывания рабочих в

среде «начальников»? Если данные о представительстве коммунистов в рабочем социуме читатель почему-то находит в первой главе, то ответа на остальные вопросы в главе нет.

Автор в описательной манере упоминает об агитационных методах работы большевистской партии среди рабочих вне научного анализа эффективности проведенных мероприятий. В силу этого, интересное замечание – «нельзя утверждать, что политическая агитация приводила к принятию большевистских резолюций на собраниях и митингах. Судя по характеру и стилю, они готовились в большевистских партийных организациях и затем продавливались в кругу рабочих, привязанных к своим предприятиям, обеспечивавшим хотя бы полуголодное существование» (29) – не опирается на систему доказательств.

Более основательной выглядит четвертая глава «Меньшевики и эсеры в рабочей среде». В монографии доказано, что в Питере существовал массив рабочих, поддерживающих в 1918 – 1920 гг. меньшевиков и эсеров (30).

К весне 1918 г. на базе голода произошло усиление влияния социалистов в Петрограде. Ставка меньшевиков была сделана на Собрание уполномоченных – беспартийную массовую рабочую организацию – в Петрограде и в других промышленных центрах (31). Наиболее прочные позиции меньшевики имели в профсоюзе печатников (32). Но что же отличало рабочих этого профсоюза? Какие слои рабочих поддерживали меньшевиков? Автор отмечает: выборы в июне 1918 г. в Петроградский Совет принесли весомый успех меньшевикам и эсерам на ряде крупных предприятий – Обуховском и Путиловском заводах, «Арсенале» (33). Так, из 30 избранных на Путиловском заводе депутатов 19 оказались на платформе меньшевиков и эсеров. Всего же в Петроградский Совет было избрано 46 депутатов – представителей меньшевиков и эсеров (34). Только ли антибольшевистская агитация была тому причиной, или сказались особенности социального состава рабочих указанных предприятий (35), традиции политических пристрастий? Эти вопросы остаются без ответа.

В монографии убедительно показано, что вытеснение меньшевиков и эсеров из политической жизни страны произошло недемократическим путем. Большевики, оппонировав социалистам, выставляли себя защитниками Советов, а меньшевиков и эсеров представляли как противников советской системы (36). После 6 июля 1918 г., в условиях закрытия свободной печати и окончательной монополизации власти большевиками, меньшевики и эсеры действовали на предприятиях Петрограда фактически нелегально. Тем не менее, социалисты продолжали политическую агитацию среди рабочих. Против них действовал разраставшийся репрессивный аппарат власти. Препятствовал и внедрявшийся

большевиками на предприятиях политический контроль. Содействовали же провалы в экономической политике властей, рост бедствий и нужды рабочих (37).

Во второй половине 1918 г. большевики вытеснили меньшевиков и эсеров из последнего легального прибежища в рабочей среде Петрограда – правления Союза печатников. Таким образом, с разгромом неподцензурной печати и ликвидации свободных профсоюзов какая-либо легальная борьба социалистических партий с большевиками за рабочих стала невозможной (38).

После арестов меньшевиков и эсеров в марте 1919 г. их политическая работа на предприятиях Петрограда фактически прекратилась. Оставшиеся на свободе социалисты ушли в глубокое подполье (39).

Тем не менее, в марте и в июле 1919 г. состоялись забастовки на предприятиях Петрограда. Так в июле бастовали 28 предприятий, на которых работали до 50 тыс. рабочих. Важное значение имеет наблюдение А.В. Гоголевского: среди инициаторов забастовки оказались те предприятия, где меньшевики и эсеры имели в 1917–1918 гг. сильные позиции: Невский завод, Обуховский, «Новый Леснер» (40). Собственно говоря, наблюдение А.В. Гоголевского дает понимание соотношению субъективных и объективных факторов, влиявших на формирование политических пристрастий рабочих.

Тем неожиданнее звучит в Заключении вывод автора: в целом в 1919 – 1918 гг. петроградские рабочие стремились избегать политики и занимались выживанием (41). В целом, слабость статистической базы обусловила не только отсутствие какой-то динамики исследуемого процесса за 1918-1920 гг., но и фундированность общих выводов о политических настроениях рабочих. Только мельком, вне анализа, автор упоминает о степени аналитики рабочей политики большевистской партии: так, в мае 1918 г. Петроградский комитет РКП (б) волнения рабочих на Путиловском заводе объяснил только «небрежностью в ведении политической агитации» (42).

Рассмотрение психологии рабочих, заявленное в заглавии монографии, не тождественно характеристике их политических настроений. Социальная психология общественного слоя или группы – сложное явление, включающее как динамические компоненты (настроения, вкусы, интересы), так и более устойчивые, статические (особенности психического склада, самосознания, менталитета), проявляющиеся в поведении людей. Это более широкое понятие, чем собственно настроения, хотя в смене настроений, характерных психических реакций на события и порождаемых ими массовых моделях поведения можно разглядеть устойчивые и типические черты психологии того или иного общественного слоя. Однако это требует сравнительного анализа, сопоставления

актуальных психических реакций и установок восприятия рабочих с существовавшими на протяжении более длительного исторического периода социально-психологическими явлениями в их среде. Отсутствие такого сопоставления и анализа обусловило недостаточно глубокий уровень рассмотрения А.В. Гоголевским ряда сюжетов. Так, рассматривая феномен взаимосвязи жизненных условий и социальных настроений, автор объясняет повальное воровство и хищения рабочих на предприятиях ситуацией голода, недостаточностью заработка для обеспечения полноценного потребления, а также «складывавшимся хозяйственным механизмом, формировавшим соответствующий менталитет» (43). Данную трактовку автор противопоставляет распространенному среди части большевистского руководства поверхностному толкованию этого явления как следствия низкой сознательности рабочих. Однако, как показывают материалы, относящиеся к концу XIX – началу XX вв., позднейшему периоду буржуазной модернизации, значительная часть рабочих России традиционно считала воровство на предприятиях дополнительным источником средств к жизни в условиях несправедливого распределения общественного богатства (44). Воровство оставалось до революции достаточно обыденным явлением, а в ситуации резкого ухудшения условий существования в период Гражданской войны, балансирования рабочих на грани голода традиционные способы выживания были актуализированы, востребованы самой жизнью, получив еще большее распространение. Это стало возможным также благодаря декларированию большевистским руководством советского государства его пролетарской природы, мягкому отношению к хищениям рабочих со стороны советских и профсоюзных органов, о чем пишет и сам А.В. Гоголевский (45).

Другой сюжет, требовавший рассмотрения в более широком историческом и теоретическом контексте, – отношение рабочих к труду, причины резкого падения дисциплины и производительности труда в 1918 – 1920-м гг. И здесь автор вновь, пытаясь противостоять поверхностным объяснениям этих явлений как порожденных низкой сознательностью и мелкобуржуазными пережитками в психологии рабочих, распространенным в то время, выдвигает идеи о забвении большевиками объективных экономических законов, попрании личного интереса работников в результатах труда (46). Эти положения, новые для историографии конца 1980-х гг., сегодня кажутся совершенно недостаточными для понимания отношения рабочих к труду в годы Гражданской войны и его роли в выявлении тенденций эволюции психологических характеристик рабочих в новых социально-политических условиях. Исследования мотивации труда в российской промышленности, проведенные отечественными и зарубежными учеными в рамках совместного

научного проекта в конце 1990-х гг., показали действие в дореволюционной России трех компонентов мотивации труда рабочих: побуждение (нематериальные стимулы), вознаграждение и принуждение (47). Исследователи подчеркивали чрезвычайную устойчивость и значимость этих трех компонентов мотивации труда, характеризовали их структуру (48). Факты, приводимые А.В. Гоголевским, дают возможность увидеть и разрушение большевиками традиционной системы мотивации рабочего труда, и их попытки наполнить ее новым содержанием, и недооценку материального стимулирования, и понимание самими рабочими важности всех стимулов к труду (так, некоторые из них отмечали негативные последствия исчезновения хозяйской «палки», различий в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда) (49). Распределение продовольственных пайков через предприятия было в условиях уравниловки одной из форм принуждения к труду. Однако сам А.В. Гоголевский в данном ключе проблему не рассматривает, не учитывает достижения историографии в ее изучении, что странно для работы, вышедшей в 2005 г. Это не позволяет автору выявить и дифференцировать устойчивые и новые черты психологии и настроений рабочих в условиях военного коммунизма. При рассмотрении пагубных последствий введения повременной оплаты труда, уравниловки в оценке его результатов, автор также обходит стороной проблему глубинных причин массовой поддержки рабочими их введения, в частности, воздействия на их психологию трансформированных установок традиционного крестьянского менталитета.

Нам представляется, что заявка автора на рассмотрение психологии рабочих Петрограда, обозначенная в заглавии работы, не была реализована.

В целом, монография по признанию самого автора, подготовленная к печати в конце 1980-х гг. (50), отражает всю противоречивую методологическую оснащенность историков уже ушедшей эпохи. Эпохе причисления высокооплачиваемых рабочих к категории «рабочей аристократии», а последней – к оппортунистам, отсталым в политическом плане слоям (51); непомерного преувеличения роли политической агитации; рассмотрения рабочих только как объекта исторического процесса. Вынесенное в заголовок слово «психология» не нашло не только раскрытия в историческом контексте, но и определения своего значения. Вне структуризации остался и термин «политические настроения». Задача, поставленная автором, оказалась декларированной, но не решенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918 – 1920 гг. СПб, 2005. С. 5.
2. Там же. С. 6.
3. Там же. С. 7– 9.
4. Там же. С. 9.
5. Там же. С. 9 – 10.
6. Там же. С. 12.
7. Там же. С. 18.
8. Там же. С. 14.
9. Там же. С. 15.
10. Там же. С. 17.
11. Там же. С. 20.
12. Там же. С. 36
13. Там же. С. 36–37.
14. Там же. С. 31–32.
15. Там же. С. 30.
16. Подсч. по: Там же. С. 30.
17. Там же.
18. Там же. С. 31.
19. Там же. С. 42.
20. Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры, М. 1975. С. 108, 147.
21. Подсчитано по: Лахман А.И. Во имя революции. Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1920 гг.). Киров, 1981, С. 7, 12.
22. Там же. То, что среди рабочих-активистов лица с производственным стажем составляли 50,4% – не меняет сказанного – длительный стаж мог быть и у малоквалифицированных рабочих.
23. Там же. С. 56.
24. Там же. С. 60, 62.
25. Там же. С. 64.
26. Там же. С. 57.
27. Там же. С. 56–57.
28. Там же. С. 54.
29. Там же. С. 102.
30. Там же. С. 126.
31. Там же. С. 130.
32. Там же. С. 131.
33. Там же. С. 138.
34. Там же. С. 140.
35. О специфике социальной психологии рабочих Обуховского завода говорится мельком и вне связи с предприятными военной промышленности – Там же. С.40– 41.
36. Там же. С. 142.
37. Там же.
38. Там же. С. 143.
39. Там же. С. 153.
40. Там же. С. 154.
41. Там же. С. 217.
42. Там же. С. 101.
43. Там же. С. 77.
44. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 130-131.
45. Гоголевский А.В. Указ. соч. С. 75-76.
46. Там же. С. 194.

47. См.: Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 206-216.
48. Там же. С. 211-216; Авторы рассматривали, в частности, воровство в качестве одного из компонентов «невидимых заработков» – одну из трех категорий системы вознаграждения за труд: см.: Там же. С. 212.
49. Гоголевский А.В. Указ. соч. С. 163-194.
50. Там же. С. 3.
51. Там же. С. 40.

Olga S. Porshneva, Mikhail A. Feldman
Highest peaks. NOTES ON THE MONOGRAPH

The publication is a review of the work of AV Gorlovsky dedicated political mood of the workers of Petrograd in 1918-1920 -s. According to the authors of the review , the task of studying the psychology of the Petrograd workers , indicated by the title , was not implemented . Monograph reflected contradictory methodological equipment historians already bygone era. The heading of the word "psychology" is not found not only in the historical context of disclosure , but also determine its value . Remained outside the structuring and the term " political mood ". The task assigned to the author of the monograph , was declared , but not solved.

Keywords: workers of Petrograd ; The Russian Revolution ; historical psychology .

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сутырин Борис Алексеевич – профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, профессор.

Шистеров Максим Валерьевич – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

Соколова Елена Станиславовна – доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Постникова Алена Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Замов Эдуард Александрович – доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета, кандидат исторических наук, доцент.

Ворошилин Сергей Иванович – доцент кафедры психологии Института психологии Уральского государственного педагогического университета, кандидат медицинских наук, доцент

Агапов Михаил Геннадьевич – доцент кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Абрамов Сергей Викторович – доцент Уральского государственного горного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Грибан Ирина Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, директор Музея истории УрГПУ.

Юнгханнс Дирк – референт академии повышения квалификации (г. Бад Вильдбад).

Челякин Евгений Юрьевич – аспирант исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Федорова Дина Николаевна – младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, аспирант сектора этноистории ИИиА УрО РАН.

Орлова Александра Алексеевна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Сердюков Анатолий Андреевич – доцент кафедры Отечественной истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, директор музея истории УрГПУ в 2000-2008 гг.

Ковалевская Маргарита Борисовна – главный хранитель фондов музея истории УрГПУ.

Кругликова Галина Александровна – доцент кафедры истории России исторического факультета Уральского педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Смирнов Сергей Викторович – доцент кафедры новой и новейшей истории Института наук и искусств Уральского федерального университета, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Гладышев Андрей Владимирович – доцент кафедры нового и новейшего времени Саратовского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

Слободяник Лада Сергеевна – докторант Высшей школы экономики (г. Прага).

Шестакова Надежда Федоровна – студент 4 курса исторического факультета Уральского государственного педагогического университета.

Поршнева Ольга Сергеевна – профессор кафедры истории России Института фундаментального образования Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

Фельдман Михаил Аркадьевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральской академии государственной службы, доктор исторических наук, профессор.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Запад, Восток и Россия:
Историк и Текст, или как изучать историю**

Вопросы всеобщей истории
Выпуск 12/14

Главный редактор В.Н. Земцов
Оригинал-макет Н.Ф. Шестакова

Подписано в печать 12.2011. Формат 60x84/16. Бумага для множ. ап.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 17,5. Усл. изд. л. 8,8. Тираж 100 экз. Заказ
Отдел множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26
Адрес в Интернете: www.uspu.ru
E-mail: hist@uspu.ru
